Летчики на войне

Г А Чечельницкий

SHOUT
SHARE
IT

- Чечельницкий Г А

Чечельницкий Г А
Летчики на войне

Чечельницкий Г.А

Летчики на войне

{1}Так обозначены ссылки на примечания

Аннотация издательства: В популярном военно-историческом очерке в хронологической последовательности воссоздается боевой путь 15-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. Летчики армии совершили во фронтовом небе 170,5 тыс. боевых вылетов, уничтожив при этом большое количество живой силы, боевой техники, а также 1824 самолета противника. На многих страницах тепло рассказывается о героизме и самоотверженности советских авиаторов, о ратном труде инженеров, техников, механиков, связистов, воинов авиационного тыла. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

С о д е р ж а н и е

Глава первая. Армия становится в строй
Глава вторая. Армия пополняется, армия учится
Глава третья. В преддверии великого сражения
Глава четвертая. В пылающем небе огненной дуги
Глава пятая. Эскадрильи взяли курс на Брянск
Глава шестая. На дальних подступах к Прибалтике
Глава седьмая. Перелом
Глава восьмая. Под грозовым латвийским небосводом
Глава девятая. Рига зовет
Глава десятая. Над "курляндским загоном"
Примечания

Глава первая.
Армия становится в строй

Весной и летом 1942 г. в Военно-Воздушных Силах Красной Армии происходили важные изменения. Война требовала сосредоточения крупных авиационных объединений на решающих направлениях для обеспечения успешных действий сухопутных войск. Прежняя структура ВВС, при которой силы авиации были распылены, изжила себя. Настало время коренным образом изменить ее, для чего весь парк самолетов армейской и фронтовой авиации сводился на фронтах в воздушные армии с непосредственным подчинением командующим фронтами.

В это время и позже формировались также авиационные корпуса резерва Верховного Главнокомандования - крупные

маневренные соединения, которые в нужный момент на важных направлениях Ставка придавала воздушным армиям, усиливая их. Осуществление такой реорганизации стало возможным благодаря непрерывному росту производства самолетов новейших конструкций на авиационных заводах страны и наличию в советской авиации опытных кадров летчиков и командиров.

15-я воздушная армия находилась у исходного пункта своего боевого пути неподалеку от Ельца. Сюда в начале июля 1942 г. ехал на старенькой "эмке" с предписанием командующего ВВС генерал-майор авиации Иван Гаврилович Пятыхин.

В штабе Пятыхин застал заместителя командующего ВВС генерала Г. А. Ворожейкина, который из авиационной группы Брянского фронта, разделенного 7 июля на Брянский и Воронежский фронты, начал формировать воздушную армию.

Прошло немного времени, и генерал И. Г. Пятыхин возглавил армию, а прибывший полковой комиссар Михаил Николаевич Сухачев вступил в должность военкома.

Приказ перебазироваться на новые аэродромы армии первой получила 284-я бомбардировочная авиадивизия.

Немного времени потребовалось ей, чтобы выполнить этот приказ, потому что аэродромы дивизии были неподалеку. Вскоре к месту назначения отправились эскадрильи 286-й истребительной и 225-й штурмовой авиадивизий. Отныне они становились составными частями воздушной армии. В одно время с боевой техникой, а порой значительно раньше ее, строились в колонны бензои масло-заправщики, стартеры и летучки, радиостанции и полевые кухни частей трех районов авиационного базирования - 17, 21 и 71-го, чтобы под прикрытием короткой летней ночи как можно быстрее направиться в указанные им пункты.

Позже пришел черед других полков и дивизий войти в состав воздушной армии. Иным предстояло пройти в ней долгий боевой путь, измеряемый тысячами летных часов, иным - действовать только эпизодически.

Несхожими были судьбы этих полков. Одни сформировались в тревожные тридцатые годы на Дальнем Востоке и получили боевое крещение у реки Халхин-Гол; их перебросили на запад, когда война забушевала в Подмосковье. Другие начали сражаться в первые же часы войны над Каунасом и Лиепаей. Летчики успели сменить самолеты И-153 и И-16 на МиГ-3, а те в свою очередь на "яки". В исторические формуляры третьих вписывались только первые строки, а журналы боевых действий еще оставались нераскрытыми.

Боевой путь 32-го бомбардировочного авиаполка 284-й

авиадивизии частица истории Военно-Воздушных Сил нашей страны.

Полк формировался в 1938 г. в Забайкалье. А "родословную" свою ведет с 1931 г. от 34-й эскадрильи, которая потом в Белоруссии была развернута в авиационную бригаду.

В Забайкалье летчики освоили скоростные бомбардировщики конструкции А. А. Архангельского. Факт сам по себе примечательный: в то время не было самолетов лучше СБ. На них наши летчики сражались в Китае. Потом на Халхин-Голе капитан Иван Семенович Полбин и майор Николай Матвеевич Комайкин водили в бой эскадрильи СБ. Овладение слепыми полетами и полетами ночью также вошли памятными страницами в историю части.

Война. Эшелон за эшелоном мчатся с востока на запад.

На Юго-Западном фронте летчики полка с ходу идут в воздух и беспощадно рассчитываются с врагом. За два месяца уничтожено более 130 фашистских танков, самолетов - 30. Эта запись уместилась на одной строчке истории полка, но она говорит о многом, потому что год шел тогда 1941-й...

Следующие месяцы отмечены многими боевыми вылетами, теперь уже над районами Касторное, Гремячье, Курск.

- Работали правильно, - односложно докладывал о деятельности полка майор Николай Павлович Щенников полковому комиссару Сухачеву, когда тот знакомился с частями дивизии, прибывшими в армию.

- Люди у нас что надо, - дополняет майора неутомимый военком полка Василий Федорович Журавлев. Радостная взволнованность чувствуется в его голосе, когда он называет имена летчиков Захара Иваненко и Петра Гаврилова, штурманов Николая Сергеенкова и Ивана Багрича, воздушных стрелков-радистов Дмитрия Никулина и Виктора Логинова, механиков старшин сверхсрочной службы Евгения Иваненко и Ивана Данильченко О бесстршных воздушных бойцах 32-го полка военком готов говорить без конца, но Сухачев деликатно останавливает собеседника:

- В дивизии ведь не один тридцать второй полк...

Начальник политотдела 284-й бомбардировочной авиадивизии батальонный комиссар Федор Никитович Тарасов спешит рассказать о том, что три недели назад самолет младшего лейтенанта Артюши Оганджаняна был подбит в районе Землянска, и молодой летчик-коммунист из 507-го полка направил горящую машину на фашистские танки, что командир экипажа 778-го полка младший лейтенант Николай Рослов и воздушный стрелок-радист комсомолец Александр Перцев

прикрыли самолет своего однополчанина и спасли его от верной гибели.

Полковник Алексей Филиппович Обухов, командир 225-й штурмовой авиадивизии, созданной здесь же, на Брянском фронте в середине мая 1942 г., предельно краток в ответах на вопросы комиссара Сухачева. Командир подчеркивает, что полки созданы недавно: путь одного начался несколько месяцев назад, другому нет еще и года. Однако летчики в первых же боях показали, на что они способны. Не зря их танкисты недавно похвалили. И командир ссылается на сообщение из 26-й танковой бригады о том, что после отхода немцев обнаружено 23 разбитых орудия, несколько десятков пулеметов, много автомашин. Большая часть приходится на долю штурмовиков своевременно помогли с воздуха продвинуться вперед.

- Ведущий группы "илов", - рассказывает Обухов, - увидел в районе цели бой наших танков с немецкими. Принял молниеносно решение: атаковать. Сразу пояснил задачу ведомым и первым пошел в атаку. Штурмовики действовали грамотно, смело, решительно. Танкисты и пехота напрасно не похвалят.

В 286-й истребительной авиадивизии, по словам командиров, можно было положиться на каждого, хотя еще не все пилоты обстреляны. Многие из них участвовали только в учебных боях, "дрались" со своими инструкторами и получали от них четверки, а нередко и пятерки. Словом, ребята толковые, дерзкие, сметливые.

В полках не ошибались, высоко оценивая молодежь. В этом Сухачев скоро убедился, читая такие донесения: "13 августа 8 Як-1 провели бой с 6 Ю-88 и 16 Ме-109. Старший сержант Гаврилов, старший сержант Панин, майор Свириденко сбили 5 самолетов... Коммунисты Подволзан и Соболев - по одному Ме-109... Летчики-сержанты не допустили Ме-109 к нашим бомбардировщикам. В этом бою лейтенант Трихуненко уничтожил один самолет лично и один в группе".

И еще: "Истребители 171-го иап сопровождали штурмовиков на боевое задание. Группу возглавлял старший лейтенант Константин Длужицкий. Над территорией противника завязался воздушный бой. Наши летчики сбили четыре вражеских самолета. Но был подожжен и самолет тов. Длужицкого. Летчик направил его в скопище вражеских войск. Длужицкий погиб"{1}.

Это произошло 16 августа 1942 г. 19 августа Константин Антонович Длужицкий был награжден посмертно орденом Ленина.

171-й истребительный авиаполк, созданный накануне войны, получил боевое крещение под Тулой осенью 1941 г. На Брянском

фронте летом 1942 г. летчики этого полка вели напряженные воздушные бои. Тогда-то стало известно имя командира звена Константина Соболева. В конце июля над районом Гремячье звено Соболева отразило налет большой группы "юнкерсов". Одного пирата сбил командир. Потом последовали его новые успешные бои, отмеченные благодарностями Военного совета Брянского фронта, командующего воздушной армией генерала Пятыхина и первой правительственной наградой - орденом Красной Звезды. Личный счет Соболева и других летчиков-истребителей полка возрастал. Их позывные все чаще слышались в воздухе.

Между тем приближалось время начала боевых действий воздушной армии. Это чувствовалось еще в начале августа. Задачей номер один для всех трех районов авиационного базирования вместе с многочисленными бао (батальонами аэродромного обслуживания) была подготовка аэродромов. Работники тыла армии во главе с деятельным энергичным хозяйственником бригадным интендантом Павлом Михайловичем Ступиным заранее выехали в батальоны.

Для воздушной армии августовская операция войск Брянского, а затем Воронежского фронтов была первым серьезным экзаменом.

Прорыв немецких войск в сторону Волги и на северокавказском направлении резко обострил стратегическую обстановку на советско-германском фронте. Противник стремительно продвигался в глубь страны. В воздухе господствовала фашистская авиация. Исключительно тяжелые бои советские войска вели между Доном и северными предгорьями Кавказа. Реальной помощью им могли быть отвлекающие удары соседних фронтов. Такие удары наносились начиная с августа и вплоть до поздней осени 1942 г. Они в некоторой степени влияли на ход вооруженной борьбы на Нижней Волге и Северном Кавказе.

В боевые действия войск Брянского фронта с ходу включилась и воздушная армия. На авиацию возлагались задачи поддерживать 38-ю армию во время прорыва вражеского оборонительного рубежа, взаимодействовать с танковыми частями при вводе их в прорыв, прикрывать наземные войска с воздуха.

На рассвете 10 августа группы самолетов 284-й бомбардировочной и 225-й штурмовой авиадивизий в сопровождении экипажей 286-й истребительной авиадивизии нанесли удары по войскам противника в районе Ивановка, Ильиновка, Спасское. Здесь наши войска натолкнулись на упорное сопротивление врага.

В тот день выполнялось еще одно задание. По донесениям экипажей разведывательных самолетов на курском аэродроме скопилось около ста Ю-88 и Ме-109. Сразу же созрел план уничтожить вражескую технику. Осуществление его выпало на долю штурмовиков и истребителей. Действуя сравнительно небольшой группой в составе 7 "илов" и 15 ЛаГТ-3, участники вылета добились значительных результатов. Почти половина вражеских самолетов на стоянках была выведена из строя. Свою роль сыграли продуманные решения, умелая организация удара, его внезапность.

11 августа последовал еще один приказ за подписями командующего воздушной армией генерал-майора авиации И. Г. Пятыхина, военного комиссара полкового комиссара М. Н. Сухачева и начальника штаба генерал-майора авиации А. А. Саковнина. По этому приказу требовалось оказать поддержку наземным войскам, наступающим на вражеские оборонительные рубежи.

Сопровождая танковое соединение, штурмовики вылетели на задание 12 августа в 5 час. 30 мин. По белым стрелам, выложенным на исходных позициях танкистов, по зеленым ракетам - так было заранее условлено - летчики убедились в том, что под ними свои, и взяли курс на Малопокровку, Высочино и Дмитриевку. Здесь находились опорные пункты противника, насыщенные артиллерией и минометами. Одна за другой группы "илов" сбросили бомбы и встали в круг для последующих атак цели. До полудня штурмовики вылетали на задание еще дважды. Сюда же направились летчики 284-й бомбардировочной авиадивизии с истребителями 286-й. Истребители прикрывали также наземные войска. В этот день авиация противника многократно появлялась над полем боя группами от 7 до 15 самолетов. В небе разгорались воздушные бои. Как только закончились боевые действия на землянском направлении, начальник штаба армии доложил командующему о готовности предварительных итоговых материалов. Собрались впятером. Кроме генералов И. Г. Пятыхина и А. А. Саковнина на совещании присутствовали военком М. Н. Сухачев, заместитель командующего Д. Д. Попов и начальник политического отдела Г. А. Худяков. Генерал Саковнин оперировал в основном цифрами. За несколько дней армия совершила 1240 боевых вылетов, из них на разведку - 126, бомбардировку 362, штурмовые действия - 134, на прикрытие войск - 325 и на сопровождение - 293. Летчики уничтожили танков - 80, автомашин - 225. В 43 воздушных боях сбито 49 вражеских самолетов.

- Наступление наземных войск не принесло желаемых

результатов, сделал вывод начальник штаба после анализа вылетов. - Причины этого известны: противник упорно сопротивляется, усилив свою группировку подкреплениями с других участков фронта; пополнил авиацию бомбардировщиками. Наши же летчики слишком увлекались воздушными боями с "мессершмиттами", скованные ими, упускали "юнкерсов". А ведь первая заповедь истребителей - видеть поле боя и, главное, уничтожать немецких бомбардировщиков.

- Хотя командование 38-й армии дало нам в общем неплохую оценку и летному составу объявлена благодарность, нет основания обольщаться результатами, - сказал начальник штаба. - Промахов допускали немало. Примитивными были тактические приемы истребителей: они не затягивали противника на выгодные для себя высоты, атаковали вяло. Не порадовали новизной приемов и штурмовики, которые мало задерживались над полем боя. Летчики робко пользовались радиостанциями.

- Выходит, первый блин комом? - спросил кто-то из присутствовавших.

- Не совсем так, - ответил Саковнин. - Однако многовато сучков и задоринок...

С таким мнением нельзя было не согласиться. Генерал Пятыхин мог объективно оценить как положительные стороны, так и погрешности в деятельности авиации, которые в немалой мере отразились на результатах боев наземных войск. В этом его убеждало также мнение генерала Н. Е. Чибисова, высказанное после перехода войск к обороне.

- Конечно, и несколько самолетов, атакующих врага на глазах у наступающей пехоты, воодушевляют ее. Порой авиация действовала хорошо, порой же мало силенок было над полем боя. К тому же иные летчики малоопытны. Вот почему авиация не смогла сорвать ударов немцев с воздуха. Старались, видно, крепко, но провести пехоту и танки в глубину обороны, подавить опорные пункты врага не сумели, как, впрочем, и артиллеристы.

Первые результаты боевой работы воздушной армии не были значительными. Но пусть число вылетов было более чем скромное, пусть хромало взаимодействие с 38-й армией, пусть, наконец, противник понес в воздухе не такие уж значительные потери, однако результаты все же обнадеживали. И главный из них состоял в том, что действия авиации происходили по намеченному плану, отличались организованностью и собранностью.

Назавтра итоги боев обсуждались с летным составом во всех трех дивизиях армии.

Короткая передышка использовалась для подготовки к новым

боям. Они были не за горами.

* * *

Тревожные вести шли с юга-востока страны. На сталинградском направлении бои принимали все более напряженный характер и приблизились к Волге. Не утихали они и на других фронтах. Осложнилось положение наших войск и под Воронежем. Подвижные соединения противника вышли к железной дороге Касторное - Старый Оскол и охватили с севера дивизии 40-й армии. Предпринятыми усилиями соседнего с Воронежским Брянского фронта была сорвана попытка прорыва врага к северу от Воронежа, вдоль Дона. Тем не менее коренного изменения к лучшему здесь не произошло.

В первой половине августа 1942 г. войска Воронежского фронта в результате наступления форсировали Дон и захватили плацдарм на его западном берегу вблизи Коротояка. В сентябре они готовились нанести удар непосредственно на Воронеж.

Командование воздушной армии заранее было поставлено в известность, что большинство ее сил примут участие в наступательных действиях соединений Воронежского фронта вместе со 2-й воздушной армией, расположенной в районе Ельца. Этой армией командовал один из старейших советских авиаторов Степан Акимович Красовский.

С особенным напряжением в период подготовки наступления работал технический состав, стремясь отремонтировать все поврежденные в боях самолеты. В штурмовой дивизии засучили рукава и многие летчики.

А боевая работа в воздухе шла своим чередом.

Едва солнечный диск начинал опускаться за горизонт, экипажи ночников спешили на аэродром к своим машинам, чтобы еще раз осмотреть их, загрузить ящиками со взрывчаткой, медикаментами, пачками газет, автоматами, винтовками и патронами.

Самолеты направлялись в партизанский край, простиравшийся теперь на сотни километров. Авиация была надежным мостом между партизанами и Большой землей. Эту задачу выполняла особая группа, созданная в армии. Приближалась осень, но метеорологические условия благоприятствовали полетам, особенно ночью, и экипажи совершали свои регулярные рейсы к партизанам. Нередко на борту самолетов находились С. А. Ковпак, М. И. Дука и другие руководители партизанских отрядов.

* * *

Еще не пришли в движение войска Воронежского фронта, план наступательной операции еще только дорабатывался, а

группы штурмовиков и бомбардировщиков двух воздушных армий уже начали выполнять его довольно существенную часть.

В конце лета на ближайших к фронту аэродромах сосредоточилось много немецкой авиации. Об этом доносила воздушная разведка, сообщали партизаны. Имея количественное превосходство в воздухе, фашистские летчики не особенно беспокоились о маскировке самолетов, тем более что аэродромы плотно прикрывались зенитными средствами.

Значительное количество фашистских самолетов, действующих против войск Брянского и Воронежского фронтов, базировалось на аэродромах Курск-восточный и Старый Оскол: на первом - до шестидесяти самолетов, на втором - до сорока. Было принято решение уничтожить их. Вслед за предварительным распоряжением штаба армии в ночь на 25 августа последовал приказ командующего. Согласно этому приказу 284-й бомбардировочной авиадивизии ставилась задача нанести удары девяткой Пе-2 в сопровождении пятерки истребителей ЛаГГ-3 по курскому аэродрому, второй девяткой под прикрытием шести истребителей - по аэродрому Старый Оскол.

Командиру 225-й штурмовой авиадивизии приказывалось до 16.00 перебросить две эскадрильи поближе к линии фронта и в 18.50 двумя девятками "илов" в сопровождении десяти Як-1 286-й истребительной авиадивизии направиться к Курску. Второй группой Ил-2 и восьмеркой Як-1 надлежало штурмовать аэродром Старый Оскол.

Ответственным за удар по курскому аэродрому назначался командир 286-й истребительной авиадивизии полковник И. И. Иванов, по старо-оскольскому аэродрому - командир 225-й штурмовой авиадивизии подполковник А. Ф. Обухов.

Выполняя приказ командования, группы в указанное время нанесли удар по обоим аэродромам.

Каковы же итоги налета, совершенного на исходе 25 августа?

- Значительные, - отвечали на этот вопрос из дивизий, подкрепляя фотоснимками донесения ведущих. "В результате бомбардировочного и штурмового ударов уничтожено до 40 вражеских самолетов"{2}.

Очередь была за орловским аэродромом, переполненным "юнкерсами". 27 августа 810-й штурмовой авиаполк под командованием майора М. И. Сапогова появился над этой целью. Затем подошли другие группы штурмовиков дивизии. "Ильюшиных" прикрывали истребители. "Число уничтоженных немецких самолетов достигло 63", - сообщили из партизанского отряда.

В другом донесении партизан, полученном позже,

содержались такие сведения: "В 6.30 29.8 на аэродроме Брянск сожжено 6 самолетов и несколько повреждено".

Это сделали летчики-ночники.

* * *

15 сентября войска Воронежского фронта начали наступательную операцию с целью освобождения Воронежа и ликвидации плацдарма противника на восточном берегу Дона. Части 15-й воздушной армии, действовавшие в интересах фронта, вступили в бой, поддерживая вместе с 2-й воздушной армией С. А. Красовского 38, 40 и 60-ю армии. Задача в первый день наступления заключалась в том, чтобы уничтожать мотомеханизированные войска противника в районах Губарева, Семилуки, Подклетная и высоты 171,0. В эти районы надлежало вылететь группам самолетов 225-й штурмовой и 284-й бомбардировочной авиадивизий под прикрытием истребителей.

Приказ генерала Пятыхина заканчивался словами: "Мой командный пункт Рябинки".

...С командного пункта воздушной армии не видны бои экипажей самолетов, но постоянно представляется обстановка в воздухе благодаря четкой работе телеграфистов и радистов на узле связи.

За телеграфными аппаратами сидят девушки в защитных гимнастерках. В минуты отдыха они называют друг друга Машей, Ритой, Ниной, но на службе слышится: "красноармеец Поротникова", "красноармеец Лаптева", "красноармеец Сямина". Странно звучат в тесных крестьянских избах будто сошедшие со страниц старинного романа имена Надя Франжоли, Марго Шахоян, Софья Муслимова, Нина Ау-зен, Филочка Кайгородова. К ним подружки питают большое уважение, но не за звучные имена, а потому что те работают красиво и уверенно.

Дни и ночи на КП и на узле связи напряжены. В назначенный час мгновенно привел в действие свою радиостанцию экипаж отличного специалиста сержанта Викентия Булыгина. Смена красноармейца Маши Поротниковой села за телеграфные аппараты, подготовленные к работе вездесущим воентехником Михаилом Нодельманом, и начали стремительный бег по клавиатуре натренированные пальцы Маргариты Лаптевой, а рядом, робея и смущаясь при одной только мысли, что ей поручили держать связь со штабом бомбардировочного полка, старается поспеть за своей опытной подругой Нина Сямина.

Никто даже и не подумает о том, что могут вдруг замолкнуть аппараты на телеграфном узле или ночью погрузиться в темноту КП. Связисты уверены в своих друзьях с зарядной станции. Когда на дежурстве ее начальник старший сержант Георгий Морозов и

его помощники, все знают, что не откажут бензиновые электродвигатели.

На долгую вахту заступает юный сержант Иван Дроздов. Не отлучается и другой электромеханик - шофер, пятидесятилетний красноармеец Григорий Щербак. В полной готовности еще один электромеханик - Семен Бирюков. Прозвучит вдруг тревожный телефонный звонок, и он, с сумкой инструментов через плечо, с автоматом в руке, бросится туда, где случилась авария на линии.

В собранности и спокойствии связистов, в деловитости, с какой они трудятся, в размеренности и быстроте их энергичных движений чувствуется, что весь этот сложный механизм направляют способные и знающие командиры Г. С. Степкин, Н. М. Питкевич, Ф. П. Баран, И. Х. Усвицкий, Е. Ф. Устинов, боевой комиссар полка связи Г. И. Гальперин.

* * *

На земле и в воздухе шли упорные бои. Острие своих контрударов противник направил на район, где наступала 38-я армия. Здесь действовали основные силы его авиации. Поэтому по заданию командующего воздушной армией сюда вылетали группы самолетов из всех трех дивизий. Истребители вели воздушные бои, а штурмовики и бомбардировщики поддерживали части, наступающие в направлении Ольховатка, Липовка, Репное, Коверья, высота Лысая.

Эта поддержка с воздуха оценивалась потом так: "Действия авиации были эффективными и точными относительно цели. Отрицательно сказывалось на ходе операции то обстоятельство, что не всегда появлялось в воздухе требуемое в заявке количество самолетов... Начальник штаба 38-й армии полковник Пилипенко, начальник оперотдела майор Креминин"{3}.

Наступление войск Воронежского фронта продолжалось почти три недели. И хотя замысел командования полностью осуществить не удалось, войска фронта все же форсировали реку Воронеж, а также заняли южную и юго-восточную части города. Главное же состояло в том, что удары войск Брянского и Воронежского фронтов в августе и сентябре 1942 г. и активные действия на некоторых других фронтах сковывали крупные силы противника, не давали возможности гитлеровскому командованию маневрировать ими в то время, когда на сталинградском и кавказском направлениях фашистская армия ощущала нехватку резервов. Эти активные действия Красной Армии оказали большое влияние на исход оборонительных сражений на юге страны.

Глубокой осенью сражение на Волге приняло иной оборот.

Советские войска под Сталинградом двинулись в

наступление, окружили здесь мощную немецко-фашистскую группировку и приступили к ее ликвидации.

В январе 1943 г. с новой силой развернулись бои и на Брянском фронте.

Среди задач, выполняемых в конце 1942 - начале 1943 г. воздушной армией, большое значение приобрели удары по вражеским аэродромам, в первую очередь по курскому аэроузлу, где базировались преимущественно фашистские бомбардировщики. К нему было приковано внимание командующего фронтом.

По приказу командующего в начале октября совершили налет на аэродром Курск-восточный эскадрильи штурмовиков. Чтобы приблизиться к объекту удара, они перебазировались на вспомогательный аэродром. Группы "илов" 225-й штурмовой авиадивизии сопровождали к цели, как обычно, истребители 286-й дивизии.

3 ноября штурмовики выполняли аналогичное задание. На этот раз вылетели три семерки и одна пятерка "илов" под прикрытием десяти "яков". Летчики уничтожили и повредили до 20 "юнкерсов". При этом был подавлен огонь 15 зенитных точек.

Вскоре состоялся еще один налет на тот же аэродром.

Экипажи 32-го бомбардировочного полка 284-й авиадивизии обнаружили, что ежедневно в середине дня здесь приземляются несколько десятков двухмоторных бомбардировщиков. Одновременно они установили, что аэродром прикрывается зенитными батареями и истребителями, патрулирующими на разных высотах. Цель была заманчивой, и, всесторонне оценив обстановку, командующий решил нанести по ней удар группой в составе 14 штурмовиков, сопровождаемых 12 истребителями.

Истребители и штурмовики переместились поближе к линии фронта на полевой аэродром около деревни Хухлово. При постановке боевой задачи генерал Пятыхин использовал фотопланшеты, подготовленные в 32-м авиаполку. На планшете курский аэродром был разбит на участки для индивидуальной обработки целей штурмовиками.

Удар наносился в 15 час. 10 мин. 9 ноября. Первая группа из восьми Ил-2 применяла в интересах второй зажигательные средства. Ею же был подавлен огонь зенитной артиллерии. Вторая группа внезапно атаковала аэродром с другого направления. Истребители противника появились лишь на последнем заходе штурмовиков и были атакованы летчиками 236-й авиадивизии.

"Уничтожено и повреждено 40 самолетов", - доложил штабу армии командир 225-й штурмовой авиадивизии. А из 32-го

бомбардировочного полка подтвердили это донесение фотоснимками, сделанными экипажами капитана П. Гаврилова и младшего лейтенанта Г. Брегадзе{4}.

Осенью этот полк часто выполнял задания по разведке. Выделялся среди других экипаж в составе летчика старшего лейтенанта Петра Гаврилова, штурмана старшего лейтенанта Никифора Евтушенко и воздушного стрелка-радиста, начальника связи эскадрильи старшего лейтенанта Дмитрия Никулина. Еще в июле и августе их Пе-2 почти ежедневно появлялся над пунктами Гремячье, Землянск, Верейка, Колпна, Мармыши, Урицкое, над Курском и Касторное.

В разведывательных полетах экипаж безошибочно обнаруживал то склады в лесах, то вражеские танки в копнах ржи и в оврагах, то замаскированные самолеты на аэродромах, не говоря уже об эшелонах на станциях и скоплениях автомашин на погрузке и разгрузке. В нужных случаях штурман нажимал на кнопку бомбосбрасывателя или включал аэрофотоаппараты. Воздушный стрелок-радист передавал ценные сведения о противнике на КП полка, а иногда непосредственно в штаб воздушной армии.

Никто в полку тогда еще не предполагал, что в скором времени новая область боевой деятельности станет для него основной. Но она, без сомнений, вызывала у летчиков и штурманов повышенный интерес. Экипажи находили себя в разведывательных полетах. Это не могло пройти мимо командования, и на исходе ноября, во время реорганизации 284-й бомбардировочной авиадивизии, 32-й полк стал отдельным разведывательным.

Летный состав быстро освоил новую военную специальность. Видно, не только Петру Гаврилову, Захару Иваненко, Никифору Евтушенко, Николаю Сергеенкову, Александру Потанину, Ивану Багричу, но и другим летчикам и штурманам на роду было написано стать воздушными разведчиками.

Боевой коллектив полка прилагал все силы, чтобы зоркими и всевидящими были глаза воздушной армии, добивался точности и оперативности воздушной разведки - этого наиболее маневренного вида разведки.

* * *

Партийный актив воздушной армии собрался впервые в самом начале нового 1943 г. С трудом вместил маленький сельский клуб всех его участников. Сюда прибыли с фронтовых аэродромов те, кто накануне и третьего дня летал в зимнем небе, слыша в наушниках шлемофона голос сидящего теперь рядом товарища.

Здесь было много коммунистов, чей стаж измерялся несколькими неделями. Они получали партийные билеты сразу после штурмовки стоянок "юнкерсов", нескольких удачных вылетов на разведку и фотографирование переднего края обороны противника, воздушного боя. Сюда пришли их техники - самые преданные друзья летчиков, готовые вложить свое сердце в мотор "ила" и "яка", лишь бы подготовленный к вылету самолет дошел до цели и возвратился на свой аэродром. Пришли коммунисты, которые несколько лет назад выступали на собраниях перед ударом по вражеской авиации на Халхин-Голе или слушали напутствия полковника Хулио - советского летчика-истребителя Петра Пумпура, возглавлявшего неустрашимых воздушных бойцов в небе Мадрида и Талаверы.

Здесь находились командиры эскадрилий и полков, комиссары, парторги эскадрилий, коммунисты из штабных партийных организаций, батальонов аэродромного обслуживания и районов авиационного базирования, из армейского полка связи.

Значимость вопросов, обсуждаемых на активе, еще более подчеркивалась присутствием члена Военного совета фронта И. З. Сусайкова и начальника политуправления А. П. Пигурнова.

Речь шла о том, каких результатов добилась воздушная армия в прошедших сражениях с сильным и коварным врагом. Но самое большое внимание актив уделил обсуждению тех задач, которые предстояло решить в ближайшем будущем. Все понимали, что близки новые бои, к ним необходимо тщательно готовиться.

К этому сводилось каждое выступление коммунистов, представляющих на активе партийную организацию воздушной армии.

Еще одно памятное событие произошло в жизни армии за два дня до окончания 1942 г.: заключительный концерт художественной самодеятельности. На сцене, созданной трудами начальника армейского Дома Красной Армии известного кинорежиссера Я. Б. Фрида и его помощника М. И. Сульского, соревновались штурмовики, истребители, разведчики, связисты. Неважно, кто побеждал. Скрипач ли, командир звена Александр Потанин, исполнитель лирических песен лейтенант Саша Оленкин, несравненный гитарист вооруженец Евгений Манов, коллектив 32-го разведывательного полка или хор девушек-связисток. В конце концов выигрывали прежде всего благодарные зрители: летчики, штурманы, механики, связисты, шоферы.

* * *

В морозные январские дни, когда армии Донского фронта уничтожали окруженную под Сталинградом вражескую группировку, развернулось наступление советских войск на

Верхнем Дону, состоявшее из двух операций: Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской.

Осуществление второй операции Ставкой возлагалось на войска Воронежского фронта и левого крыла Брянского фронта. Их действия обеспечивали две воздушные армии. Эта операция началась 24 января ударом 40-й армии с юга на Касторное. Используя ее успех, соединения 60-й армии перешли к преследованию вражеских войск, отходящих под угрозой окружения Воронежа, и ранним утром 25 января полностью освободили город.

Затем 60-я и 38-я армии Воронежского фронта нанесли удар на Касторное с юго-востока и северо-востока, а с севера навстречу 40-й армии начала наступать 13-я армия Брянского фронта. 26 января она прорвала оборону противника и стремительно продвигалась вперед. На этом направлении действовала 15-я воздушная армия, усиленная 3-м бомбардировочным корпусом резерва Главного Командования (командир А. З. Каравацкий, замполит А. Г. Рытов). Генерал Пятыхин с оперативной группой расположился на ВПУ (вспомогательном пункте управления) вблизи КП командующего, а авиапредставители - на КП командиров соединений 13-й армии. Цели были распределены накануне по плану взаимодействия с 13-й армией.

Свою задачу выполнил 32-й разведывательный авиаполк. Еще в середине января экипажи этого полка сфотографировали район Касторное. Топографический отдел фронта по снимкам разведчиков изготовил карты целей и до начала операции снабдил ими все части.

В первый день наступления 13-й армии на ВПУ поступило донесение из 32-го разведывательного авиаполка от экипажа Пе-2 старшего лейтенанта П. И. Гаврилова: "На станции Мармыжи пять эшелонов. Два с паровозами под парами. Направление - Касторное". Командующий радировал Обухову: "Срочно выслать "охотников". На второй день тот же экипаж доносил: "Движение до 100 автомашин из Ольховатки в Касторное". Пятыхин вызвал к телеграфному аппарату начальника штаба армии генерала Саковнина. Было принято решение немедленно штурмовать колонну.

...Группы штурмовиков 225-й авиадивизии в четком строю идут в район, где вот-вот должны двинуться вперед полки 13-й армии. Между реками Олым и Кшень к северо-западу от Касторное, по данным разведки, вчера скапливались немецкие танки.

А вот и они. По команде ведущих летчики начинают обработку целей. Основное задание выполнено. Но две пятерки

"илов" получают приказ направиться к шоссейной дороге. Там - интенсивное движение, и его нужно парализовать.

Эффективными были вылеты штурмовиков 26 января.

Одних танков уничтожено более двадцати, но самое главное - разрушен мост через реку.

Накануне всю ночь напролет не давали фашистам покоя летчики 284-й дивизии. Командир дивизии подполковник Ф. С. Пушкарев утром доложил командующему о том, что четыре полка на самолетах У-2 бомбардировали колонну механизированных войск противника на марше, аэродромы, железнодорожные станции и командные пункты, подходя к цели с приглушенными моторами. Наиболее подготовленные экипажи сбрасывали на цели зажигательные авиабомбы, остальные с планирования наносили удары по очагам пожаров.

Неутомимы разведчики. Они держат под наблюдением дороги Касторное Курск, Мелехово - Тим, Горшечное - Старый Оскол. Каждый день над районом боевых действий на Верхнем Дону обязательно появляется экипаж Петра Гаврилова. 27 января он обнаруживает 15 "мессершмиттов" на аэродроме к западу от Старого Ос-кола и около пятидесяти автомашин, движущихся из Мармыжей в Липовчик. На другой день после полудня от внимания разведчиков не укрылось 300 автомашин, следующих из Кшени в Мармыжи; 29 января Гаврилов доставляет данные о передвижении войск противника из Тима к развилке дорог у Становое, причем на маршруте отбивает атаки двух Ме-109 в районе Кшень.

Штаб 32-го авиаполка сообщает о том, что стремительно наступающие части 13-й армии гонят врага на запад через Кшень и Тим. В этом направлении по приказу с ВПУ вылетают штурмовики. 810-й авиаполк ведет на цель его командир майор М. И. Сапогов. Ведущий шестерки старшина Шаромов слышит в наушниках знакомый голос:

- Танки и броневики на окраине Мелехово. Атакуйте!

Шаромов переводит "ил" в пикирование, сбрасывает бомбы, затем открывает пулеметно-пушечный огонь. Один за другим ведомые повторяют его маневр, и группа замыкает круг. На земле дымят танки, загораются бронемашины, которые только что своим огнем пытались задержать стрелковую дивизию 13-й армии. Сколько внизу костров? Шесть? Восемь? Двенадцать? Это зафиксируют фотоаппараты, которые впервые установлены на "илах".

Заход за заходом, снаряд за снарядом. На небольшой высоте хорошо видно, как перекрещиваются цветные трассы вблизи домов на окраине населенного пункта, как пехота устремляется

вперед. Ни у Шаромова, ни у его ведомых уже нет сомнения в том, что гитлеровцы не сдержат натиск наступающей пехоты. После пятнадцатиминутного пребывания над целью ведущий командует "домой" и разворачивается на свой аэродром. Задание выполнено...

* * *

С самого начала действий 13-й армии большую нагрузку несли истребители 286-й авиадивизии, которой командовал подполковник Иван Иванович Иванов. В те дни вражеская авиация активизировала свои действия, появляясь в воздухе группами по 10-12 самолетов. Не утихали воздушные бои. Противник потерял в них 78 "мессершмиттов".

Генерал Н. П. Пухов и его штаб высоко оценили работу экипажей ночных бомбардировщиков. По отзыву командующего 13-й армией они сыграли также исключительную роль в управлении войсками. Ночники вылетали в любую погоду, действовали безотказно, являясь временами единственным средством связи с далеко выдвинувшимися вперед 132-й и 280-й стрелковыми дивизиями{5}.

Большим успехом наступающих войск был их стремительный прорыв в сторону Касторное. 28 января подвижная группа 13-й армии при содействии частей 38-й и 40-й армий ворвалась в населенный пункт. Поддержка этих войск с воздуха оценивалась так: "Летчикам-истребителям и штурмовикам воздушной армии, принимавшим участие в боях по освобождению Касторное 27-28 января 1943 г., за мужество и отвагу, проявленные в воздушных боях и штурмовках, объявлена благодарность Военного совета Брянского фронта"{6}.

В последующие дни войска Воронежского фронта вели борьбу с окруженной ими юго-восточнее Касторное крупной группировкой немецко-фашистских войск в составе

10 дивизий. Между тем соединения Брянского фронта продолжали продвигаться на запад. К 4 февраля они освободили Золотухино и Щигры. Советским войскам открывался путь для наступления на Курск.

В итоге Воронежско-Касторненской операции был ликвидирован воронежский выступ противника, освобождена большая часть Воронежской и Курской областей, включая города Воронеж, Старый Оскол, Тим, разгромлено более 11 вражеских дивизий. Наступление закончилось окружением, уничтожением и пленением крупной вражеской группировки. Фронт противника оказался прорванным от Ливн до Купянска{7}.

12 февраля 48-я и 13-я армии Брянского фронта вновь перешли в наступление. Их продвижению содействовала 15-я

воздушная армия вместе с 3-м бомбардировочным авиакорпусом РГК. Корпус с января 1943 г. находился в оперативном подчинении командующего армией.

Плодотворным было это содружество, продолжавшееся до середины марта. Генерал Пятыхин в одной из своих телеграмм командованию корпуса писал: "Летчикам и техникам Каравацкого, принимавшим участие в боях, за хорошее выполнение задания объявляю благодарность".

В другой телеграмме говорилось: "По наблюдениям и отзывам наземного командования, авиация работала на поле боя отлично. Противник понес большие потери в живой силе и технике"{8}.

К этим телеграммам следует добавить и солдатское "спасибо", адресованное истребителям 286-й авиадивизии, которое не раз передавали им ведущие группы Пе-2, возвращаясь после вылетов в дни наступления из района Преображенское, Глазунове, Похвальное, Заря Жизни.

Глава вторая.

Армия пополняется, армия учится

Весной и ранним летом 1943 г. среди офицеров воздушной армии все чаще и чаще слышалось: "Нашего полку прибыло". И может быть, тогда самым трудным для командования был вопрос о том, где разместить новые летные части: аэродромов явно не хватало.

На фронте повсеместно ощущались коренные сдвиги, происшедшие в производстве советской авиационной техники, которая хорошо зарекомендовала себя в боях и полюбилась летчикам. Никому не приходило в голову подсчитывать, каким будет соотношение сил в воздухе на Курской дуге, - это в свое время сделали в штабах, определив численное превосходство советской авиации более чем в два раза{9}.

Новые силы вливались в организм воздушной армии. Полки, дивизии и подчас корпуса, оснащенные современными самолетами, увеличивали ударную мощь армии, способной поддерживать наземные войска в самых трудных и сложных сражениях.

Полнокровными были не только авиационные части, которые направлялись сюда по приказу Ставки, но также пополненные техникой и летным составом армейские полки, уже проявившие себя в небе над Воронежем и Касторное.

Первой в строй воздушной армии вступила 315-я истребительная авиадивизия, вооруженная самолетами Ла-5 и Як-7. В начале мая ее командир полковник В. Я. Литвинов подробно докладывал генералу Саковнину о боевом составе

дивизии.

- Два полка из вашей дивизии, особенно 171-й, нам хорошо знакомы, воевали вместе осенью и зимой, - заметил начальник штаба армии после доклада Литвинова.

Разговор командира дивизии с генералом Алексеем Антоновичем Саковниным продолжался долго. Начальник штаба армии, обладающий отличной памятью, называл имена летчиков, с которыми приходилось встречаться во время прошлогодних боев.

- Иван Вишняков у вас? Его, кажется, величали в шутку "полтора летчика". А "живчик" Костя Соболев?

- Здравствуют и тот и другой. Командуют эскадрильями. Молодежными. Ребята там недавно из училищ и запасных полков, все как на подбор.

Командир дивизии назвал молодежным не один этот полк. Новички преобладали и в других частях дивизии. Вместе с тем встречалось здесь немало людей с большим фронтовым опытом.

Полковник Литвинов, человек строгих правил, требовательный, высоко отзывался о своем непосредственном окружении - образованных, дельных офицерах, которые прошли суровую школу на Волховском фронте. С ними он хорошо сработался и сумел установить ровные, благожелательные отношения. Это в одинаковой мере относилось к штабу во главе с майором А. Я. Ольшвангером, начальнику оперативно-разведывательного отдела майору Г. Д. Сивоплясу; начальнику связи майору А. И. Ильину - очень энергичному, любящему свое дело офицеру; помощнику командира по воздушно-стрелковой службе, коммунисту ленинского призыва майору М. Г. Шишкину. Партийные, дружеские взаимоотношения сложились у командира дивизии с работниками политического отдела, возглавляемого полковником С. В. Бушуевым.

Виктор Яковлевич Литвинов до назначения в 315-ю истребительную авиадивизию успел пройти в авиации большой путь. Его биография летчика-инструктора и командира была типичной для многих офицеров, посланных партией на те участки, где нужны были глубокие специальные военные знания и мудрость практика, приобретенные за долгие годы службы в Военно-Воздушных Силах. Комсомольцем он работал на шахтах Донбасса, по зову сердца пошел в авиацию, учился и учил в Качинской авиашколе таких же романтиков и энтузиастов летного дела, каким был сам. Его напряженный творческий труд, отданный без остатка любимому делу, не мог пройти незамеченным. Признанием заслуг инструктора было выдвижение его на должность командира эскадрильи - участок работы по

масштабам Качи большой и сложный.

Тогда одно только упоминание выпускников - "учился в эскадрилье Литвинова" - считалось в строевых частях лучшей аттестацией, как, впрочем, в недалеком будущем документ об окончании Борисоглебской авиашколы за подписью ее начальника - того же Литвинова. Как в былые времена на качинских и борисоглебских аэродромах, теперь проявлялись в полной мере его способности, его организаторский талант.

Кажется, не было человека в управлении дивизии и в полках, авторитет которого он не укреплял бы, хотя предъявлял к каждому жесткие требования, не прощал ни беспечности, ни работы спустя рукава, ни лености, ни безответственности. Уважением и готовностью в любую минуту и любой ценой выполнить командирский приказ отвечали ему все: оператор в штабе, ведущий четверки в самом сложном боевом задании, техник и механик, бодрствующие всю ночь у поврежденного в бою самолета, радист, налаживающий связь с КП армии, оружейница, устанавливающая ящики с патронами в отсеки самолета.

Кого-то он выделял, кого-то считали его "любимчиками", имея в виду командиров Константина Соболева и Василия Савоськина, Федора Гамалия и Алексея Суравешкина, Стефана Ивлева и Ивана Вишнякова. Но их нельзя было не выделять и не любить, когда они летали, учили и водили в бой подчиненных так, что порой нельзя было удержаться, чтобы не обнять по-отцовски. Командир не раз смотрел с ласковой улыбкой на штурманов Александра Шевцова и Николая Баранова, виртуозно работающих в воздухе.

Любимцем Литвинова был и агитатор политотдела капитан Филипп Рябов, потому что в какую эскадрилью ни заявишься, он всегда среди летчиков, возвратившихся из самого пекла, а то устроится с одним из них на койке и заведет доверительный задушевный разговор.

Генерал Саковнин не обмолвился, назвав 171-й истребительный авиаполк старым знакомым. Теперь он входил в состав новой дивизии. В нем преобладала молодежь. Так, из десяти летчиков первой эскадрильи только ее командир Иван Вишняков, заместитель Алексей Гончаров да командир звена старший лейтенант Алексей Нестеренко считались опытными воздушными бойцами, а остальные просто мальчишки с пушком на губах, только слегка "обструганные" строгой военной дисциплиной. Докладывают так: "сержант Иванов", "сержант Григорьев", "сержант Самков". Словно две капли воды, похожи на них ребята в эскадрильях Ивлева и Соболева.

Юрий Иванов - самый юный в полку. Своей внешностью он

выделялся среди товарищей. Художник не упустил бы случая нарисовать портрет этого обаятельного паренька с застенчивой детской улыбкой.

Многие недоверчиво оглядывали Юру, когда он прибыл в полк, и начинали деликатный разговор издалека:

- Ты, дружок, какого года рождения?

- Двадцать третьего, - отвечал Юра с чувством собственного достоинства. - А что? Я еще два года назад Московский аэроклуб закончил.

- Не верится что-то. Похоже, только оторвался от мамки, а в военкомате разжалобил начальство или прибавил в метриках пару годков.

Между собой же толковали:

- Может быть, девчонка? Уж очень юн, да и румянец у него девичий.

Сказать о влюбленности сержанта в авиацию - значит сказать мало. Он относился к ней поистине трепетно, жил мечтой о небе. Теперь у Юры был собственный Ла-5, торжественно врученный ему командиром полка подполковником С. И. Орляхиным. Юра прикипел сердцем к машине, искал и находил возможность лишний раз подняться на ней в воздух. Это ему удавалось. Правда, на пропотевшей гимнастерке возникали новые разводы, но это шло ему только на пользу.

Вот почему у него так росли часы налета и так быстро он входил в строй зрелых воздушных бойцов, порой смущаясь от того, что кое в чем опережал своих друзей из нового пополнения. Его не прочь был заполучить напарником любой ведущий, даже Нестеренко, любивший повторять: "Когда надежен щит, тогда боец мечом своим верней врага разит".

Кажутся далекими сейчас строки из пожелтевшей от времени тетрадки-дневника агитатора политического отдела дивизии капитана Филиппа Рябова. Записи сделаны наспех, порой нескладно, но исполнены глубокого смысла.

"Впервые получили новую материальную часть, на которой еще не приходилось воевать (истребители Ла-5). Восторженны отзывы летчиков, которые после каждого вылета с гордостью говорят о своем самолете. Растет вера в самолет и вера в успех.

Важнейшее условие победы истребителя - спайка пары. Воспитание дружбы летчиков в паре проводим всегда, но особенно во время подготовки к решающим боям 1943 г.

Все делается для того, чтобы ведущий и ведомый были максимум времени вместе, чтобы они действительно дружили, чтобы спали рядом, вместе ходила в столовую, вместе посещали танцы, кино и вечера самодеятельности. Наиболее дружные пары

ставим в пример, которому должны подражать все летчики. О них говорят на партийных и комсомольских собраниях, пишут в боевых листках, с похвалой отзываются в газетах. И вот плоды: недавно ведомый Шевцова старший сержант Борисов, заметив противника, пристроившегося для атаки командира сзади, смело пошел в лобовую атаку и сорвал вражеский замысел. Ивлев летает в паре с сержантом Голиком, и оба гордятся этим..."

* * *

Славный путь 50-го истребительного авиаполка, которым командовал бывший политработник подполковник Алексей Михайлович Винокуров, начался в первые дни войны, когда разгорелись напряженные бои с фашистской авиацией, обладавшей численным превосходством в воздухе. Особенно трудные испытания выпали на долю летчиков полка зимой 1942 г. на Керченском полуострове. В те дни яркой страницей в историю полка вошел подвиг старшего лейтенанта Е. М. Прокурата, совершившего таран на самолете МиГ-3.

В последнее время этот полк 315-й истребительной авиадивизии пополнился молодыми летчиками - выпускниками училища и переподготовленными в учебно-тренировочном авиационном полку. В нем было не меньше, чем у соседей, опытных, знающих командиров, закаленных в боях ведущих, таких, как капитан Федор Николаевич Гамалий, старший лейтенант Николай Петрович Назаров, штурман капитан Иван Михайлович Игнатьев. Они выделялись летным "почерком", хваткой истребителя, широким кругозором воздушного бойца.

Молодые летчики старшие сержанты Савков, Степанцов, Любченко, Морозов своим обликом, поведением и привычками почти ничем не отличались от друзей, попавших в соседний полк. А лейтенанта Л. Я. Корнакова легко можно было принять за Юру Иванова - такой же кудрявый, чубатый красавец, та же непосредственность, та же влюбленность в авиацию. Только более быстрый, веселый и озорной.

Не успел 50-й полк разместиться на половом аэродроме Проходное, как стало известно, что по приказу командующего фронтом он будет разведывательным. Произошло такое преобразование не без прямого воздействия генерала А. А. Саковнина и самого деятельного участия начальника разведотдела штаба армии подполковника И. И. Фатеева. Неожиданная весть была встречена летчиками без особого энтузиазма и вызвала разные кривотолки.

- На гражданке это называется использованием не по назначению, говорили они. - "Пешкам" сподручней разведывать, у экипажей есть опыт, а Ла-5 не создан для разведки. Он

истребитель.

Полковник Литвинов счел необходимым собрать всех летчиков полка. Беседуя с ними, он напомнил, что с первых же дней войны к воздушной разведке предъявляются самые высокие требования. Ее полагается вести всем без исключения родам авиации. Тем более здесь, на Курской дуге.

- Задача нам по плечу, и ею можно гордиться. Она возвышает истребителей, обладающих превосходными боевыми качествами. Правда, прибавляется дополнительная ответственность, но нам ли бояться ее? Только надо, как писалось в приказах первых дней войны, быть до назойливости настойчивыми и упорными, проявлять твердую волю и хитрость, стать профессором в своем деле, помнить о бесценности разведданных, добытых в каждом полете, особенно над полем боя и передним краем.

Подполковник Винокуров, по природе человек сдержанный и немногословный, словно отдавая приказ, сказал в заключение:

- В самые сложные вылеты на разведку первым буду летать я, а также комэски со своими ведомыми. Учиться - всем!

Ближайшее будущее подтвердило правоту тех, кто видел большие возможности истребителей для ведения разведки.

Значительная часть летчиков 431-го авиаполка, которым командовал майор Андрей Андреевич Кукушкин, состояла из выпускников Борисоглебского авиационного училища.

Боевой путь полка прошел через Подмосковье и Сталинград. Традиции создавались в жестоких схватках с отборными фашистскими асами. Ветераном полка считался капитан Николай Баранов. Он воевал уже долгое время, не раз отличался в боях и приобрел очень богатый боевой опыт. Под стать ему были летчики-истребители капитан Алексей Суравешкин и старший лейтенант Василий Савоськин. Поразительной была сила воздействия их примера на молодых летчиков, которые проходили здесь нелегкую школу - ввод в строй. Без этой школы никто не мог рассчитывать пойти в боевой вылет, даже те, кто отлично закончил летное училище.

Конечно, и до прихода в полк сержанты-пилоты назубок знали требования приказов и директив командования Военно-Воздушных Сил Красной Армии о том, что истребителю без освоения вертикального маневра не ступить и шагу, что высота - это главное, а потеря ее в бою чревата гибельными последствиями. Знали, как ценится умение атаковать на встречных курсах, вести прицельный огонь из отлаженного и пристрелянного оружия, как важны внезапность удара и осмотрительность, взаимодействие и взаимопомощь друг другу. Это были знакомые и не раз повторенные аксиомы. Но, к

сожалению, молодежь не имела опыта боевого применения.

- Вылетишь с комэском Суравешкиным в учебный воздушный бой, рассказывали сержанты, - машины одинаковые, те же "яки". Но твоя все внизу да внизу, а его - сверху. На встречных курсах не сойдешься, если командир этого не захочет. Такие фигуры разрисует, что завидно глядеть. Виртуоз, и только!

Очень хотелось этим сержантам летать так, как полковые "художники" своего дела.

- Не падать духом, ребята. Скоро сами станете мастерами, - слышали новички от них.

Часы, проведенные в воздухе с такими наставниками, не пропадали даром. В полку говорили: "Какой бы летчик ни попал в их руки, обязательно становится хорошим. Куда только девается слабина". Под слабиной подразумевали не только робость, но и самонадеянность.

Командиры учили истребителей стремительным атакам, искусству молниеносных решений, внушали молодым пилотам уверенность в своих силах, приучали действовать самостоятельно. Не скупились на похвалу, особенно за решительность и проявление инициативы. Еще недавно были ведомыми сержанты Тихонов, Кулик, Ратушный, Говоров, Оздоев и Фадеев. А в бой пошли ведущими.

Характерно, что перед началом наступательных действий войск фронта ни в одном из полков трехэскадрильного состава не ощущалось недостатка в кадрах. Наоборот, во многих был избыток летчиков, только не избыток "безлошадных" первых месяцев войны, а необходимый резерв.

По приказу Ставки в мае 1943 г. воздушной армии было придано крупное авиационное соединение - 1-й гвардейский истребительный авиакорпус (командир корпуса генерал Е. М. Белецкий). Самолеты Як-1, Як-7, Ла-5 корпуса приземлились на полевых аэродромах в районе Студенец, Паньково, Присады, Выползово, Орлик и сразу же приступили к делу. Подготовка к боям, по мнению командира, проходила нормально, на нее не жалели бензина даже тогда, когда создавался резерв заправок, необходимый для крупных операций. Учебных вылетов совершили столько же, сколько потом, в июле, боевых.

Приказ командующего Военно-Воздушными Силами Красной Армии о применении авиационных корпусов резерва Главного Командования был строг и категоричен: использовать лишь на направлениях главных ударов; не распылять сил корпусов на побочные второстепенные задачи; во время затишья тренировать молодой летный состав. Приказ выполнялся неукоснительно.

Воздушной армии придавался также 3-й штурмовой

авиационный корпус под командованием генерал-майора авиации Михаила Иосифовича Горлаченко.

В составе 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса находились 3-я гвардейская авиадивизия (командир полковник Валентин Петрович Ухов), 4-я гвардейская авиадивизия (командир полковник Владимир Алексеевич Китаев) ; в 3-м штурмовом авиакорпусе - 307-я штурмовая авиадивизия под командованием полковника Александра Владимировича Кожемякина и 308-я - под командованием полковника Григория Прокофьевича Турыкина.

В свою родную 225-ю штурмовую авиадивизию прибыл из глубокого тыла 810-й штурмовой авиаполк. Летчики одеты с иголочки, у них самолеты Ил-2 последнего выпуска. Легче и пружинистей стала походка у командира полка майора М. И. Сапогова - шагает по аэродрому, с трудом пряча улыбку. Одна только забота теперь у него: поскорей бы заполнить весь штат. Вот-вот начнется боевая страда.

Командирский глаз наметан. Вот в этом старшем лейтенанте, прибывшем на должность командира эскадрильи, чувствуется человек, знающий толк в летном деле. Он не со школьной скамьи, однако - из летного училища, где долгое время учил курсантов. Ему можно сказать напрямик:

- Пожалуй, вам, товарищ Резниченко, для начала лучше поработать заместителем у Рогачева.

Майор успел мысленно сравнить этих двух офицеров, равных по званию. Есть у Григория Рогачева, этого спокойного, неторопливого комэска, одно преимущество: уже не раз он выполнял со своей эскадрильей боевые задания, бывал с нею в переделках, находил выход из самых трудных положений.

В эскадрилье его любили не за удаль-лихость, как частенько бывает на фронте, а за простоту и сердечность, что ни в коем случае не исключало обязательных для командира всех качеств ведущего.

Даже любовь к стихам и та оборачивалась в его пользу. Он знал их множество, не стеснялся в подходящий момент прочесть несколько строк боевым друзьям.

Не случайно то один, то другой летчик, особенно из молодых, с чувством повторял любимое командиром четверостишие:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет.

- Согласны? - продолжает командир полка. - Поработайте

немного заместителем. Это принесет вам, а главное - делу, пользу.

Иван Резниченко охотно соглашается с доводами командира, тем более что они совпадают с его мнением и желанием.

- Так и доложим полковнику Обухову, - делает вывод майор Сапогов. Командир полка размышляет:

"Значит, в этой эскадрилье решен кадровый вопрос. Во вторую Козловского. Он не раз отличался в боях. Летчики его уважают. Командир третьей эскадрильи Дятленко на своем месте. Вот о заместителе надо подумать.

Хорошие ребята прибыли из запасного полка. Любого из них даже сам Соляников, мастер штурмовок, согласится взять ведомым. Смущает только вид сержанта, докладывающего с юморком:

- Иван Максимча из Максимовки.

Сам как жердочка, словно месяц не подносил ложки ко рту.

"Положим, кирзы с голенищами раструбом заменим быстро, невероятные бриджи тоже, но куда худоба денется, как будет управлять самолетом?"

Будто разгадав, о чем думает командир, сержант высоко по-петушиному задрал голову и громко, не соразмеряя свой голос с относительной тишиной на аэродроме, крикнул:

- Я от природы такой, не беспокойтесь, товарищ майор, летаю как следует. Оставьте в полку!

Волнение сержанта трогает майора. Он уже готов закрыть глаза на неприглядный вид новичка, отбросить первое неблагоприятное впечатление, произведенное им, по-дружески сказать: "Не робей, парень, воюй на здоровье!"

Да, природа не наделила этого двадцатилетнего пилота-сержанта богатырским сложением, не отличался он стройностью и ловкостью, как другие его однополчане. Зато наградила другим. Вскоре во всей полноте раскрылись лучшие черты солдата - бойца, не знающего слов "трудно", "невозможно", готового сделать то, что требует самых невероятных усилий. Майор убедился в этом, когда начались боевые вылеты над орловской землей.

Заполнен штат летчиков и воздушных стрелков. По своим местам расставлены ведущие и ведомые. Учатся и тренируются. У командира полка есть все основания докладывать полковнику Обухову, а у замполита майора Дмитрия Васильевича Дрозда - начальнику политотдела о том, что личный состав готов к выполнению любой задачи. Штурмовики подобрались один к одному. В чью биографию ни загляни - страсть к авиации возобладала над остальными увлечениями еще в детстве, стала реальной действительностью на аэродроме аэроклуба.

Другие полки 225-й штурмовой авиадивизии - 825-й и 614-й - приводили себя в порядок в прифронтовой зоне. Только экипажи слетали на завод и доставили оттуда нужное количество двухместных "илов".

Штурмовики шлифовали боевое мастерство. Бывалые летчики все чаще задумывались над многими своими наблюдениями. "Как исключить потери от огня зенитной артиллерии или, во всяком случае, добиться их уменьшения? Перестать бы держаться, как слепой за поводыря, только самых заметных ориентиров на пути к цели вроде железных дорог и крупных населенных пунктов, где подстерегают вражеские зенитки, избирать маршрут посложнее, но безопаснее".

В полках задавали тон авиаторы ищущие, инициативные, восставшие против шаблона, неотвратимости потерь, ратовавшие за маневр, за тактическую грамотность каждого летчика, за его мастерство.

* * *

Много воды утекло с тех пор, как полки 284-й бомбардировочной дивизии вошли в состав воздушной армии и экипажи бомбардировщиков Пе-2 по приказу командующего генерала Пятыхина впервые направились в район Землянска. Тогда, впрочем, вылетали и другие самолеты - ночники. Два полка, вооруженные ими, ежедневно выполняли боевые задания.

Теперь 284-я авиадивизия реорганизовалась в ночную бомбардировочную и в нее влились еще три полка - 638, 640 и 701-й. Такие изменения были продиктованы условиями и характером предстоящих операций на фронте.

С начала мая 1943 г. 284-й авиадивизией командовал майор Григорий Прокофъевич Покоевой (в июле его сменил полковник Иван Андреевич Трушкин), заместителем по политчасти - начальником политотдела дивизии стал вместо старшего батальонного комиссара Тарасова подполковник Александр Николаевич Калинин.

Обновилась дивизия, обновился и летный состав. Но боевые традиции жили в делах экипажей, осваивавших По-2 - этот неказистый с виду, маленький, но с большими возможностями самолет. На фоне новых боевых успехов Федора Савицкого, Гордея Голоцвана, Василия Малеванного, Аркадия Антиполихина, Моисея Амстибовского, Георгия Рылева, Владимира Шаляпина не меркла слава ветеранов, завоеванная в прошлогодних боях. Жила светлая память о коммунисте Артюше Огонджаняне, повторившем над Землянском подвиг Гастелло.

Теперь уже мало кто из летчиков, как бывало в недалеком прошлом, критически оглядывал своего "коня", с горечью

сравнивая его с внушительным бомбардировщиком Пе-2.

По-прежнему называли фанерный самолет "кукурузником", но с большой теплотой и дружелюбием. Возникли новые названия: "всепогодный", "палочка-выручалочка" и даже "король воздуха".

Действительно, сколько раз выручал этот "небесный тихоход" многих летчиков в самом, казалось бы, безвыходном положении, позволяя экипажу совершать порой невозможное.

Своеобразной была обстановка, в которой ночные бомбардировщики готовились к ежедневным заданиям. Разведка обнаруживала передвижение вражеских войск по шоссейным, грунтовым и железным дорогам в районах Волхов, Мценск, Орел; Волхов, Хотынец; Орел, Кромы. Одиночные самолеты летали на бомбежку почти непрерывно. Экипажи попутно разведывали ночные аэродромы противника, скопления живой силы и огневые точки на переднем крае, которые становились объектами ударов артиллерии. И так каждую ночь.

А на земле тоже не затихала напряженная фронтовая жизнь. Несколько месяцев назад в армейский полк связи влилось новое пополнение. Это были преимущественно девушки с предприятий, из колхозов и учебных заведений.

На первых порах им приходилось трудно. Часами выстукивали они на ключе точки-тире, передавая строи цифр, или напряженно вслушивались в писк морзянки в наушниках - без хорошего слуха радистке не обойтись. Телеграфистки осваивали буквопечатающие аппараты. Всем хотелось скорее заслужить право сесть за СТ-35 и "Бодо", работать на радиостанции, дежурить на телефонном коммутаторе или в экспедиции узла связи.

Прошло немного времени, и в документах штаба полка появилась запись: "Обученное специальности пополнение обеспечивает устойчивую связь на всех пунктах воздушной армии".

В Военно-Воздушных Силах радиосвязь занимает одно из ведущих мест в боевой работе. На совместных учениях авиации с наземными войсками Брянского фронта радистам представилась возможность показать себя. В поддержании устойчивой связи с частями воздушной армии значительными были заслуги начальника коротковолнового приемо-передающего узла Сергея Александровича Козлова.

Ответственность связистов возрастала по мере приближения дня начала операции, с которого открывалась бессменная вахта на вспомогательных пунктах управления, командных пунктах и пунктах наведения.

...Двухместный самолет приземлился неподалеку от

собравшихся в кружок офицеров. Летчик, легко выпрыгнув из передней кабины, сказал своему пассажиру - девушке в аккуратно отглаженной гимнастерке с сержантскими погонами:

- Вот вы и на месте. Видите, кто-то из начальства прорабатывает разведчиков? Может, и некстати попали. Но вы, видать, не из робкого десятка. Ни пуха ни пера.

И он ободряюще улыбнулся.

Девушка в ответ тоже улыбнулась, провела пальцами по поясу гимнастерки, тщательно расправляя складки, скосила глаза на свои сапоги, чуть-чуть заломила пилотку и, стараясь не споткнуться, направилась к группе. Однако чем ближе подходила она, тем ее шаг становился менее уверенным, а когда приблизилась к летчикам, под перекрестными взглядами тридцати пар глаз и вовсе стушевалась, залилась румянцем и с ужасом подумала, что забыла слова подготовленного рапорта. Все же, взяв себя в руки, она подошла к старшему по званию и скороговоркой доложила:

- Сержант Надежда Журкина прибыла для дальнейшего прохождения службы в вверенной вам части. - Надя решила, что высокий грузный майор командует разведывательным полком.

- На какую же это должность? - критически оглядывая девушку, спросил начальник штаба.

- На должность стрелка-радиста, - снова покраснела она, поймав его иронический взгляд.

- На тебе! - с усмешкой произнес майор. - В нашем полку, извините, девиц на такой должности сроду не бывало. Да вы небось сегодня в первый раз в самолет сели, и то в качестве балласта.

Он хмыкнул, довольный своей остротой и реакцией на нее офицеров, среди которых послышался откровенный смешок.

У Нади больно сжалось сердце. Однако она сдержала себя. Не говорить же ей сейчас начальнику штаба полка то, что уже десятки раз повторяла командиру дивизии, подстерегая его то на КП, то возле столовой, то на узле связи, твердя одно и то же:

- Отпустите в летную часть.

И не отступала, в какой уже раз слыша:

- Вы, девушка, и так в летной.

- Нет, в бой! Стрелком-радистом на Пе-2!

Не открываться же ей, да еще при людях, этому неприятному майору в том, что волновало, не давало покоя долгие месяцы, - о своей цели, в которой видела теперь весь смысл жизни.

- Я, товарищ майор, летала самостоятельно в аэроклубе и даже была инструктором-общественником, - вполголоса, но твердо сказала Журкина, не изменяя стойки "смирно". - Знаю

азбуку Морзе. Смогу и стрелять, когда потребуется.

- Как бы не так! В первом же вылете "мессеры" прикончат - вот и вся недолга. Или от холода закричите: "Ой, мама!"

И, все более распаляясь, майор продолжал:

- Покоя от вас нет. Каждый в воздушные стрелки норовит. От своих не отобьешься - то один, то другой с рапортом подкарауливает. Теперь и Вася, комсомольский вожак, в небеса задумал: оружейником, видите ли, ему служить наскучило. Из тира не выгонишь, от ключа не оттянешь!

Его тираду внезапно прервал красивый лейтенант с чубом, закрывающим пол-лба:

- Я с таким воздушным стрелком в бой не пойду.

Несколькими минутами раньше Надя обязательно вспыхнула бы, а то и расплакалась. Сейчас, глядя прямо в глаза лейтенанту, она спокойно произнесла:

- А я с трусом летать не собираюсь.

Разорвись рядом бомба, это не подействовало бы так, как фраза, брошенная девушкой. Сразу будто ветром сдуло с лиц усмешки. Летчики поспешили отвести глаза: кто-то стал внимательно рассматривать защелку на планшете, а один не мог удержаться от вздоха. Лишь негромкий басок нарушил тягостную тишину:

- Вот так отбрила. И кого? Пашу Хрусталева, орденоносного штурмана, аса разведки! Дивчина что надо, ее бы в нашу эскадрилью.

Майору тоже стало не по себе. Он понял, что затеянные им "смотрины" принимают неприятный оборот, и, отдавая Журкиной предписание, виновато проговорил:

- Вечером прилетит командир, доложите ему, а сейчас идите вон в тот дом под черепицей. Устраивайтесь на квартиру к связисткам.

Журкина четко повернулась и отошла, глотая на ходу слезы, которые текли все сильнее, потому что сзади послышалось:

- Зря обидели казака-дивчину.

Теперь можно было дать волю слезам: их никто не увидит.

Никогда потом, за все месяцы пребывания в полку, даже в самые трудные минуты она так не плакала, разве только тогда, когда не возвращался с задания кто-нибудь из полковой семьи, окружившей девушку заботой и вниманием.

Прилетев из штаба армии, подполковник Н. П. Щенников долго беседовал с Надей. Или его там предупредили обо всех обстоятельствах, предшествующих направлению девушки в полк, или сам стал на её сторону, узнав о причинах, побудивших связистку добиваться своего, но дальше все пошло относительно

просто.

Утром на построении командир полка, представляя сержанта Журкину личному составу, сказал, что гвардейцы рады такому пополнению их дружной семьи, и не преминул заметить:

- В воздухе не новичок, радио знает, стрелять научим.

И, обращаясь к командиру эскадрильи майору Гаврилову, распорядился:

- Месяц срока для ввода воздушного стрелка в строй. А вам, товарищ Сафронов, - повернувшись к начальнику связи полка, сказал командир, - нужно заняться с сержантом радиоделом. Пусть возьмет над ней шефство старший лейтенант Никулин. Дмитрий Егорыч многих радистов вывел в люди.

Щенников коротко подытожил:

- Хочет летать - будет летать. Экзамен в воздухе приму лично.

Надя успешно сдала этот экзамен. И не только она одна. В ту пору стремились попасть в экипажи Пе-2 стрелками-радистами если не все, то многие механики, прибористы, оружейники. Их поддерживал секретарь комсомольского бюро старшина Василий Власов, который был твердо убежден в том, что место комсомольца на самых опасных участках, Он нашел себе союзника в лице парторга полка капитана Семена Михайловича Зайченко.

Своей цели старшина добился. На первое задание вылетел в конце весны, немного раньше Надежды Журкиной, и вошел в боевой расчет.

Вовремя прибыло в 32-й разведывательный авиаполк новое пополнение летчиков и штурманов. Не успели младшие лейтенанты перешагнуть порог штаба, как стали осторожно прощупывать обстановку, стараясь поточнее выяснить тревожащие их вопросы: "Скоро ли развернутся боевые действия на нашем фронте!", "В какую эскадрилью проситься, чтобы сразу пойти в разведку?", "Кто лучшие разведчики в полку!".

Молодым офицерам отвечали без обиняков:

- Начнете со школы ввода в строй. У нас хорошие учителя - всех не перечтешь. О боевом пути части и его героях скоро узнаете от ветеранов.

Пополнение быстро втягивалось в ритм жизни полка. Виктор Богуцкий, Алексей Галкин, Тимофей Горячкин, Алексей Пульков, Василий Воропаев, Николай Уткин, Георгий Семенов, Борис Данько, Константин Рог, Лев Волков и другие - все пятнадцать молодых офицеров - на каждом шагу убеждались в том, что попали в крепкий, дружный гвардейский коллектив, который умеет и поддержать и потребовать.

Началась учеба на аэродроме, в скромном штурманском

классе, в воздухе, где учили по принципу "делай, как я" лучшие разведчики - командиры эскадрилий и их заместители Захар Маркович Иваненко, Петр Иванович Гаврилов, Тихон Михайлович Берестов, Иван Леонтьевич Михайлов, опытнейший штурман полка Николай Васильевич Баранов.

Состоялось открытое полковое партийное собрание, которое посвящалось самому важному вопросу на фронте - боевой готовности.

В полку теперь насчитывалось более ста членов и кандидатов партии сила, способная на большие дела.

На собрании сидели рядом член ВКП(б) Дмитрий Никулин и беспартийный Захар Иваненко, коммунист Иван Багрич и отличившийся в боях комсомолец Александр Кривобоков, летчик-герой капитан Сергей Ямбарцев и скромная телеграфистка Раиса Бабурина, парторг эскадрильи, штурман звена, обстрелянный фронтовик Иван Злыденный и новичок Николай Уткин, бессменный член партбюро Николай Сергеенков, окруженный комсомольцами их вожак Василий Власов, строгий инженер полка Николай Алексеенко.

Собрание проходило с высоким накалом. Здесь одновременно учили и учились, слушая выступление товарища. Общим для всех выступавших было высказанное от всего сердца желание взять на себя полную ответственность за исход боя. Шел откровенный разговор о том, что потери в вылетах на разведку не случайны, что происходят они по причине недооценки отдельными экипажами маневра и огня во время атак вражеских истребителей.

Адресуясь в первую очередь к новому пополнению, командиры на фактах убеждали молодых летчиков и штурманов в необходимости тщательного изучения района предстоящих полетов. Много было сказано о значении сплоченности экипажа, вреде шаблона в методах и способах разведывательных полетов, об искусстве фотосъемок и о главном условии успешного полета - маневре.

Никто в полку не терял драгоценного времени. Его использовали для глубокого усвоения разнообразных методов ведения разведки. Коммунист начальник связи эскадрильи - воздушный стрелок радист Дмитрий Никулин, был озабочен тем, чтобы возросло число снайперов эфира и огня. Старший дешифровальщик Хуснула Нагимович Уразаев хотел, чтобы полнота дешифрирования фотоснимков, производимого всеми специалистами отделений, была максимальной, а сроки выполнения - минимальными. Коммунист инженер Н. А. Алексеенко стремился так учить своих подчиненных, чтобы о

каждом механике в полку можно было сказать: механик - золотые руки.

* * *

Всю весну и начало лета 1943 г. в штабе воздушной армии безотлучно находился заместитель командующего Военно-Воздушными Силами Красной Армии генерал-полковник авиации Г. А. Ворожейкин. Он не мог не вспомнить июльские дни минувшего года, когда в этих местах при его участии началось формирование воздушной армии. Генерал отметил разительные перемены. Тогда лишь несколько полков входили в ее состав, начинали вести боевую работу в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Теперь территория дислокации частей разрослась в ширину и глубину. Чтобы изучить ее, требовалось значительное время. Тем не менее генерал Ворожейкин настаивал на усилении авиации Брянского фронта. Начальник штаба армии А. А. Саковнин, исходя из тщательных расчетов и учитывая ограниченное количество аэродромов, а также обслуживающих подразделений, высказывал мнение о необходимости увеличения лишь числа бомбардировочных полков, вооруженных самолетами Пе-2.

- "Пешек" пока нет, - ответил Ворожейкин, - другие самолеты будут.

Вскоре после этого разговора в армию прибыло еще одно соединение. Это была 313-я авиационная дивизия ночных бомбардировщиков под командованием полковника Александра Алексеевича Воеводина. Шесть ее полков - 690, 707, 765, 990, 997, 998-й (почти двести самолетов) разместились на полевых аэродромах прифронтовой полосы.

Обстановка в частях дивизии как нельзя лучше благоприятствовала подготовке к боевым действиям. Учились с полным напряжением сил, совершили десять тысяч учебных вылетов, по 40 летных часов на каждый экипаж. Полезным дополнением к занятиям на земле и в воздухе были летно-тактические конференции во всех полках. Недаром накануне отправки на фронт дивизия получила высокую оценку от инспекции.

Докладывая об этом начальнику штаба армии, полковник Воеводин добавил:

- Укомплектованность самолетного парка восемьдесят пять процентов.

- С таким процентом можно воевать, - удовлетворенно отметил генерал Саковнин. Дивизия производила на него хорошее впечатление.

Двумя месяцами раньше по приказу Народного комиссара

обороны воздушной армией начал командовать генерал-майор авиации Николай Федорович Науменко.

Личному составу стало известно, что он в Военно-Воздушных Силах с 1927 г., прошел путь от командира авиаотряда и эскадрильи до командира крупного соединения. Как только началась война, Н. Ф. Науменко вступил в должность заместителя, а вслед за тем - командующего ВВС Западного фронта. Возглавлял 4-ю воздушную армию, участвовавшую в сражении на Кубани, где под станицей Крымская она нанесла фашистским воздушным эскадрам тяжелое поражение. Армия много сделала для завоевания господства в воздухе, чем обеспечила успешные боевые действия войск Северо-Кавказского фронта на Голубой линии и под Новороссийском. Именно там, в воздушных боях на Кубани, впервые стала применяться система наведения и управления авиацией на поле боя по радио.

После реорганизации военно-воздушных сил Северо-Кавказского фронта Н. Ф. Науменко был направлен на Брянский фронт.

Заместителем командующего оставался генерал Дмитрий Дмитриевич Попов. Незначительные изменения произошли в составе штаба воздушной армии, которым продолжал успешно руководить генерал-майор авиации Саковнин. Его заместителем был полковник П. Л. Котельников. Заместителем командующего по тылу стал генерал-майор авиации Петр Григорьевич Казаков. Как и раньше, продолжали работать каждый на своем участке генерал-майор инженерно-авиационной службы З. А. Иоффе, офицеры И. И. Фатеев, А. И. Тишинов, флагманский врач Е. А. Мещанинов, главный штурман Д. М. Петренко, помощник командующего по воздушно-стрелковой службе В. И. Дюжев.

Весной во всех частях воздушной армии постоянно находились офицеры политотдела Л. Я. Пактер, Ф. П. Силаев, Ф. С. Загуменнов, Е. Я. Петухов, А. Д. Гусев, А. А. Гвоздев, Л. А. Саыадзе, К. Д. Трофимов, И. Ф. Бухонин, Д. В. Пестерев, В. И. Овчинников, Н. С. Орлов и другие, помогая партийным организациям решать насущные задачи подготовки к боям. Эти организации непрерывно росли.

Глава третья.

В преддверии великого сражения

Как складывалась обстановка на советско-германском фронте весной и в начале лета 1943 г.?

Все данные говорили о том, что обе стороны усиленно готовятся к активным наступательным действиям, которые должны развернуться в районе Курской дуги.

Целью операции "Цитадель", разработанной немецко-

фашистским командованием, было достижение решающего стратегического успеха, перелома в войне в свою пользу. Командование вермахта стремилось взять реванш за разгром на Волге. "Ни к одной операции второй мировой войны оно не готовилось так всесторонне, так старательно, как к битве под Курском"{10}.

Советское Верховное Главнокомандование своевременно вскрыло планы противника, причем разведке удалось установить и общий замысел, и вероятные направления ударов, и группировки сил, в том числе авиационные группировки, состоящие из двух воздушных флотов, насчитывавших более 2 тысяч самолетов.

Ставка решила обескровить противника мощной обороной носящей активный характер, а затем разгромить его в наступательных боях. Операцию против орловской группировки врага надлежало осуществить войскам Западного и Брянского фронтов. "Нами заблаговременно разрабатывалась наступательная операция на этом направлении, начало которой ставилось в зависимость от критического момента сражения на Курской дуге, писал в своей книге генерал армии С. М. Штеменко. - Такая операция, безусловно, являлась дополнительной и очень важной гарантией общего успеха советских войск. План ее получил условное наименование "Кутузов"{11}.

В этих условиях задачи огромной важности возникали перед Военно-Воздушными Силами Красной Армии. В первую очередь нужно было завоевать господство в воздухе.

Еще в апреле напряженные воздушные бои развернулись на Кубани. Активно действующая советская авиация захватила инициативу в районе плацдарма, которым овладели части наступающей 18-й армии. За неделю с 17 по 24 апреля летчики уничтожили 152 самолета противника. В последующем эта цифра была удвоена и

утроена.

Сражение за господство в воздухе продолжалось. Здесь наносили разящие удары по врагу Александр Покрышкин и его однополчане. В те дни газета "Красная звезда" поведала своим читателям о подвиге шести истребителей капитана Бориса Бугарчева, майора Алексея Рязанова, майора Ильи Шмелева, капитанов Николая Логвиненко, Григория Олейника и Сергея Сафронова. Они сбили 74 фашистских самолета.

Вскоре эти летчики появились в небе Орловщины, сражаясь крылом к крылу с новыми товарищами по воздушной армии.

Ставка приказала провести две воздушные операции, имеющие целью нанести серьезный урон вражеской авиации и

облегчить советским ВВС завоевание господства в воздухе.

Командующий Военно-Воздушными Силами Красной Армии в директиве от 5 мая 1943 г. потребовал нанести одновременный удар по нескольким аэродромам противника, где было установлено скопление самолетов. "Основную массу авиации противника, - говорилось в директиве, - подавить в первый же день. Поэтому в этот же день вражеские аэродромы должны быть подвергнуты повторным ударам, а ночью по ним должны действовать ночные бомбардировщики. В последующие два дня, не снижая упорства и настойчивости, продолжать поражение авиации противника как на основных аэродромах, так и на вновь обнаруженных воздушной разведкой"{12}.

Первый массированный удар планировалось нанести внезапно утром 6 мая. К участию в первой операции привлекались пять воздушных армий.

Командующий 15-й воздушной армией приказал 315-й истребительной дивизии бомбардировать орловский аэродром.

У командира дивизии полковника Литвинова не вызвала сомнений целесообразность применения истребителей в качестве бомбардировщиков. Уже давно миновали те времена, когда иные командиры избегали использовать самолеты Ла-5 для таких ударов.

Решение командира дивизии созревало по мере того, как он тщательно рассматривал рулоны с фотопленкой, срочно присланные разведывательным отделом армии. План налета был тщательно продуман. В нем предусматривалось участие нескольких групп "лавочкиных" 50-го истребительного авиаполка, наносящих удар в сопровождении истребителей Як-7 431-го авиаполка.

На рассвете 6 мая два полка взлетели со своих аэродромов, собрались над Выползово, взяв затем курс от Черни на аэродром Орел.

Летчикам удалось успешно выполнить задачу. Истребители появились над целями внезапно, зайдя на них с тыла, и сбросили бомбы. Зенитные средства противника в первые минуты не оказали противодействия. Лишь на втором заходе, когда началась штурмовка, заговорили огневые точки, появилось несколько "мессершмиттов" и "фокке-вульфов". С ними завязала воздушный бой группа командира эскадрильи капитана З. В. Циркунова, дав возможность экипажам "лавочкиных" продолжать выполнение задания. Четверка лейтенанта В. Ф. Гришкова быстро подавила огонь зенитных батарей.

Работа летчиков дивизии над аэродромом Орел продолжалась не более 10 минут и завершилась такими

результатами: 20 уничтоженных и 15 поврежденных самолетов Ю-88 и Хе-111.

С наступлением темноты на тот же аэродром направились экипажи 284-й ночной бомбардировочной авиадивизии, продолжившие начатое истребителями.

В последующие два дня истребители нанесли удар по другому аэродрому вблизи Солнцево (Ледна). Лидировала четверка лейтенанта Ф. Н. Гамалия. Она первая и нацелилась на стоянки. Летчики эскадрильи З. В. Циркунова избрали своей целью для штурмовки служебные помещения. Их сопровождала группа старшего лейтенанта А. С. Суравешкина. Уже после отхода от цели завязался воздушный бой, который носил ожесточенный характер. На этот раз потери противника на аэродроме и в воздухе были хотя и меньшими, но весьма существенными. Не вернулись на свой аэродром три наших самолета.

Анализируя оба вылета, полковник Литвинов назвал действия групп Ла-5 успешными, в полной мере оценил умелое блокирование соседних аэродромов и подавление огня зенитных батарей, осуществленное летчиками 431-го авиаполка. Он отметил мастерство ведущих групп и с похвалой отозвался о молодых летчиках, которые хорошо проявили себя во время вылетов. Полковник заявил:

- Особо отмечаю сержантов Любченко, Свинолупова, Морозова, Гаврилова, Говорухина. Эти истребители за короткое время стали полноправными членами коллектива.

Положительную оценку получил от командующего воздушной армией опыт первого комбинированного налета ближних бомбардировщиков и истребителей, осуществленного ночью и днем.

За три дня частями пяти воздушных армий было уничтожено и выведено из строя 506 вражеских самолетов, наши потери составляли 122 самолета. В целом операция отличалась большим размахом, решительностью действий и высокой результативностью.

Вторая воздушная операция, июньская, проводилась меньшими силами. В ней участвовали только три воздушные армии - 1, 2 и 15-я.

Тогда хорошо проявили себя летчики 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса. Им была поставлена задача блокировать аэродромы противника, расположенные в районе Орла. Четко действовали полки корпуса, выполняя поставленную задачу. В точно назначенное время группа блокирования появилась над объектами. По заранее разработанному плану северный сектор района блокировала 4-я гвардейская

авиадивизия, южный - 3-я гвардейская.

Гвардейцы штурмовали цели на аэродромах под огнем зенитной артиллерии. Маневр помог им избежать потерь. Сравнительно нескоро, где минут через шесть, а где через десять, появились вражеские истребители. Частью сил наши группы вступили с ними в бой, остальные не допускали взлета истребителей противника с аэродрома.

В разыгравшихся воздушных боях потери обеих сторон были значительными.

Главный итог блокирования аэродромов орловского аэроузла содержался в отчете, подписанном командиром корпуса генералом Е. М. Белецким: "Задача, поставленная частям корпуса, выполнена. С блокируемых аэродромов ни один самолет противника не взлетел"{13}.

Следует подчеркнуть, что такая задача выполнялась соединением впервые.

Еще один удар по врагу нанесли летчики 315-й истребительной авиадивизии.

Ее командир полковник Литвинов созвал руководящий летный состав сразу после получения приказа из штаба воздушной армии.

Командир видит по глазам офицеров И. М. Игнатьева, Н. П. Назарова, В. М. Савоськина, А. В. Силкина, Ф. Н. Гамалия, А. С. Суравешкина, Н. Ф. Баранова, З. В. Циркунова, что они готовы выполнить приказ. Он еще раз внимательно оглядывает своих питомцев во время паузы, наступившей после его вопроса:

- Кто поведет дивизию на карачевский аэродром?

В такую минуту каждый из командиров, сидящих на табуретках в сельской избе, надеется, что Литвинов назовет именно его, но полковник уже принял решение:

- Поведет капитан Баранов.

Все одновременно поворачивают голову к штурману 431-го авиаполка, будто впервые видят этого ладного черноволосого капитана. А он, гордясь оказанным доверием, громко рапортует "Есть!", радостно улыбается и озабоченно запускает руку в шевелюру.

- Главное, Николай Федосеевич, точно выйти на цель, удар нанести с одного захода, - продолжает командир дивизии. - Выбранный маршрут доложите мне.

Баранову не терпится побежать в штаб части, чтобы засесть за карту-пятикилометровку. Район действий для штурмана не новый, однако сейчас необходимо прикинуть и так и этак, прежде чем решить окончательно, а потом доложить командиру: "Полетим здесь, и нигде больше".

Среди возможных маршрутов наиболее подходящий тот, что пролегает северо-западнее Болхова через лесной массив, резко поворачивает невдалеке от Еленского на юг, выводит по направлению речки Рассеть к западной окраине Карачева. На пути - ни городка, ни крупного населенного пункта, придется только пересекать дороги. Трудный маршрут. Однако он обладает и преимуществами: противник будет дезориентирован, не зная, на какие аэродромы нацелились наши самолеты. К тому же мала вероятность напороться на зенитные батареи и встретиться с вражескими истребителями.

Так размышлял штурман полка, облеченный сегодня большим доверием, отягощенный бременем ответственности за исход боевого вылета.

Память цепко удерживала слова командира дивизии: "Выйти точно на цель". Только точно - иначе будет не удар, а холостой выстрел.

В эти минуты Баранов уподобился шахматисту, который надолго задумался над решающим ходом. Он видел перед собой хитрого и подготовленного противника, ставил себя на его место, чтобы определить, какие меры предосторожности могут быть предприняты там, на аэродроме, забитом двухмоторными самолетами. "Врага надо перехитрить, обойти. Недаром ведь командир придает такое значение выбору маршрута".

Долго просидит ведущий над картой. Наконец скажет себе: "Можно докладывать командиру" и облегченно вздохнет, услышав от него напутствие, высказанное с ободряющей улыбкой: "Счастливо!"

Капитан Баранов с ведомым младшим лейтенантом Банько взлетают первыми в тот момент, когда в небе появляются Ла-5 соседнего полка, ведомые командиром эскадрильи старшим лейтенантом Игнатьевым.

Поднимается группа "яков", ведомая Суравешкиным, и, разворачиваясь над рощицей, пристраивается к паре Баранова.

- Ложимся на курс.

Теперь конец всяким переговорам. Радиостанции молчат.

Впереди, курсом на Будоговищи, идут эскадрильи "яков" 431-го истребительного авиаполка, точно выдерживающие между собой интервалы. Вблизи от них - группы Ла-5.

Вся дивизия видна каждому участнику вылета, стоит лишь идущим впереди повернуть голову. Словно стаи перелетных птиц прочерчивают весеннее небо. Не часто приходится наблюдать такую картину, как сегодня. Какими словами описать чувства каждого, кто находится в кабине своего самолета, движимый одним стремлением - выполнить приказ. Какой воли и

собранности требует от ведущего этот полет!

Где-то над крутым поворотом небольшой речки Баранов пересекает линию фронта и ведет дивизию напрямик, к лесному массиву. Ведущий часто поглядывает на стрелки часов. Не лишний контроль, хотя чутье подсказывает летим точно по маршруту, цель появится в свое время.

Хорошо бы сейчас спросить поочередно Гамалия, Назарова, Игнатьева:

- Как идешь?

Пальцы непроизвольно тянутся к кнопке запуска радиостанции, но Баранов тотчас отдергивает их - радиомолчание! К тому же он ловит себя на мысли, что тревожится напрасно, так как уверен в летчиках, идущих сейчас в боевых порядках групп.

Невдалеке, словно привязанный к его самолету, следует ведомый младший лейтенант Павел Банько. Стоит чуть скосить глаза, и увидишь знакомое лицо, туго стянутое шлемом. Банько сосредоточен и готов в любое мгновение действовать.

Очертания Карачева возникают в поле зрения внезапно. Время точно совпадает с расчетным. Огибая издалека городок, ведущий разворачивается к Снежети, где в нее вливается Песочная. Отсюда аэродром - как на ладони. Еще разворот - и Баранов со своим ведомым круто пикируют. За ними поэскадрильно весь полк. Экипажи "яков", открыв огонь, проносятся над аэродромом. Молниеносная штурмовка стоянок, тянущихся вдоль леса, отзывается грохотом взрывов и вспышками пламени на земле. В небе мечутся оранжевые шары, возникают шапки разрывов зенитных снарядов. Баранов успевает заметить, как совсем близко подходит к нему самолет ведомого, будто тот хочет заслонить его от огня.

На стоянки уже сбрасывают бомбы и штурмуют их с двух направлений Ла-5. Не ожидая сигнала, пикируют на зенитки "яки", заставляя замолчать вражеские батареи. Оглядываясь, ведущий видит все происходящее над аэродромом и одновременно - приближающихся с юго-востока "мессершмиттов".

Теперь радиостанция может не молчать. Суравешкин, Савоськин, Давидян откликаются на сигнал ведомого мгновенно.

- Вижу. Атакую!

Истребители вступают в бой с вражескими перехватчиками. Одного сбивает Суравешкин, второго Давидян. С трудом тянет на свою территорию лейтенант Соловейкин, чья машина повреждена осколками немецкого снаряда. Между тем одна за другой эскадрильи, наносившие удар по аэродрому, пересекают линию фронта, возвращаясь домой по кратчайшему маршруту.

Последней производит посадку группа Алексея Суравешкина. Приземлившись, штурман 431-го истребительного авиаполка капитан Николай Баранов докладывает об уничтоженных и поврежденных на аэродроме немецких самолетах. Вечером командующий армией вручит ведущим групп награды.

Весна победно шагала по орловским полям, рощам и лесам, прокладывая дорогу жаркому лету. Теплые ветры высушили грунт на многочисленных аэродромах и взлетных площадках, понесли по наезженным грунтовым дорогам облака пыли. Но не поднялись еще огненные смерчи над плацдармами, казались случайными пушечные выстрелы, будто убрали отсюда артиллерийские батареи; не часто чернили небо зловещие дымные следы сбитого самолета и возникали рядом с ним, как пухлые облачка, парашютные купола.

Зато все чаще и чаще в вышине слышался далекий рокот моторов, и по этим звукам даже новички на фронте безошибочно определяли: разведчики. Самолеты Пе-2 перелетали линию фронта "на потолке", избегая встреч с вражескими истребителями, обходя немецкие зенитные батареи.

"Что делает противник?", "Что скрыто за обманчивой тишиной на переднем крае?". Ответы на эти вопросы вместе с однополчанами искал и находил, углубляясь в тылы противника, пересекая рокады, фотографируя аэродромы в Карачеве и Нарышкино, экипаж разведчика младшего лейтенанта Григория Брегадзе.

Его боевая работа восхищала в полку самых искусных разведчиков. Ему всегда не хватало вылетов, он рвался на задания и получал их, возвращаясь с ценными сведениями. Последняя радиограмма с борта самолета, на котором находились Григорий Брегадзе, Иван Ольховый, Виктор Логинов, осталась незаконченной: "Прохожу над Орлом..."

Все внимание экипажей Пе-2 было приковано к районам Орел, Мценск, Болхов, Брянск, Нарышкино, Кромы, Красная Степь. Туда пролегали самые опасные и самые важные маршруты. Часто разведчикам приходилось вести бои в воздухе. С большим трудом отразил атаки двух "фокке-вульфов" экипаж в составе Гаврилова, Евтушенко, Никулина. Бой над Желеницей успешно выдержали капитан Чичкаленко, лейтенант Злыденный и сержант Глушко. Им удалось сбить вражеский истребитель, но воздушный стрелок Глушко был смертельно ранен. "Вели разведку, - говорится в документах 32-го авиаполка, - на орловском и болховском направлениях: передний край, шоссейные и железные дороги, аэродромы. Высота полета - 2000, 5000, 6000 метров, фотографирование с 2-3 тысяч метров. Сделали 154 вылета.

Вскрыты крупные передвижения войск противника: Орел - Кромы - 400 автомашин, в Карачеве более 350 автомашин плюс 120 разгружаются на станции Карачев. Скопление танков - Кирейково, Медынцево.

Базирование авиации на аэродромах орловского аэроузла, Мезенка, Ледна, Мал. Спицыно"{14}.

Не аналогичными ли данными руководствовался командующий Военно-Воздушными Силами маршал авиации А. А. Новиков, находившийся вместе со своим заместителем генерал-полковником авиации Г. А. Ворожейкиным на аэродромах Курской дуги, докладывая в мае Ставке Верховного Главнокомандования о вскрытом воздушной фоторазведкой сосредоточении вражеских войск в районе Орел, Кромы. В докладе говорилось о том, что разведка установила наличие более 900 танков и 1500 автомашин противника, располагавшихся вблизи станций Куракино, Старое Горохово, Роговка, в деревнях в округе станции Змиевка и других населенных пунктах, лесах и рощах. Систематическим наблюдением с воздуха на 16 аэродромах отмечалось свыше 580 вражеских самолетов. Вывод был такой: "Противник танковыми и моторизованными частями занял исходное положение и создал авиационную группировку на орловском направлении для содействия наземным войскам"{15}.

Советское командование было уверено в том, что немецко-фашистские войска предпримут широкие наступательные действия на орловско-курском направлении. В мае, а потом в июне и начале июля ожидалось начало наступления. Задержка его вызвала серьезные опасения и тревогу. Чтобы представить себе напряженность момента, лучше всего обратиться к воспоминаниям генерала армии С. М. Штеменко. В его книге, в частности, рассказывается о том, как реагировала Ставка на сведения, поступившие по разным каналам в Генеральный штаб о возможном начале вражеского наступления 10-12 мая. Фронтам тогда была направлена такая телеграмма: "Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: к утру 10 мая иметь все войска как первой линии обороны, так и резервов, в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации с тем, чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе"{16}.

Однако наступление врага 10-12 мая не состоялось. Он, видимо, не был еще готов.

Второе предупреждение Ставки на фронтах получили в ночь

на 20 мая в связи с поступлением в Генеральный штаб сведений о намечаемом начале наступления противника 19-26 мая.

Автор продолжает: "В напряженном ожидании прошел весь май... Начался первый летний месяц. Немецко-фашистское командование обычно приурочивало к этому периоду самых коротких ночей и отличной летной погоды наиболее активные действия своих войск. Повторится ли то же самое в 1943 году? Не ошиблись ли мы в оценке намерений противника. Если, паче чаяния, ошиблись, кто знает, какие еще могут быть последствия? {17}"

И еще: "Истек и июнь 1943 года... Наша оборона давно была готова к отражению удара противника...

И тут в Генеральный штаб опять (уже в третий раз) поступили данные о том, что противник наконец готов к активным действиям. Ставка Верховного Главнокомандования приказала:

"1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника"{18}.

5 июля, едва забрезжил рассвет, над позициями обеих сторон южнее Орла раздался гром канонады. Германское командование двинуло войска на глубоко эшелонированную оборону Центрального фронта. Развернулось ожесточенное сражение.

В процессе многодневных тяжелых боев немецко-фашистские войска потеряли свою ударную силу, были обескровлены, их наступательные возможности иссякли.

Пришел черед операции "Кутузов", а значит - время развернуться 15-й воздушной армии. Планы ее боевой работы были тщательно подготовлены и своевременно утверждены Военным советом Брянского фронта.

Замысел командующего фронтом с исчерпывающей ясностью излагался в оперативной директиве, которой определялись роль и место воздушной армии в операции "Кутузов", особенно на первом ее этапе. Речь шла о тесной увязке действий авиации с действиями наступающих армий. Требовалось разработать план авиационного наступления. Офицеры штаба во всей подготовительной работе проявили завидную энергию, умение проникнуть в глубину вопроса, требующего широкого тактического кругозора, произвели возможно точные расчеты эффективного использования авиации в интересах наступающих войск 63-й, 3-й, а также 61-й армий. Большую помощь штабам оказали представители штаба ВВС, находящиеся в армии вместе с заместителем командующего Военно-Воздушными Силами генералом Г. А. Ворожейкиным, - главный штурман генерал Б. В.

Стерлигов, генерал-инспектор И. Л. Туркель, начальник войск связи генерал Г. К. Гвоздков.

Генерал А. А. Саковнин и его заместитель полковник П. Л. Котельников, опирающиеся на крепкий коллектив штаба, позаботились о том, чтобы большое количество данных, получаемых из частей, были глубоко осмыслены, позволили офицерам сделать из них выводы, обеспечивающие успех дела.

Накануне надвигающихся событий на фронте, размах которых, как каждый понимал, несравним со всеми предыдущими, воздушная армия, превосходящая противника в количестве и качестве авиационной техники, сильная моральным духом, накопленным боевым опытом, была в готовности.

Когда командующий принимал решение на боевую операцию, он имел в виду не только тысячу самолетов, имеющихся в тот момент в боевом составе вверенной ему авиации фронта. Он хорошо представлял себе моральное состояние авиаторов, был уверен в их стремлении во что бы то ни стало выполнить свой солдатский долг и победить.

Уверенность чувствовалась в его словах, когда он говорил о том, что завоевание господства в воздухе возлагается на 1-й гвардейский истребительный авиакорпус. Генерал знал: эта задача по плечу сильному, проверенному в боях авиационному соединению, возглавляемому хорошо известным в Военно-Воздушных Силах опытным командиром - летчиком Евгением Михайловичем Белецким. Командующий исходил из триединой формулы, определяющей задачи Военно-Воздушных Сил в войне: главные усилия авиации направлять на завоевание господства в воздухе, поддержку сухопутных войск, воздушную разведку. Эта формула пронизывала план боевых действий авиации во время контрнаступления войск Брянского фронта.

Известно, что удар наносили 63-я и 3-я армии. Справа на стыке с Западным фронтом действовала 61-я армия. Их поддерживали основные силы 15-й воздушной армии и авиации дальнего действия. Планом намечалось привлечение 300 дальних бомбардировщиков. Треть из них имели своей задачей до начала операции разрушить опорные пункты противника. Остальные должны были осуществить вылеты на эти важные цели в ночь перед началом контрнаступления. Аналогичные задачи ставились 286-й и 313-й ночным бомбардировочным авиадивизиям.

Планом предусматривалась обработка огневых позиций противника несколькими группами штурмовиков 225-й авиадивизии в сопровождении истребителей 832-го истребительного авиаполка. Вместе с ними группы "илов" 3-го штурмового авиакорпуса, сопровождаемые 315-й истребительной

авиадивизией, должны были наносить удары по штабам противника, по скоплениям его войск и узлам сопротивления, вылетая в район указанных целей в первые минуты операции и находясь над ними около получаса.

2-й бомбардировочный авиакорпус с 66-м гвардейским полком 1-го гвардейского авиакорпуса и 431-м истребительным полком имел своей задачей подавление артиллерии противника в районе Сетуха, Грачевка, Березовец.

Через час с небольшим после начала операции предстояли вылеты для уничтожения живой силы и огневых точек противника 308-й и 225-й штурмовых авиадивизий в сопровождении 431, 171 и 832-го истребительных авиаполков.

На полки 225-й авиадивизии возлагалась задача прикрыть боевые порядки танкового корпуса при вводе его в прорыв, а на 50-й истребительный авиаполк - разведка поля боя в тактической глубине.

Несколько меньшие силы выделялись для поддержки наступательных действий 61-й армии в направлении Болхова.

Задолго до начала операции был также разработан план взаимодействия с 1-й и 16-й воздушными армиями.

Для согласования вопросов авиационной поддержки наступающих войск туда отправились офицеры штаба воздушной армии. Так, в 63-ю армию прибыл заместитель начальника оперативного отдела подполковник Г. Т. Балматов.

Командующий армией генерал В. Я. Колпакчи радушно встретил представителя авиации. Он сразу расположил к себе гостя, который на первых порах чувствовал себя стесненно. Смущение, однако, прошло после того, как генерал широким жестом пригласил его к столу, на котором стоял огромный самовар, предупредив:

- Не вздумайте отказываться. Начнем с чая - и сразу к делу. - Он привычным движением поправил густые иссиня-черные волосы, заулыбался, чем вконец покорил Балматова.

- Ешьте и одновременно рассказывайте про возможности авиации на нашем направлении. Назовите боевой состав, число планируемых вылетов. Науменко и Саковнин, конечно, информированы о том, какие задачи мы будем решать в операции?

Балматов ответил утвердительно, для виду придвинул к себе стакан с чаем, отводя взор от аппетитно пахнущих котлет, в чем был немедленно уличен командующим.

- Напрасно скромничаете. Работать не начнем, пока не явится начальник штаба, он уже вызван. Подкрепляйтесь. Я покажу вам пример, хотя успел перекусить.

После прихода начальника штаба армии разговор принял деловой характер. Балматов дополнил новыми условными знаками привезенную с собой карту, дважды подчеркнул пункты по оси наступления частей армии, где должны были особенно поработать штурмовики. Начальник штаба вносил пометки в свою карту, часто напоминай о взаимных сигналах опознавания, и просил:

- Только по своим не ударьте.

Командующий изредка вставлял свои замечания, более всего интересуясь истребителями. Чувствовалось, он хорошо знал этот род авиации, даже питал к нему слабость.

- Одним словом, прошу передать Науменко, чтобы не дали пехоту в обиду, прикрыли по-братски. Впрочем, он сам или его заместитель с оперативной группой будет с нами. Встретимся не раз.

- Остается отработать плановую таблицу взаимодействия, - генерал дал понять, что беседе пришел конец. - Вам с начальником штаба и карты в руки. Посидите вдвоем, а нужно будет - побеспокойте меня.

И он крепко пожал руку подполковнику, не упустив при этом заметить:

Все же аппетит у вас неважнецкий. Видно, как все авиаторы, воздухом пробавляетесь... -

* * *

Командующий 15-й воздушной армией генерал Н. Ф. Шумейко избрал местом своего пребывания ВПУ, оборудованный до начала операции вблизи НП 63-й армии. С другого вспомогательного пункта управления осуществлял руководство боевыми действиями авиации заместитель командующего генерал Д. Д. Попов.

На ВПУ выехали офицеры штаба - полковник А. И. Иванов, майор М. С. Ковешников, майор Г. Д. Сивопляс, подполковник И. И. Вашкевич, помощник командующего по воздушно-стрелковой службе подполковник В. И. Дюжев, заместитель начальника штаба полковник П. Л. Котельников, опытные офицеры-связисты. Генерал Саковнин оставил на КП в Селезнево только несколько человек, необходимых для оперативной работы.

Ради последовательности изложения событий, происшедших в небе на орловском направлении, следует начать с того момента, когда на задания ушли экипажи ночных бомбардировщиков. На картах штурманов при скупом свете приборов кабин едва различались обведенные кружочками цели. В последнюю неделю их засекли разведчики-забайкальцы (в июне 32-й авиаполк стал 99-м гвардейским) и летчики 50-го истребительного авиаполка,

которые облетали вдоль и поперек передний край и ближние тылы противника.

У ночных бомбардировщиков одна задача, полученная ими накануне наступления, - обнаружить цели, точно сбросить на них бомбовый груз, который теперь достиг на малых самолетах значительного веса, и возвратиться за новым.

Летчики и штурманы 284-й ближнебомбардировочной авиадивизии получили приказ за подписью генерала Саковнина, который не устанавливал определенного количества боевых вылетов, а требовал иметь "напряжение максимальное".

Каждый понимал, что события на фронте завтра-послезавтра развернутся во всю ширь. В этом убеждал также факт пополнения дивизии двумя новыми полками - 4-м и 387-м.

Цели находились неподалеку от Орла в населенных пунктах Березовец, Архангельское, Сетуха, Моховое, на скатах высот 248,6 и 254,9, у берегов реки Неруч, близ Ореховки.

Работали совместно с авиацией дальнего действия. По заранее согласованному графику вылеты начинали обычно экипажи АДД, для которых выделялось меньше объектов, но более важных по значению, вроде опорных пунктов противника на высотах.

11 июля включились в боевую работу шесть полков 313-й авиадивизии, недавно вошедшей в состав воздушной армии.

Погода в июле не баловала летчиков Брянского фронта: то разражались грозы, то возникали густые туманы, то облачность опускалась до самых верхушек сосен. Впрочем, ночью нередко условия улучшались. Не ожидая подходящей высоты облачности, командир дивизии полковник Александр Алексеевич Воеводин отдавал приказ действовать парами и одиночными самолетами по заранее намеченному варианту. ...Приходят в движение полевые аэродромы манаенского узла. Светлячками на мгновение вспыхивают огни карманных фонариков. Через равные промежутки времени отрываются от земли самолеты и теряются в темноте. Они уходят в ночь в направлении Щербово, Мелещина, Карандаково, Волобуево. Огневые позиции переднего края противника, переправы через реки Ока, Зуша, Машок, склады боеприпасов и горючего - вот объекты ударов ночников. Здесь части 61-й армии поведут наступление на Болхов.

Маршруты ночников трудны. Разведкой установлена насыщенность вражеской обороны зенитными средствами. Об этом знают все экипажи, но они готовы выполнить задачу: среди летного состава большинство коммунистов и комсомольцев. Их число чуть ли не удвоилось перед убытием дивизии на фронт.

Взлетает командир 998-го авиаполка подполковник М. Т.

Елисеев со штурманом майором А. М. Кушвидом. В полночь он дал задание своим летчикам уничтожить переправу через реку Машок, где было замечено скопление войск противника. Оказалось потом - поблизости была сооружена ложная переправа, прикрытая зенитными батареями, что и ввело в заблуждение экипажи. Они сбросили бомбы безуспешно.

Опытному штурману майору Кушвиду сразу удалось обнаружить настоящую цель и прямым попаданием вывести переправу из строя. В момент нахождения над целью экипаж попал в лучи прожекторов, вокруг самолета стали рваться зенитные снаряды. Обстановка осложнилась. Простой маневр "падающий лист" помог вывести самолет из зоны обстрела. Вскоре Елисеев посадил его на своем аэродроме.

Успешным завершением первых вылетов могли похвалиться Дмитрий Супонин - один из инициаторов значительного увеличения бомбовой нагрузки, его друзья Алексей Зайцев, Николай Шмелев, беспокойный и энергичный комсорг Михаил Егоров и многие другие летчики 707-го авиаполка.

Глава четвертая.

В пылающем небе огненной дуги

12 июля 1943 г. началось контрнаступление советских войск на Огненной дуге.

15-я воздушная армия базировалась на аэродромах восточнее Орла. В непосредственной близости от села Саковнино расположился 171-й истребительный авиационный полк.

Вот записи агитатора политотдела 315-й авиадивизии капитана Филиппа Алексеевича Рябова о первом дне боевой работы полка на орловском направлении:

"В предрассветных сумерках мелькают, как тени, человеческие фигуры. Бесполезно спрашивать летчиков, хорошо ли позавтракали: в столовой остались нетронутыми тарелки с чудесными отбивными и макаронами. Зато опорожнены кувшины с квасом. Да и компот пришелся кстати. Не видно булочек. Значит, относительно подкрепились.

Василий Евтихиевич Билкун, заместитель командира полка по политчасти, видимо, отказался от мысли проводить митинг: времени в обрез. Он успевает сказать летчикам несколько напутственных слов после того, как задача уже поставлена, и подполковник Орляхин бросает:

- Ведущий - я. Вопросов нет?

Этого дня ждали с нетерпением. Уже сколько времени в глазах летчиков читался один вопрос: "Когда?" Его напрямик и косвенно задавали мне вчера в каждом полку, надеясь, что политотдельский агитатор назовет день, мол, он должен знать

чуть-чуть больше остальных - ходит рядом с начальством. Святая наивность. Комдив, и тот узнал только вчера.

Да, тетива натянута до предела. Стрела вот-вот понесется к цели.

Вслед за командиром полка Семеном Ивановичем Орляхиным пошел в воздух Соболев. Один за другим стартовали заместитель командира эскадрильи Гончаров, летчики Григорьев и Аксютчев. С трудом скрывая волнение, по-ротфронтовски сжав кулак, провожал Вишнякова механик Бородюк.

А с каким видом рулил Юра Иванов! После небольшой паузы повел группу Иван Девяткин. Взлетела четверка Стефана Ивлева. И наконец, со своим ведомым Сашей Борисовым - Александр Шевцов.

Теперь побыстрее на КП, к радиостанции, куда еще раньше поспешил Билкун. Из самого верного источника узнаешь все, что произойдет через двадцать - тридцать минут после того, как полк над Скородным встретится с пятью шестерками "илов" и будет сопровождать их к Грачевке. Она в двух десятках километров от Новосиля, за рекой Зуша. Сюда метит своим правым флангом 63-я армия. Здесь цели штурмовиков, и здесь делают свой "почин" туляки.

Еще вылет в тот же район, и Билкун берется за донесение подполковнику Бушуеву.

Политдонесение хотя и составлено на скорую руку, но в нем точно отображена вся картина первых полковых вылетов. Строчка за строчкой. Слово за словом. В районе Грачевка, Евтехов встретили 18 Ме-109ф и столько же "Фокке-Вульфов-190". Сбито десять, наши потери - один. Четверка Вишнякова, приведя на цель шесть "илов", натолкнулась на десять истребителей противника. Те пытались отвлечь наших в сторону. Вишняков с ведомыми, отражая атаки, неотступно держался штурмовиков. Он и старший сержант Борисов сбили два ФВ-190.

Заместитель командира эскадрильи лейтенант Гончаров во главе четверки тоже вел бой с истребителями противника, наседавшими на штурмовиков. Алексеем Гончаровым сбито два Ме-109, Василием Григорьевым - один, Юрой Ивановым - один ФВ-190.

Четверка командира 3-й эскадрильи старшего лейтенанта С. Т. Ивлева вылетела в 6.40. Штурмовики приступили к обработке цели. В это время из-за облачности восемь ФВ-190 внезапно атаковали одновременно истребителей и штурмовиков. В результате воздушного боя группа старшего лейтенанта Стефана Ивлева уничтожила три "фокке-вульфа".

...Пробив облачность, Ивлев обнаружил, что остался один из

группы, но заметил штурмовиков, уходивших на свою территорию, которых преследовали 5 Ме-109, Внезапной атакой сверху сзади с дистанции 60-70 метров он сбил "мессершмитта", который врезался в землю на нашей территории. Остальные поспешно ушли в облака.

Четверка заместителя командира 2-й эскадрильи капитана Геннадия Трубенко выполнила свою задачу сопровождения штурмовиков в район Евтехов без осложнений - истребителей противника здесь не оказалось - и вместе с "илами" возвратилась на свой аэродром. Таков же и результат вылета к Евтехову группы заместителя командира 3-й эскадрильи младшего лейтенанта Ивана Девяткина.

В заключение майор Билкун написал о тактике противника: "Над целью ходили небольшими группами эшелонированно, при появлении наших штурмовиков и истребителей пытались оттянуть истребителей, а отдельные пары ФВ-190, которые шли на бреющем полете, в момент выхода штурмовиков из атаки набрасывались на них снизу сзади. Эту тактику быстро разгадал капитан Александр Шевцов. Со своим ведомым сержантом Борисовым он опустился ниже штурмовиков и вступил в бой с "фокке-вульфами", сбив одного из них".

Вчера начальник политотдела дивизии Бушуев вручал партийные документы летчикам 171-го авиаполка. Получал членский билет ВКП(б) и комэск Иван Вишняков. Этот высоченный атлет от смущения залился румянцем, как малое дитя, но нашел слова, разволновавшие всех. Они о главном: о своем долге и чести коммуниста. Сегодня в первом же вылете Иван Алексеевич доказал, что слова его не расходятся с делом.

Над Грачевкой вместе с Шевцовым они сразу разгадали замысел немецких истребителей: в верхних ярусах драться с нашими, в нижнем - бить штурмовиков. Вишняков взял верхних, Шевцов - нижних, заставив их вести бой на встречных курсах. Здесь отлично показал себя ведомый штурмана полка летчик Борисов - дрался отчаянно. Удачный вылет. Главное, сберегли штурмовиков, довели в целости и сохранности на свой аэродром. Оттуда взлетели с новой группой.

...Совсем близко, почти рядом, аэродром 431-го полка. Полк выполняет такую же задачу - сопровождает на поле боя штурмовиков. Суравешкин докладывает по радио о яростном сопротивлении фашистских истребителей - они любой ценой пытаются пробиться к "илам".

Силен летчик Алексей Семенович Суравешкин. Везение у него от умения. Такая пара, как он с молодым истребителем Муратом Оздоевым, стоит четверых. Для них вертикальный

маневр - родная стихия. В первом же вылете они отбили атаки четверых гитлеровцев и сами стремительно атаковали. Пара выиграла этот бой, увеличив свой счет на три сбитых вражеских истребителя. На обратном пути в районе Мценска произошел еще один бой - теперь с двумя "фокке-вульфами". Им, конечно, не удалось добраться до "илов".

Другая пара младшего лейтенанта Кулика и сержанта Тихонова поработала на славу: защищала "илов" от "мессершмиттов" и подавляла огонь немецких зенитных батарей. Командир наступающего корпуса объявил этим истребителям благодарность от пехоты. Рвались в бой и прикомандированные к полку стажеры. Поэт Яков Хелемский назвал имя одного из них в песне о летчике Судакове, созданной под впечатлением утреннего боя, в котором группа Судакова дралась бесподобно, по образцам лучших советских асов. Лишь после повреждения самолета (осколки снарядов попали в хвостовое оперение, пробили фюзеляж) Судаков взял курс на свой аэродром. К тому же закончился боезапас, а стрелка бензиномера стала приближаться к нулю.

Нужно было видеть лицо техника Петрунько после осмотра самолета, с грехом пополам посаженного Судаковым. Сколько часов не доспал первоклассный мастер, чтобы вместе с помощниками вылечить машину, сделать ее боеспособной..."

* * *

1-й гвардейский истребительный авиакорпус, состоящий из 3-й и 4-й гвардейских дивизий и приданной ему 234-й иад, действовал на главном направлении, прикрывал полки наступающих армий, сопровождал "илы" на вражеские батареи. Истребители стремились вывести из строя побольше самолетов противника, чтобы наша авиация была хозяином положения в воздушном пространстве. "Основной задачей корпуса, - писал его командир генерал Е. М. Белецкий, - являлась борьба за завоевание господства в воздухе на участке прорыва. Выделение сил истребителей на выполнение второстепенных задач, как правило, не производилось, а все силы использовались на главном направлении. Такой способ целиком себя оправдал, корпус имел благоприятные условия для нанесения мощных ударов по авиации противника в воздухе"{19}.

...Горит небо над Орловщиной. Костры в нем возникают один за другим, и густые струи дыма порой сливаются в черные облака, похожие на грозовые. Летчики не щадят себя. Воздушные бои ведутся с ожесточением - не на жизнь, а на смерть. Об этом свидетельствует итог боевых действий 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса в первый день наступления. Сбито

54 самолета противника. Свои потери - 25 самолетов и 19 летчиков{20}.

В воздухе одновременно находятся более ста экипажей. Они действуют эскадрильями и звеньями. Противник выпускает группы, насчитывающие до 40 бомбардировщиков под прикрытием ФВ-190 и Ме-109. Радиостанция наведения на передовой работает с предельной нагрузкой. Ее позывной "Пальма-3". Здесь неотлучно находится генерал Белецкий. Его приказано называть Беловым. Истребители соблюдают непреложный закон: сражаться, пока противник не упадет на землю. Что происходило в воздухе над Орловщиной 12 июля, рассказывают участники событий.

Старший лейтенант И. Комаров: "Идя на высоте 800 метров, четверка обнаружила ниже себя группу из двенадцати бомбардировщиков Ме-110 в сопровождении десяти ФВ-190. Наш ведущий Герой Советского Союза старший лейтенант П. И. Муравьев скомандовал: "Атака!" - и пошел на "мессершмиттов" с младшим лейтенантом Руденко. Одного бомбардировщика они вышибли из группы пушечным огнем. В бой вступили прикрывающие ее "фокке-вульфы". И снова удача сопутствовала Муравьеву. Он, а вслед за ним Герой Советского Союза младший лейтенант П. М. Вострухин сбили по одному немецкому истребителю"{21}.

Этот бой происходил в районе Евтехов, Черная Грязь, Тростниково, куда пробивались войска фронта. Ме-110, подожженный капитаном П. И. Муравьевым, упал в районе Победное. Там же очутился и сбитый им "фокке-вульф". Старший лейтенант И. Комаров, имея преимущество в высоте, атаковал пару "фокке-вульфов". Один из них горящим упал вблизи совхоза "Заря". Вскоре у хутора Веселый догорал самолет, сбитый Героем Советского Союза младшим лейтенантом П. М. Вострухиным{22}.

Капитан К. В. Маношин: "10 "яков" прикрывали 18 "илов". Бой разгорелся в тот момент, когда полтора десятка ФВ-190 показались вблизи. Просигналив своим ведомым, я с четверкой пошел навстречу, "фокке-вульфам". Старший лейтенант Комаров и лейтенант Пускин со своими ведомыми прикрывали "илов" сверху. Использовав свое выгодное положение, истребители атаковали первыми и уничтожили огнем несколько ФВ-190... Итог боя выразился в восьми сбитых немецких самолетах. Три из них пришлись на мою долю. Главный выигрыш состоял в том, что мы сберегли "илов", дали им возможность выполнить задание"{23}.

В архиве хранится документ о воздушном бое группы гвардии капитана Василия Николаевича Кубарева. Группу Як-7б он повел в район Крутогорье, Сивково для патрулирования переправы через Оку. Здесь были обнаружены вражеские самолеты Ю-87 и ФВ-190. Первой по приказу ведущего пошла в атаку на "юнкерсов" пара лейтенанта Гуськова. Тотчас же атаковала пара Кубарева и другие истребители. Им удалось нарушить строй противника, принудив Ю-87 беспорядочно сбросить бомбы. И потом летчики действовали дерзко, по-гвардейски. Бои возникали на разных высотах. От огня Григория Гуськова один "юнкерс" загорелся и упал в районе Хмелево. В бою с "фокке-вульфом" одержал победу младший лейтенант Вершков. Когда этого летчика внезапно атаковал второй ФВ-190, на выручку бросился ведущий пары младший лейтенант Попов. Минутой-двумя раньше Попов сбил вражеский самолет над Олтухово{24}.

На второй и в последующие дни контрнаступления напряжение боевой работы летчиков корпуса не спадало.

* * *

Экипажи 99-го гвардейского разведывательного авиаполка направились по знакомым маршрутам в глубину вражеской обороны и тылы. Они получили задание уточнить, из каких районов фашистское командование перебрасывает войска, держать под наблюдением рокадные дороги, обнаруживать пути отхода противника. Разведчики искали и находили. Доклады экипажей изобиловали важными данными, которые немедленно использовались командованием.

Сегодня вылеты отличались от предыдущих, как и атмосфера, в которой велась боевая работа. Наступление. Сознание этого удваивало энергию, побуждало к активным действиям.

Впервые идет на задание сержант Надежда Журкина. Ей лететь в одном экипаже со штурманом Павлом Хрусталевым, который на "смотринах" в день ее прибытия в полк острил: "Что баба на корабле, что дева на самолете". Мнение лейтенанта изменилось очень скоро, и теперь он доволен, что участвует в этом маленьком торжестве - боевом крещении девушки. Она пришлась всем по душе за простоту и душевность, твердость характера и отзывчивость, за то, что не знала слова "трудно".

Хрусталев, да и не только он один, любуется стрелком-радисткой, внимательно слушающей подполковника Щенникова. Командир повторяет: "Не тушеваться, глядеть в оба, бить короткими очередями".

Подполковник отпускает ее, многозначительно показывая на часы, Надя спешит к самолету. Окинуть взглядом пульт управления, включить радиостанцию, прослушать эфир, еще раз

бегло осмотреть оружие - для нее минутное дело.

- Готова, - докладывает она командиру экипажа через переговорное устройство.

В шлемофоне слышится голос Хрусталева:

- Пошли. С нами Надежда!

Взлетает Пе-2 капитана Всеволода Клобукова. Долгим взглядом его провожает техник самолета Илья Наливкин. Экипаж берет курс на Болхов.

Петр Гаврилов получает от командира полка задание, переданное лично начальником штаба армии с предупреждением "весьма важно". Экипажу предстоит разведка районов Орла и Мценска. Позднее, когда придут первые сообщения о форсировании частями 63-й армии Зуши и Неручи, преодолении ими сильно укрепленных оборонительных рубежей на западных берегах этих рек, вылетят на разведку экипажи Александра Потанина и Анвара Гатауллина, новичков Алексея Пулькова, Виктора Богуцкого, Тимофея Горячкина, Льва Волкова. В штурманских кабинах займут места Павел Хрусталев, Анатолий Трушин, Виктор Ручкин, Алексей Шуклин, Алексей Галкин и, конечно, неугомонный воздушный боец, подлинный ведущий однополчан Николай Сергеенков. Прильнут к пулеметам воздушные стрелки-радисты Иван Рекунов, Павел Куприн, Александр Кривобоков, Петр Брус.

Напутствуемый своим непосредственным начальником, снайпером эфира Дмитрием Никулиным, пойдет в желанный боевой вылет комсорг полка Василий Власов. Секретарь партбюро Семен Михайлович Зайченко, пытаясь перекричать гул моторов, прокричит: "Счастливо!" Тем временем радисты на КП принимают с борта "петляковых" самые свежие и самые важные в этот час донесения, немедленно докладывая их командиру полка, который находится здесь неотлучно.

Гаврилов передает: "В Орле до 700 автомашин и танков. На железнодорожной станции 25 эшелонов. От Мценска на Орел движется автоколонна до 70 автомашин".

Радиограмма от Сергеенкова: "На станции Карачев до 30 эшелонов. До 120 танков из Орла движутся в район Моховое, Подмаслово". Поступают радиограммы от Хрусталева, переданные Журкиной, от Багрича.

У Гаврилова, едва он приземлится, старшина Хуснула Уразаев быстро заберет кассету с фотопленкой и сразу в лабораторию. Сергеенков тоже подтвердит фотопленкой свое донесение, переданное над Болховом и Орлом.

Надежда Журкина не станет скрывать огорчения На дружеские поздравления "с первым вылетом" она вздохнет:

- Только и всего, что передала радиограммы, даже не прикасалась к пулемету.

Вылеты разведчиков продолжаются весь день.

До позднего вечера длилась боевая работа в полках 225-й штурмовой авиадивизии.

Штурмовики дивизии отправлялись на задания группами по 6-8, а иногда и по 12 самолетов в сопровождении истребителей 832-го авиаполка. Эфир гудел голосами ведущих Василия Козловского, Анатолия Соляникова, Бернгарда Чернявского, Ивана Резниченко, Григория Рогачева Чаще всего слышалось короткое, как выстрел: "Атакуем!" Опытные штурмовики, командиры эскадрилий или их заместители точно приводили свои группы к объектам ударов. Делая в течение 15-20 минут заход за заходом, летчики выполняли задания.

Особое задание - испытать действие специальных противотанковых бомб получил командир эскадрильи старший лейтенант Рогачев. Позже он со своей группой провел опыт в широких масштабах, когда в районе Сай-моново обнаружил на исходных позициях до пятидесяти фашистских танков. ПТАБ (противотанковые бомбы кумулятивного действия), сброшенные на танки с малой высоты, нанесли врагу значительный урон: фотоконтроль зафиксировал на поле пятнадцать костров. Вслед за этим противотанковые бомбы использовали двадцать три экипажа, ведомые капитаном Чернявским. Это произошло неподалеку от села Моховое, где наступали части 63-й армии.

На смену группам 225-й авиадивизии в этот район направлялись "илы" 3-го штурмового авиакорпуса генерал-майора М. И. Горлаченко. Полки корпуса действовали и на других направлениях. Рядом с "Ильюшиными" шли "яки" и Ла-5 315-й авиадивизии, готовые в любую минуту отразить удар или навязать бой вражеским летчикам, стремившимся пробиться к штурмовикам, обрабатывающим наземные цели.

Дружба гвардейцев-истребителей и штурмовиков из корпуса Горлаченко зародилась в воздухе, была испытана в боях. Истребители жертвовали собой ради друзей. В одном вылете звено 832-го истребительного авиаполка лейтенанта Шоты Грдзелишвили, прикрывая штурмовиков 614-го полка, вело бой с шестью "фокке-вульфами". В бою погибли два наших истребителя, но Грдзелишвили и его ведомой продолжали отбивать атаки противника, дав возможность штурмовикам выполнить задание.

Напряженным был день 12 июля на аэродромах воздушной армии. Наступление шло не только на земле, но и в воздухе. Авиационное наступление представляло собой "непрерывное огневое воздействие авиации на обороняющегося противника,

связанное по месту и времени с действиями, направленными на завоевание господства в воздухе на решающем направлении"{25}.

12 июля группы штурмовиков и бомбардировщиков под прикрытием истребителей уничтожали живую силу противника, огневые точки, транспорт, разрушали командные пункты. Истребители патрулировали в воздухе, прикрывали наземные войска и уничтожали авиацию противника. В воздух поднимались 182 штурмовика, 89 бомбардировщиков и 406 истребителей сопровождения и прикрытия наземных войск{26}.

Поздним вечером затихли аэродромы, чтобы снова ожить ночью, когда за линию фронта пойдут экипажи ближнебомбардировочных полков, не давая врагу ни сна ни покоя.

13 июля, едва посветлело небо на востоке, у КП выстроились летчики 171-го истребительного авиаполка. На задание идут вместе с Вишняковым, Шевцовым, Гончаровым, Ивлевым, Зориным уже обстрелянные Александр Борисов, Василий Григорьев, Александр Самков, Михаил Голик. После вчерашних боев в их летных книжках появились первые записи о сбитых фашистских самолетах. С первой победой поздравили однополчане своего любимца Юру Иванова.

Юрий чувствовал себя именинником, хотя хмурил брови и старался напустить на себя независимый вид, что удавалось ему с большим трудом. Нелегко скрыть и радость, вызванную появлением на аэродроме милой девушки с метеостанции. Они успевают обменяться взглядами, понятными только им двоим. Вмиг вспомнилось все сказанное вечером после отбоя. Фронтовикам ведь менее чем по двадцать лет...

Первую группу снова повел командир полка подполковник Орляхин.

В кабинах самолетов находились и безусые сержанты, только вчера закончившие школы пилотов, и умудренные опытом фронтовики, люди разные по внешнему облику, но сходные в поступках и мыслях.

О водовороте событий повествует боевое донесение, написанное лаконичным языком отчета по горячим следам замполитом Билкуном, на первый взгляд разбросанные записи капитана Рябова, услышавшего в полдень хриплый голос истребителя Василия Савоськина: "Умри сам, но нашего любимца - "ила" оберегай!" - и увидевшего, как шатало от усталости командира эскадрильи Вишнякова после четвертого вылета, как он прильнул к траве, чтобы минутку передохнуть...

Оживают записи в штабных документах, в наградных листах, переговоры авиационных командиров по телеграфному аппарату.

Вот донесение подполковника Билкуна: "Начальнику политотдела 315-й иад.

Доношу, что полк 13.7.43 г. производил прикрытие своих войск в районе Сонин Луг, Евтехово, Ржавец. В этом районе были встречи с воздушным противником, где летчиками полка в воздушных боях сбит 31 вражеский самолет. (В донесении перечислены имена, в том числе капитана Геннадия Трубенко, который уничтожил четыре истребителя, сержанта Михаила Голика и старшего лейтенанта Стефана Ивлева, одержавших по две победы. Шестой по счету фашистский самолет сбил Алексей Александрович Гончаров. Он стоил коммунисту жизни.) ...До всего личного состава доведена сводка Совинформбюро и сообщено о продвижении наших войск на участке, где выполняет боевые задачи наш полк (правый фланг 63-й армии). Во время боевой работы на имя командира полка и на мое имя получено письмо летчикам от родителей капитана Вишнякова в ответ на наше письмо, в котором сообщалось о боевых делах сына - Ивана Алексеевича Вишнякова.

Когда летный состав, в том числе и командир эскадрильи Вишняков, прибыл с боевого задания, подполковник Орляхин зачитал это письмо.

Эскадрилья капитана Вишнякова сбила десять вражеских самолетов, из которых лично Вишняков - два.

Всему летному составу и механикам сообщили, что командующий воздушной армией генерал-лейтенант Науменко объявил им благодарность за отличную работу".

А вот свидетельство участника событий И. А. Вишнякова:

"Атмосфера, царившая на аэродроме, заставляла делать порой невозможное. Подумать только, вылет следовал за вылетом, самолеты возвращались поврежденные, бывали вмятины и пробоины, а наши друзья механики и техники держались крепко, как ни в чем не бывало. Только выдавали усталые глаза и невесть откуда взявшиеся морщинки на щеках. Здорово работали всегда, а в эти дни как-то особенно, можно сказать, вдохновенно и инженеры Кириллов, Песков, Смогловский, и техники Бородюк, Николаев, Шаповалов, Филатов, Ильин, Богачев, Дьячков - все, все! Готовы были костьми лечь, но своевременно выпустить самолет в воздух.

И сердцем своим всегда находились рядом с летчиками. Наверное, не думали так о себе, как о нас. Павел Бородюк всегда проводит в бой ободряющим взглядом и жестом. Тогда легко на душе, твердо знаешь: все будет в порядке. И действительно, ни одного ЧП в воздухе, машина всегда безотказна. Прилетишь - он ждет тебя на стоянке с неизменными вопросами:

- Как работал мотор на взлете? На вертикальных фигурах? Во время перегрузок в воздушном бою? Сколько раз я жал ему руку, говоря:

- Спасибо, друже!

Или техник Николай Антипов. Нет марки самолета, которой он не знал бы как свои пять пальцев. Даже Ме-109ф (были у нас в полку две машины). Антипов преподал и мне науку обхождения с этим хищным зверем. Приручили, "выдрессировали", потом использовали для тренировочно-показательных воздушных боев. Летчики ближе узнали его уязвимые места, точнее били по ним, еще больше уверовали в превосходство Ла-5.

А инженер эскадрильи Владимир Петрович Дымченко! Не уйдет со стоянки до поздней ночи, а то и до утра, пока не введет в строй самолет, поврежденный в воздушном бою. Чудесные люди, преданные своему делу!

Свою роль играла приверженность и любовь технического состава к Ла-5. Небезосновательно. Славная машина! Все летчики считали ее превосходной: скорость, замечательные маневренные качества, вооружение. Бывали случаи, когда на двигателе не работало несколько цилиндров, и все же удавалось привести самолет на свой аэродром.

Я лично даже в поэзию ударился, выступив под настроением боевого успеха со стихами о Ла-5, посвященными конструктору С. А. Лавочкину. Стихи, правда, не ахти какие, но мне запомнились надолго. Было там такое четверостишие:

В словах все это выскажешь едва ли,
Лишь виражами можно описать,
Как он хорош на гордой вертикали,
Ваш скоростной, маневренный Ла-5!

Была и песня, созданная коллективно участниками самодеятельности. Мы с удовольствием слушали и пели ее:

Моторы "юнкерсов" гудят,
И нам приказ опять:
Лететь врагу наперехват
На "лавочкиных-пять".
В любом бою мы не из тех,
Чтоб бросить своего,
У нас закон - один за всех
И все за одного.

Этому закону следовали все летчики. Хотя бы командир звена Алексей Нестеренко. Именно к Алексею в первую очередь относились строки песни: "У нас закон - один за всех и все за одного". Летчики его звена знали, что за командиром они, как за каменной стеной. Со своей стороны берегли его пуще глаза.

Во время сопровождения штурмовиков Нестеренко коршуном набрасывался на фашистских истребителей, когда те угрожали "илам", атаковал вместе с ними цели, устремлялся на зенитки. Возможно, он излишне горячился и рисковал, возможно, это не всегда вызывалось необходимостью, но таков уж был Нестеренко.

Безотказность, постоянная готовность и мгновенная реакция в воздухе, понимание приказа с полуслова, с намека отличали моего славного друга.

Летчика Александра Самкова, ведомого, привелось видеть в деле каждый день, близко узнать и проникнуться к нему почтением, именно почтением. Возможно, от частого применения потускнели слова "щит командира". Мне хочется, чтобы они продолжали сверкать, сохраняя свое фронтовое звучание в нашей среде, как символ благородства и рыцарства, подлинной коммунистической нравственности".

* * *

К исходу 13 июля 3-я и 63-я армии прорвали оборону противника на глубину 15 километров. В последующие дни напряженней становилась борьба в воздухе, потому что усилилось сопротивление фашистской авиации. Гитлеровское командование бросало резервы на те участки, где немецкая оборона давала трещины. Советские войска усиливали натиск.

Тесно становилось в небе. Бой следовал за боем. Агитатор политотдела дивизии капитан Рябов записал по горячим следам событий: "Возвратился из боевого вылета подполковник Орляхин. Его моментально окружили летчики. Давно не бывал он таким возбужденным и довольным. Незапланированная летно-тактическая конференция в разгаре. Летчики ловят каждое слово командира - самое авторитетное и самое нужное в эти минуты... ...Стажер лейтенант Серегин догонял ФВ-190, готовясь к атаке, и в этот момент заметил, как три немецких истребителя навалились на самолет Самкова. Подбитый, он тянул из последних сил на свой аэродром. Лейтенант бросился на выручку и спас друга. Самков приземлился, когда уже была потеряна надежда на его возвращение. Воины ликовали. Суровый Орляхин - и тот прослезился, обнимая однополчанина. А летчик Яценко не возвращался. Переживал весь полк. Каким же счастьем засветились глаза людей, когда в темнеющем небе загудел мотор и самолет стал заходить на посадку.

...Боевые листки за 14 июля. Это уже в 431-м полку. Немногословные. Рассказ о подвиге умещается в одну строчку: "Воюй так, как воюет Давидян", "Будь бесстрашным в бою, как Оздоев". Минуту-две, не больше, постоят однополчане у щита возле КП, пробегут глазами сообщение. Кто одобрительно

улыбнется, кто скажет доброе слово.

...Зарулил самолет полковника Литвинова. С чем прилетел командир дивизии? Он идет на стоянки, к летчикам. Короткая беседа, Нет, просто обмен несколькими фразами.

- Пехота хвалит - от Колпакчи есть радиограмма. Новую линию фронта вычертили? Не ошибетесь?

- Лейтенант Давидян!

- Я - Давидян.

- От имени Президиума Верховного Совета СССР летчик четыреста тридцать первого истребительного авиационного полка лейтенант Давидян награждается орденом Красного Знамени за бой его четверки с шестью гитлеровцами. За то, что сберегли штурмовиков. За два лично сбитых самолета. Одним словом, за то, что вы, товарищ Давидян, дрались на крайнем пределе человеческих сил и победили.

Летчик с трудом скрывает волнение. У него срывается голос. Друзья поздравляют наперебой.

...Очень любят Василия Савоськина. А я больше всех. Просятся летать с ним, стараются даже в мелочах оказать ему знаки внимания. Летчик No 1 таким считают его в полку. Вслух об этом не говорят, боясь смутить этого скромного и бесхитростного человека.

Старший лейтенант Савоськин со своей четверкой сопровождал штурмовиков. Неподалеку от цели шел трудный бой. Какими только уловками не старались гитлеровцы оттянуть истребителей от "илов". Напрасно. Савоськин парой отражал атаки, строго-настрого приказав второй паре прикрыть штурмовиков. Кулик, его ведомый, потом с восхищением отзывался о своем командире: "Знает дело Савоськин!"

* * *

В дни наступления войск Брянского фронта на орловском направлении беззаветно сражались летчики 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса. За 12 июля они сбили 54 вражеских самолета, за 13-68, а всего в июле - 400. Весомый вклад в дело борьбы за господство в воздухе{27}!

Боевой успех гвардейцев слагался не только из результатов боев с "юнкерсами" и "фокке-вульфами", из многих маршрутов штурмовиков, надежно прикрытых на пути к целям и обратно, но также из труда неутомимых механиков и техников, чьи заботливые руки готовили самолеты к вылетам.

Уверенность в боевом успехе сквозила в горячих словах коммунистов и беспартийных, звучащих перед вылетами, в заявлениях о приеме в ряды ВКП(б), столбцах корпусной многотиражки "Советский патриот", содержащих рассказы о

людях подвига - летчиках 32-го гвардейского авиаполка А. П. Шишкине, М. А. Гараме, В. А. Луцком, их соседях из 63-го полка - А. М. Числове, Н. П. Иванове, из 66-го - И. П. Кузенове и М. Л. Сидоренко, о том, как сражается летчик 63-го полка Алексей Петрович Маресьев, уже успевший сбить над Орловщиной четырех гитлеровцев; об их боевых друзьях - техниках и механиках, таких, как Г. И. Денисенко, Л. И. Лебедев, В. А. Азов, А. П. Бойцов, Б. Г. Смирнов.

История корпуса сохранила множестве свидетельств бесстрашия тех, кто находился в рядах атакующей авиации, оправдывая каждый день и каждый час гордое имя летчиков-истребителей.

Среди этих свидетельств - сложный бой восьми самолетов Ла-5, ведомых капитаном В. И. Гараниным, над треугольником Вяжи, Кочеты, Сетуха, "охота" пары А. С. Макарова в районе Евтехов, Тростниково, Черная Грязь, образец прикрытия наземных войск в этом же районе, продемонстрированный шестеркой Як-7б капитана П. И. Муравьева из 64-го гвардейского истребительного авиаполка.

Массовый героизм проявляли гвардейцы в воздухе во все июльские дни наступления. Многие летчики из полков корпуса были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них Н. М. Алексеев, В. А. Луцкий, А. П. Маресьев, Н. П. Иванов, А. М. Числов, А. С. Макаров, В. Н. Кубарев, И. П. Кузенов, А. П. Шишкин, М. Л. Сидоренко{28}.

* * *

В июльские дни 225-я штурмовая авиадивизия действовала на участке фронта от Волхова до Станового Колодезя. Она наносила удары по переднему краю и мотомеханизированным войскам противника и в глубине его обороны. Цели разнообразны: отходящие колонны, опорные пункты, мосты, переправы.

Штурмовики уничтожали танки. Редко когда летчики возвращались с вылетов, чтобы не доложить об изменениях в боевом счете. Особенно он возрос после того, как эскадрилья Григория Рогачева впервые применила специальные противотанковые авиабомбы (ПТАБ). На обратном маршруте, торжествуя по поводу успеха, командир эскадрильи пел во весь голос у включенного передатчика о могучем Днепре.

В общем, дела шли неплохо. Вместе с тем командование дивизии пришло к мысли, что сложные задачи штурмовиков требуют улучшения боевой работы.

Командир дивизии полковник Алексей Филиппович Обухов с начальником штаба, пожилым кадровым офицером из

преподавателей академии полковником Филаретом Михайловичем Богдановым и начальником политотдела, опытным политработником подполковником Петром Арсентьевичем Соловьевым не один час провели в размышлениях, анализируя боевые вылеты групп штурмовиков.

Уязвимых мест, пришли они к выводу, есть немало. Иной раз ведущие группы не выполняли требований приказов об увеличении времени пребывания над целями. А ведь важно было находиться на глазах у наступающих войск, заставить вражескую пехоту вжаться в землю.

Иначе как порочными не назвать было действия тех групп, которые совершали полеты к объектам ударов и обратно на одних и тех же высотах. Такая практика приводила к тому, что вражеские истребители перехватывали штурмовиков, атаковали сверху со стороны солнца и наносили им урон.

Далеко не гладко осуществлялось взаимодействие штурмовиков с наземными войсками. Ошибки допускали и те и другие. Нередко на машинах и танках опознавательные знаки под воздействием дыма и пыли теряли свои очертания и были неразличимы с воздуха. Опасаясь обнаружить себя в условиях тесного соприкосновения с противником, наступающие части редко использовали ракеты. Живучесть огневых точек врага на пути продвижения наступающих войск свидетельствовала о недооценке целеуказаний.

Штурмовики имели основания предъявить некоторые претензии к истребителям. Уменьшение численности самолетов сопровождения при массированных ударах вряд ли приносило положительный результат, а ведь бывало, что сопровождение только обозначалось парой истребителей.

Не всегда гладко проходила "охота" экипажей штурмовиков. Были и другие недостатки.

Уже в первые часы и дни наступательных действий выявилась необходимость увеличить состав групп самолетов, иметь солидное прикрытие и при прорыве оборонительной полосы, и для уничтожения контратакующего противника.

Критически оценивая свои недостатки, командование дивизии изложило штабу армии свои соображения о необходимости отказаться от некоторых устаревших, шаблонных способов и методов боевой работы.

Между тем она шла своим чередом, как того требовали интересы операции, изобилуя многочисленными примерами выдержки, выносливости, бесстрашия летчиков и воздушных стрелков, их верности солдатскому долгу.

В один из июльских дней всей дивизии стало известно о

мужестве сержанта Ивана Максимчи.

Экипажи "илов" поднялись с аэродрома - кто в третий, кто в четвертый раз. Эскадрилья старшего лейтенанта Василия Козловского возвращалась с боевого вылета первой, подходя к аэродрому на небольшой высоте в строю пеленга.

- Здорово идут, как на параде, - по привычке окая, похвалил эскадрилью полковник Обухов, часом раньше прилетевший сюда на легком связном самолете.

- А вон тот почему болтается? - показал он командиру полка на самолет, неровно летящий в стороне, над деревней. - И шасси не собирается выпускать. Будем угонять на второй круг?

- Повременим, Алексей Филиппович. Наверняка что-то произошло.

Майор Сапогов оказался прав. Эскадрилья уже успела приземлиться, а этот "ил" медленно снижался и вдруг плюхнулся на окраине поля, взрыхлив полосу земли.

Обухов с Сапоговым бросились к упавшему самолету. С трудом открыв фонарь, они стали вытаскивать раненого из кабины. Это был сержант Максимча, ослабевший от потери крови. Летчик застонал, когда его пытались взять за плечи, и глазами показал на ручку управления. Ее удерживал ремешок от планшета.

- Иначе не возвратиться бы, силенок не хватило, - через силу улыбнувшись, произнес Максимча, - ранило на обратном маршруте.

До сих пор еще никто в дивизии не приводил штурмовик в таком состоянии. "Худыш" это сделал первым. Оказалось, действительно сильным был этот слабый с виду человек.

Фронтовая обстановка не располагала к многословию. Результаты боевой работы больших воинских коллективов укладывались в несколько строк лаконичных оперативных документов.

Вот лишь несколько из них.

Оперсводка No 186: "13 июля 43 г., 16.00. 12 штурмовиков, ведомых старшим лейтенантом Рогачевым под прикрытием 8 Як-1 832-го полка, штурмовали и бомбардировали войска противника в районе Дерновка, Калгановка, Суры. Не вернулись старший лейтенант Дятленко, стрелок сержант Оберохтин, младший лейтенант Шуринов, стрелок старший сержант Литвинов. Оберохтин сбил ФВ-190".

Оперсводка No 189: "16 июля 43 г., 13.03. 19 экипажей - ведущий первой группы старший лейтенант Рогачев, второй группы - капитан Чернявский штурмовали танки в районе Подмаслово, Прилеп, Филатовка, Моховое. Уничтожено 10

танков, сбито 3 самолета типа ФВ-190 сержантом Марчковым, младшим лейтенантом Соляниковым, старшим лейтенантом Козловским"{29}.

Донесение из штаба дивизии: "15 июля 43 г. 4 экипажа 614-го Курского авиационного полка штурмовали танки противника (среди них 8 "тигров"), которые контратаковали наши войска на юго-западной окраине Подмаслово. Экипажи сбросили ПТАБ. На земле горело 7 танков, в том числе 4 тяжелых.

16 июля 43 г. 23 экипажа 810-го полка в районе Подмаслово, Федоровка, Филатово помимо других типов бомб сбросили 2700 ПТАБ, уничтожено 17 танков"{30}.

А вот телеграмма командиру дивизии полковнику А. Ф. Обухову из штаба воздушной армии: "За хорошую работу по подавлению скоплений танков и пехоты противника на участке наземного хозяйства 053 летному составу ваших частей, принимавшему участие в ударах 17 июля 43 г., командующим 63-й армией генерал-лейтенантом Колпакчи объявлена благодарность"{31}.

Какие события происходили 17 июля 1943 г. на Брянском фронте?

В боевом донесении штаба 63-й армии указывалось: "Наша авиация массированными налетами штурмовиков бомбила и обстреливала скопления танков и пехоты противника в районе Подмаслово, Царевка, высота 269,5, западная окраина Архангельское. В результате действий авиации отмечена эвакуация из тех районов до 30 вражеских танков".

В следующем донесении за 17 июля, когда противнику удалось приостановить продвижение войск фронта, сообщалось: "Наша авиация бомбила боевые порядки и танки противника на станциях Моховое, Архангельское, Сурский лес"{32}.

Уяснить ход событий тех дней помогут воспоминания генерала армии С. М. Штеменко. "Наступление Брянского фронта развивалось относительно медленно, а через пять дней, 17 июля, на глубине в 22 километра у тылового рубежа по реке Олешня совсем затормозилось. Здесь сидели войска так называемой мценской группировки противника, составлявшей как бы клин между главными силами Западного и Брянского фронтов. Этот клин серьезно осложнял межфронтовое взаимодействие. Особенно трудно приходилось Брянскому фронту, который являлся своего рода связующим звеном в системе трех фронтов. Наступая на Орел с востока, он должен был своим правым флангом совместно с войсками Западного фронта громить врага под Болховом. В то же время главными силами ему надлежало содействовать Центральному фронту, который с 15 июля

приступил к уничтожению противника в районе Кромы. Силы раздваивались и постепенно иссякали. Создалась угроза нарушения плана разгрома противника под Орлом. Чтобы преодолеть кризисное положение, Брянскому фронту нужна была помощь"{33}.

И далее: "В разговоре с ним (командующим фронтом генералом М. М. Поповым. - Авт.) Верховный Главнокомандующий, оценивая положение под Орлом, подчеркнул, что важнейшей задачей Брянского фронта является разгром мценской группировки противника и выход 3-й общевойсковой армии А. В. Горбатова на реку Ока. Затем он сообщил свое решение о передаче фронту 3-й гвардейской танковой армии, которая должна нарушить устойчивость обороны врага сначала в полосе наступления 3-й общевойсковой, а потом и 63-й армии В. Я. Колпакчи. Ввести танки Рыбалко в сражение Верховный рекомендовал как можно скорее, чтобы не дать врагу укрепиться"{34}.

В решении командующего 15-й воздушной армией об использовании сил авиации в наступлении Брянского фронта среди прочего предусматривалось обеспечение ввода в прорыв подвижной группы и ее действий в тактической и оперативной глубине противника.

Теперь настало время принять участие в выполнении исключительно ответственной задачи, поставленной Верховным Главнокомандованием перед крупным объединением, каким являлась гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко.

В документах 63-й армии зафиксировано, что в течение ночи на 19 июля наша авиация бомбардировала район Архангельское, Моховое, Орел, вызвав большие пожары. В 13.00 после артиллерийской подготовки и авиационной обработки переднего края 63-я армия начала наступление.

225-я штурмовая авиадивизия в течение 19 июля уничтожала мотомехвойска противника в полосе наступления 63-й и 3-й армий в пунктах Сычи, Титово, Прилеп, Гусево, Протасово, Бычки, Моховое, действовала по переправам на реке Оптуха от Наримановской до Шаталово. Уничтожено 35 танков, 130 автомашин, одна переправа у Платоново. В боях сбито 7 самолетов противника{35}.

3-я гвардейская танковая армия вводилась в прорыв на стыке 3-й и 63-й армий. Ее действия обеспечивались артиллерией этих армий, наступление поддерживалось штурмовой, бомбардировочной и истребительной авиацией.

Танковые бригады укрылись в складках местности, в лесах и рощах. Велика надежда бойцов на свою авиацию. Когда в воздухе

краснозвездные самолеты, у экипажей танков удваиваются силы.

В танковых войсках безотлучно находится авиационный командир, готовый в нужный момент вызвать по радио истребителей или штурмовиков, чтобы они вступили в дело. Они подавят или уничтожат огневые точки: прижмут противника к земле, огнем пробьют дорогу танкам, ворвутся в строй "юнкерсов", вступят в бой с вражескими истребителями.

Взаимодействие. Многократно это весомое, емкое слово повторяется в приказах, донесениях, отчетах о боевой деятельности всех родов войск.

Нетрудно представить себе, какую важную роль играла 3-я гвардейская танковая армия в развитии операции "Кутузов". Вот почему за ее продвижением с таким пристальным вниманием следили на КП Брянского фронта, куда в то время прибыли представители Ставки Верховного Главнокомандования Г. К. Жуков, Н. Н. Воронов и А. А. Новиков. Командующий Военно-Воздушными Силами находился в воздушной армии с 12 июля, имея возможность лично убедиться в том, что авиационные полки и дивизии в состоянии выполнить самые сложные задачи. Ранее необходимую помощь командованию армии в подготовке наступления оказывал заместитель А. А. Новикова генерал-полковник авиации Г. А. Ворожейкин с руководителями служб штаба ВВС. Незадолго до начала наступления по инициативе Г. А. Ворожейкина была организована выставка авиационного вооружения, состоялись показательные вылеты "илов", оборудованных аппаратурой для применения зажигательной жидкости и постановки дымовых завес. На рассвете 12 июля под прикрытием дымовых завес, поставленных штурмовиками, наземные войска пошли в атаку.

За неделю, насыщенную до предела боевой работой, авиация накопила определенный опыт взаимодействия с подвижными войсками, в частности с Донским танковым корпусом, где находился с оперативной группой опытный штурмовик полковник В. А. Тимофеев. Аналогичную задачу, только более значительную по своим масштабам, предстояло решать начиная с 19 июля.

Штаб воздушной армии основное внимание должен был уделить обеспечению ввода в прорыв 3-й гвардейской танковой армии, ее действий в тактической и оперативной глубине обороны противника. По приказу генерала Н. Ф. Науменко на поддержку и прикрытие танкистов были выделены большие силы: 120 штурмовиков, 112 бомбардировщиков и 200 истребителей.

Перед началом боевых действий танковой армии генералу Саковнину своевременно стали известны пункты дислокации танковых бригад. Истребители надежно прикрыли танки во время

марша на выжидательные и исходные позиции. Как ни высматривали с целью контроля свои разведчики - не смогли обнаружить "коробочки". Оставалось ждать сигнала, чтобы авиационные полки направились в заранее намеченные районы для прикрытия.

Но неожиданно поступил другой сигнал от генерала Д. Д. Попова, заместителя командующего воздушной армией, который теперь находился у танкистов. Танковые батальоны одной бригады укрылись в роще, замаскировались, готовились к атаке. Вражеские разведчики не раз пролетали над рощей и не заметили ничего подозрительного.

Пространство вокруг было безлесным, и роща сама по себе привлекала внимание. Утром один фашистский разведчик бросил здесь наугад несколько бомб. Две запылавшие машины демаскировали танковые подразделения.

Это стало известно представителям Ставки.

- Жди сейчас "юнкерсов", - в сердцах произнес маршал Жуков.

Звонок генералу Саковнину на КП штаба воздушной армии последовал немедленно. Саковнин с полуслова понял обстоятельства. Необходимо было действовать молниеносно.

- Будет исполнено, - коротко ответил он, уточнив лишь у Попова координаты злополучной рощи.

И сразу вопрос оперативному дежурному майору Кандаурову:

- Орляхин еще не взлетел?

- Нет, штурмовики на подходе к его аэродрому.

Дежурный по узлу связи явился к начальнику штаба в ту минуту, когда генерал только закончил писать текст радиограммы командиру 171-го истребительного авиаполка: "Отставить сопровождение. Следовать в квадрат 505,4. Сто третий".

Пять четверок "лавочкиных" 171-го Тульского истребительного авиаполка перехватили немецких бомбардировщиков на подходе к роще и стремительно атаковали. Разумеется, ведущие капитан Григорий Трубенко и старший лейтенант Константин Соболев, командир звена Алексей Нестеренко, летчик Юрий Иванов - любой из группы не думал в эти мгновения о том, что десятки напряженных взглядов обращены на их "лавочкины", появившиеся над вражеским строем, что там внизу, на КП 63-й армии и фронта, нервно сжимают кулаки военные в генеральской форме.

Летчикам не довелось увидеть, как улыбнулся строгий маршал, когда близ КП упал один, а вслед за ним и другой "лапотник", но участники вылета заметили, что бомбы, сбрасываемые впопыхах с "юнкерсов", разрывались в стороне от

рощи. Вскоре истребители услышали в наушниках шлемофонов голос Соболева, докладывающего командиру полка: "Задание выполнено. Потерь нет. Идем домой".

Ввод 3-й гвардейской танковой армии в прорыв, как об этом докладывал Ставке маршал артиллерии Н. Н. Воронов, был осуществлен своевременно и достаточно организованно.

Такие же сведения получил по радиотелеграфу командующий Брянским фронтом генерал-полковник М. М. Попов от генерала П. С. Рыбалко, докладывавшего об успешном начале действий танкистов. В заключение следовало обычное: "Продолжаю наступать".

Успех танкистов сказался быстро: 20 июля противник оставил Мценск. Прикрывая свой отход, он бросил с утра против главных сил Брянского фронта, в том числе против танковой армии, большое количество авиации. Но наступление не останавливалось. Заслоны истребителей всюду встречали вражеских бомбардировщиков.

21 июля, выполняя директиву Ставки, 3-я гвардейская танковая армия повернула к югу на Становой Колодезь, в полосу 63-й армии. Танкисты успешно справились со своей новой задачей. Они сломили сопротивление противника в районе Станового Колодезя и на всем южном крыле Брянского фронта.

Командующий 15-й воздушной армией противопоставил авиации противника преимущественно силы 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса. То тут, то там в воздухе возникали ожесточенные бои.

20 июля советские истребители атаковали двадцать "юнкерсов", прикрытых двадцатью пятью "фокке-вульфами".

Начала бой в районе Спасское десятка Ла-5 Героя Советского Союза Андрея Федотова. В ней был ведущим шестерки подполковник Николай Иванов. Основная цель - "юнкерсы". Удар по ним завершился девятью сбитыми вражескими бомбардировщиками. Одновременно завязались воздушные бои с "фокке-вульфами". Двоих уничтожил А. П. Маресьев, одного И. М. Березуцкий и одного А. А. Федотов.

Четыре "яка" зашли со стороны солнца на группу фашистских истребителей. При выходе из атаки летчики услышали голос ведущего лейтенанта М. Л. Сидоренко: "Сзади "лапотники", за мной!"

Первой же очередью Сидоренко зажег Ю-87. У "юнкерсов" было большое прикрытие, но они сразу повернули назад. Истребители продолжали бой с "фокке-вульфами", а на пути к своему аэродрому атаковали еще группу Ме-110.

Произошел и такой эпизод во время вылета звена старшего

лейтенанта Александра Федорова, описанный впоследствии командиром 32-го гвардейского истребительного авиаполка Героем Советского Союза В. И. Давидковым: "20 июля тов. Федоров вступил в бой против пяти гитлеровцев. Сбил одного ФВ-190 (десятого на своем счету). На его самолете было отбито крыло. Из штопорящего самолета тов. Федоров выпрыгнул на высоте 75 метров.

За короткий период времени на орловском направлении звено тов. Федорова произвело 80 вылетов, уничтожив 12 самолетов противника"{36}.

За 20 июля летчики корпуса сделали 235 боевых вылетов, провели 27 групповых воздушных боев, уничтожили 65 самолетов врага{37}. Если прибавить 32 стервятника, уничтоженных накануне, то станет ясно, как гвардейцы оберегали танкистов и вели борьбу за господство в воздухе.

Между тем противник лез из кожи вон, чтобы хоть на отдельных участках добиться успеха. Усилия оказались тщетными.

Картина не изменилась и 21 июля, когда танковая армия в соответствии с директивой Ставки резко изменила направление своего движения, наступая на Становой Колодезь.

Снова, как накануне, отличилась четверка истребителей старшего лейтенанта М. Л. Сидоренко, а героем дня стал младший лейтенант комсомолец Трушкин, на чей счет а штабе записали пленного немецкого летчика. Трушкин заставил одного "мессершмитта" приземлиться в расположении наших войск, сел рядом, перехватил бегущего к лесу летчика, а затем передал его подоспевшим бойцам 235-й стрелковой дивизии.

Как ни велико было огорчение пленного, но он поспешил снять с шеи разноцветный шарф и протянул его Трушкину, проговорив на ломаном русском языке:

- Я опытный летчик, а склоняю голову перед победителем.

Назавтра ареной воздушных боев стал район населенного пункта Золотарево. Сюда переместился пункт наведения корпуса.

- Я - "Пальма-3", - то и дело слышался в эфире ровный голос командира.

- Я - "Пальма-3". Слева сзади, ниже вас четыреста метров десять Ю-87 и шесть "фокке-вульфов". Атакуйте!

Это был приказ командиру эскадрильи капитану П. И. Муравьеву, который привел сюда свою группу.

Муравьев тотчас дал сигнал. Группа устремилась на "юнкерсов". Одна пара завязала бой с истребителями сопровождения. Неприцельное сбрасывание бомб противником было первым результатом атаки. В воздухе возникла карусель.

Лейтенант Николай Денчик добился победы на вираже. Его ведомый сумел зайти второму гитлеровцу в хвост, и два "фокке-вульфа" упали вблизи Золотарево, почти рядом с "юнкерсом", сбитым капитаном Муравьевым.

"Пальма" подвела итог боя одним словом: "Хорошо".

После полудня на КП корпуса начальник оперативного отдела соединения В. А. Годунов принял по радио приказ:

- Я - "Пальма-3". Вышлите в мой район группу. Приближаются тринадцать Ю-88.

Взлетела десятка Ла-5. Ее повел капитан Александр Числов.

Послушные указаниям "Пальмы", "лавочкины" перехватили бомбардировщиков.

И снова прозвучал голос "Пальмы-3":

- Благодарю за отлично проведенный бой. Белов{38}.

В течение дня этот голос раздавался еще не раз в шлемофонах ведущих А. А. Федотова, В. Н. Кубарева, И. П. Витковского, В. А. Луцкого.

Генерал Белецкий руководил своими питомцами так, как будто находился рядом с ними в одном строю. Поэтому так уверенно чувствовали себя и командиры, и их ведомые.

Июльские бои явились трудным испытанием нравственных и физических сил летчиков. В гвардейских полках знали пылкого, стремительного истребителя Гуськова и такого же, как он, превосходного летчика Вострухина. Незадолго до начала Курской битвы младшие лейтенанты Г. Г. Гуськов и П. М. Вострухин удостоились звания Героя Советского Союза. Отважные соколы погибли в один день - 23 июля. К сожалению, война не обходится без потерь.

Фашистское командование убедилось в том, что действия советских истребителей в этом районе таят в себе большую опасность для немецкой авиации. Ее потери росли, и поэтому наряду с увеличением численности воздушных сил на орловском направлении враг предпринимал попытки нанести удары по нашим аэродромам базирования. Однако противнику не удалось застать их врасплох. Четко налаженная противовоздушная оборона и система оповещения разрушала эти планы.

Вот что произошло 22 июля. Радиостанция аэроузла, расположенного неподалеку от линии фронта, приняла сигнал от "Пальмы-3" о пролете группы немецких бомбардировщиков курсом на аэродромы 3-й гвардейской истребительной авиадивизии. Через несколько минут они прошли поодаль и, маскируясь облачностью, развернулись на юг, словно бы не обнаружив аэродромов. Но это был только хитрый маневр. Через несколько минут "юнкерсы" появились с запада и легли на боевой

курс.

В тот момент по сигналу "Воздух" взлетела десятка Ла-5, ведомая командиром 63-го гвардейского истребительного авиаполка подполковником Н. П. Ивановым. Она атаковала с разных направлений и расчленила вражескую группу. Мечущиеся в панике бомбардировщики противника советские истребители расстреливали поодиночке.

С каждым днем преимущество нашей авиации становилось все заметнее. Она господствовала в воздухе. Действия истребителей 1-го гвардейского авиакорпуса в интересах 3-й гвардейской танковой армии явились одной из ярких страниц его истории.

Выполнив свою задачу, 3-я гвардейская танковая армия направилась на соседний Центральный фронт. Оттуда пришла телеграмма с теплыми словами друзей по оружию:

"Танкисты благодарят за отличные действия штурмовиков и бомбардировщиков, которые помогли нам прорвать оборону противника. Особенно мы довольны истребителями, надежно прикрывавшими наши боевые порядки с воздуха"{39}.

Такие слова благодарности танкисты, пехотинцы, артиллеристы адресовали не только истребителям. Истребители, штурмовики, разведчики, бомбардировщики, в том числе ночные, были в первых рядах войск Брянского фронта, движущихся к Орлу.

Без экипажей легких бомбардировщиков-ночников не обходилась боевая работа воздушной армии в любых операциях. Хорошо проявили себя эскадрильи ближней бомбардировочной авиации во время рывка танкистов к Протасово и потом к Становому Колодезю. Для ночников исключались вылеты большими группами, какие могли совершать штурмовики или дневные бомбардировщики. Зато бесконечной была по ночам цепочка одиночных легких самолетов. На одном направлении действовала 313-я, на другом - 284-я авиадивизии.

Ночники выполняли самые разнообразные задачи. В одном вылете нужно было найти батарею, в другом - переправу, в третьем - склад боеприпасов. И пять, и десять, и пятнадцать вылетов за ночь. Дмитрий Супонин и Алексей Зайцев, Николай Шмелев, Михаил Егоров и Андрей Рубан и многие, многие другие могли в иных случаях сделать невозможное.

...Лучи прожекторов, выхватившие самолет из темноты летней ночи, высветили даже швы на перкалевой обшивке. Осколки зенитных снарядов прошивали и лохматили ее. В этот момент штурман младший лейтенант Н. И. Розанов услышал по переговорному устройству сдавленный голос летчика. Младший

лейтенант Ефим Денисов скорей простонал, чем проговорил:

- Бери управление на себя. Ранен...

Выполняя приказ, Розанов повел самолет на цель. Он понял, что ранение командира тяжелое и теперь вся ответственность ложится на его плечи. В последующие минуты из кабины летчика уже не раздавалось ни звука: он лишился сознания.

Положение еще более усложнилось, когда горячий осколок впился в левую руку штурмана. А ведь опыт пилотирования самолета у него был ничтожный, тем более в таких тяжелых условиях. "Первым делом необходимо уйти от проклятого слепящего света", - подумал Розанов. Штурману не раз пришлось наблюдать, как это делали летчики во время тренировочных полетов, а однажды выдержать испытание в таком пекле. Тогда летчику удалось вывернуться, имитируя падение самолета. "Сейчас это тоже единственный выход, пусть даже с риском погибнуть", - мелькнула в голове мысль, и он толкнул ручку от себя, одновременно резко нажав ногой на педаль.

"Вышло!" - чуть не крикнул Розанов в темноту. Яркий свет прожекторов остался в стороне. "Теперь развернуться на цель". Это ему удалось сделать с большим трудом: давала себя знать раненая рука. Сбросить бомбы на вражескую батарею было более легким делом, привычным для опытного штурмана.

Потом Розанов вел в темени непокорную машину на свой аэродром. Неведомая сила влекла его вперед, обостряла чутье. И штурман, ставший одновременно летчиком, не заблудился. Посадку он произвел где-то вблизи Черни. На аэродроме механик обнаружил в самолете две сотни пробоин.

Так прошел полет комсомольского экипажа 997-го ближнебомбардировочного авиаполка 313-й авиадивизии ночью 23 июля. Считалось, что ничего исключительного не произошло. Раньше подобное было над пунктом Пальчиково с экипажами сержантов Таякина и Скорого.

И в 284-й ближнебомбардировочной авиадивизии было немало подобных вылетов.

На третий день наступления экипаж 640-го ближнебомбардировочного авиаполка в составе летчика лейтенанта Гордея Голоцвана и штурмана младшего лейтенанта Григория Власенко получил задание найти прорвавшийся танковый корпус, с которым была утеряна связь. Полет экипажа По-2 проходил под вражеским огнем с земли из всех видов оружия, посадка - в расположении корпуса на изрытой воронками лесной поляне.

- Задание выполнено. Корпус находится на северо-западной окраине Грачевки, - докладывал Голоцван по возвращении на

свой аэродром.

Не в каждом полете совершались подвиги, не все могли служить образцом летного мастерства, кое-кому из летчиков приходилось сжигать свой самолет после вынужденной посадки на вражеской территории. Но в маленьких самолетах находились люди с горячими сердцами, скромные, самоотверженные, далекие от рисовки и поз. Командование воздушной армии знало им цену.

Полковник Сухачев видел их, в большинстве своем комсомольцев, похожих и непохожих друг на друга, в тесной хатенке полкового командного пункта или в кабинах самолетов, смотрел им в глаза после посадки, когда быстро, с запинками, они докладывали о результатах вылета, упоминая то батарею, которая уже не будет вести огонь по танкистам, то взорванный склад боеприпасов, а то, совсем скромно, попадание в фашистские окопы.

Летчики называли себя ночниками не без гордости. Теперь уже находилось мало желающих перейти в другой род авиации, даже в истребительную.

О чем были донесения штабу и политическому отделу армии от нового командира дивизии подполковника Ивана Андреевича Трушкина и начальника политотдела подполковника Федора Никитовича Тарасова в дни, когда танковые и стрелковые батальоны приближались к Орлу?

О том, что экипажи 701-го авиаполка уничтожили две переправы через Оку близ пункта Ломовец. Что ночи напролет экипажи 638-го полка контролируют дороги, сходящиеся к Орлу. Что экипаж старшего сержанта Столярова взорвал склад боеприпасов в деревне Федоровка близ Орла на скрещении дорог, ведущих к оборонительным рубежам противника. Что 638-й полк выполнил специальное задание штаба Брянского фронта, восстановив связь с передовыми наступающими войсками.

В какой уже раз поднимался сержант Юрий Иванов с аэродрома вблизи Саковнино, чем-то напоминающего аэродром аэроклуба в Подмосковье, где он впервые ощутил радость полета. Уходил и возвращался. Только в последний раз не совсем целым.

"Дорогие папа, мама, Лева и Римма! - писал Юрий 24 июля. - Шлю вам привет и желаю наилучшего в вашей жизни. Некоторое время я лежал в лазарете. В последнем боевом задании меня подбила зенитка. Сейчас я уже вышел, правда, хожу с обвязанной головой, но это ничего, все пройдет. Беспокоиться не надо. В остальном все по-старому. Я награжден орденом Красного Знамени. Живу на новом месте, так как фронт удаляется на запад, и я - за ним.

Как получите письмо, побыстрее пишите ответ. Передайте

всем привет. Крепко, крепко жму руку. Остаюсь Ю. Иванов. Извините, плохо пишу, один глаз обвязан".

Письмо пришло в старенький домик на окраине Москвы ранним утром, разбудило всех его обитателей, ворвалось радостью в семью. Казалось, сын рядом, оживленный, смеющийся. Сразу как-то не дошло до сознания, что он был ранен.

- Глаз-то обвязан, может, Что-нибудь серьезное? - засокрушалась мать.

- А ты, Евдокия Константиновна, не причитай, - успокаивал ее отец. - Я - старый солдат, понимаю, что значит "обвязан", а не перевязан. И потом в лазарете он, а не в госпитале. Значит, недалеко от части.

Потом все долго сидели за столом и жадно рассматривали конверт с изображением звезды и летящих самолетов и с надписью: "Да здравствует свобода и независимость нашей славной Советской Родины!"

- Написал бы, как там на фронте. Знаем, что наступают, раз фронт удаляется на запад. А какое новое место - хотя бы намекнул.

- Красное Знамя заслужил! Прислал бы фотографию с таким орденом...

- Главное, жив он, жив Юрка, летчик наш ненаглядный!

А летчик тем временем уже успел снять повязку, глаз не беспокоил. Командир эскадрильи разрешил готовиться к вылету с нового аэродрома.

Сержант Иванов теперь уже считался бывалым. Друзья шутили: кандидат в мастера боя на вертикалях.

В наградном листе командир писал о нем: "Иванов Юрий Петрович, летчик первой эскадрильи, год рождения 1923, член ВЛКСМ, участник войны с 30.5.43 г., в Красной Армии с 1941 года - добровольно вступил в Борисоглебскую летную школу.

Имеет на своем счету три сбитых самолета противника.

Задания командования выполняет отлично. В воздушных боях показал смелость и мужество, хладнокровие и умение побеждать врага".

По мнению сержанта Надежды Журкиной, воздушного стрелка-радиста 99-го гвардейского разведывательного авиаполка, свое настоящее боевое крещение она получила в районе Орла, когда пустила в ход оружие. Полет остался памятным на всю жизнь. Летая в боевом экипаже, она неизменно оставалась веселой, озорной, готовой ответить на заигрывание смельчаков остротой, словами популярной песенки или частушкой: "соблюдай дистанцию, ты получишь поцелуй через радиостанцию".

Очередные задания на разведку относились к разряду очень важных. Командование по достоинству оценило ратный труд смелой девушки.

Гвардии сержант Н. А. Журкина за обеспечение отличной связью пяти боевых вылетов на разведку войск противника, за мужество, бесстрашие и хладнокровие, проявленные при выполнении боевого задания 20 июля 1943 г., была награждена медалью "За отвагу". В приказе по полку говорилось: "Огнем своих пулеметов Журкина не допустила атак со стороны преследующих экипаж двух истребителей, тем самым обеспечила доставку командованию ценных сведений об отводе войск и военной техники противника из районов Мценска и Болхова в сторону Орла".

Свой третий и четвертый боевые вылеты Надя сочла настоящими потому, что в одном она открыла огонь из пулеметов, в другом увидела неподалеку от самолета черные шапки разрывов зенитных снарядов. В обоих случаях четко передала по радио на КП полка донесение командира экипажа.

Не подводил и воздушный стрелок-радист комсорг Вася Власов. Опытные разведчики имели все основания хвалить новых стрелков-радистов: груз ответственности оказался им под силу, первые шаги достаточно уверенными.

Майор Петр Гаврилов во время операции боевых вылетов сделал больше всех других однополчан. Этого разведчика величали "охотником-следопытом". Под стать ему был штурман Николай Сергеенков, обладающий необыкновенным чутьем и наметанным глазом, умеющий мгновенно оценить обстановку в воздухе и на земле. В районе Орла он вскрывал движение вражеских колонн, обнаруживал скопления танков, производил фотосъемки аэродромов и железнодорожных станций. Его донесение в разгар боев о переброске танков противника из Карачева в Змиевку оценивалось высшим баллом.

2 сентября 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР присвоил боевым разведчикам командиру эскадрильи майору П. И. Гаврилову и штурману эскадрильи капитану Н. С. Сергеенкову звание Героя Советского Союза.

Гвардейцы-разведчики работали отлично. Такую оценку давало им командование воздушной армии, учитывая при этом, что условия боевых вылетов все более усложнялись. По полному праву разведчики принимали и на свой счет благодарность Верховного Главнокомандующего, адресованную военно-воздушным силам фронта 24 июля. Полк покинул свой аэродром одновременно со штабом армии, близ которого он дислоцировался. Перелетели в район, западнее прежней линии

фронта, где неделю назад приземлиться считалось самым худшим и страшным, где, выполняя боевое задание, погиб молодой штурман Михаил Гавриш.

По заданиям штаба армии наносили удары по врагу 3-й штурмовой авиакорпус и 225-я авиадивизия.

Наибольшее количество вылетов они совершили на передний край обороны противника, на вражеские мото-механизированные войска, которые только от огня и бомб 225-й штурмовой авиадивизии за июль потеряли около 300 танков и полторы тысячи автомашин.

В полосе наступления 63-й и 3-й армий, где после ввода в прорыв танкистов генерала П. С. Рыбалко обстановка изменилась в лучшую сторону, продолжали вести боевую работу летчики 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса. Радиостанция "Пальма-3" работала с огромной нагрузкой, замолкая только в те недолгие часы и минуты, когда генерал Белецкий давал команду частям переместиться вслед за наступающими войсками.

На правом крыле Брянского фронта возник новый ВПУ. Звучащий оттуда голос принадлежал командиру 11-го смешанного авиационного корпуса генералу Степану Павловичу Данилову. Он вместе с начальником штаба полковником Леонидом Денисовичем Бугаенко руководил вылетами 4, 148 и 293-го истребительных, 658, 724 и 594-го штурмовых авиаполков. Из них состояло соединение, направленное Ставкой Верховного Главнокомандования для усиления 15-й воздушной армии.

Вступив в дело с ходу, корпус взаимодействовал с войсками, которые наступали на Болхов.

Истребители летали на самолетах Як-9, вооруженных 37-мм пушкой, сильным оружием, изученным непосредственно перед отправкой на фронт. Летчики сразу же прониклись уважением к этому оружию "яка" за его разящие удары - только бы снарядов побольше. Воздушными боями руководили в небе опытные командиры полков подполковники Н. И. Миронов, А. И. Кетов, майор М. П. Некрасов. В их полках сражались летчики Б. М. Бугарчев, А. К. Рязанов, И. В. Шмелев, Н. П. Логвиненко, Г. Н. Олейник, С. И. Сафронов, которые сбили весной в воздушных боях на Кубани 74 фашистских самолета. Вообще в новых полках летчики были - один к одному.

Одновременно воздушной армии был придан 2-й истребительный авиакорпус под командованием Героя Советского Союза генерал-майора авиации А. С. Благовещенского. Корпус обеспечивал боевые действия 11-й гвардейской армии на карачевском направлении, сделав около 1000 боевых вылетов.

В конце июля развитие событий на фронте потребовало

смены аэродромов: расстояние до переднего края с каждым днем возрастало, так как наземные войска неуклонно продвигались вперед.

Пришло время сниматься с насиженных мест. Серьезный экзамен выдержали районы авиационного базирования, инженерно-аэродромные батальоны, батальоны аэродромного обслуживания. Части тыла во главе с генералом Петром Григорьевичем Казаковым были готовы к нему. В планах воздушной армии предусматривалось расширение аэродромной сети в ходе наступления, аэродромный маневр, требующий больших усилий, изворотливости, сметки и, главное, организованности от офицеров штаба и отдела аэродромного строительства.

Освобождаемая территория характеризовалась неровной местностью, грунтом, который не радовал аэродромщиков: сплошные суглинки, супеси, глины. Сеть дорог оставляла желать много лучшего.

В разведанный район перебрасывались инженерно-аэродромные батальоны. И люди, часто под артиллерийским обстрелом, на участках, густо начиненных минами, делали свое нелегкое дело. Два-три дня работы, разумеется при самом деятельном участии населения, порой простейшими орудиями (техники не всюду хватало), и начальник аэродромной службы докладывал начальнику штаба армии о готовности очередного аэродрома к эксплуатации.

С одного из таких аэродромов эскадрилью в указанный район ведет капитан Иван Вишняков, зная о том, что подвижные отряды 63-й армии уже завязали бои с противником в предместье Орла. На "юнкерсов", летящих с юго-запада, эскадрилья сваливается с высоты, набранной на маршруте.

Все девять молодых истребителей твердо усвоили простое, не раз проверенное правило: "Кто хозяин высоты, тот хозяин боя". Пары атакуют фашистов с разных направлений.

2 августа в третий раз за день сопровождает штурмовиков четверка старшего лейтенанта Василия Савоськина из 431-го авиаполка. Смешанная группа из "фокке-вульфов" и "мессершмиттов" пытается взять в клещи "яков". На Савоськина наваливается пара "мессеров". Им удается подбить самолет ведущего. Теперь все зависит от ведомых. Они оттягивают на себя гитлеровцев и сбивают двоих.

В тот же день звено лейтенанта Виктора Колчкова из этого же полка, сопровождая к цели группу "илов", подвергается атаке превосходящих по численности "фокке-вульфов". Об этом боевом вылете офицер штаба 315-й истребительной авиадивизии сделал

такую запись: "Решительность атак истребителей обеспечила выполнение задачи штурмовиками. Взаимная выручка предотвратила потери".

Аналогичная запись появилась 3 августа о воздушном бое десяти Як-7б, ведомых старшим лейтенантом З. С. Давидяном. В тот день младший лейтенант Василий Горлов отражал вместе с эскадрильей атаки десяти вражеских истребителей на штурмовиков, при этом сбил "фокке-вульфа". Вскоре Горлов поверг на землю еще одного воздушного пирата.

А на аэродроме 171-го истребительного авиаполка прибавил еще час к своему и без того удлиненному и уплотненному рабочему дню инженер 1-й эскадрильи Владимир Дымченко. По почину первоклассного специалиста старшины Федора Ивановича Козлова техники и механики самолетов переносят на неопределенное время отбой, лишь бы утром взлетел еще один истребитель. Только два слова сказал командир 3-й эскадрильи старший лейтенант Стефан Ивлев парторгу старшине Петру Вогачеву: "Решает матчасть". Их было достаточно, чтобы вожак партийной организации мобилизовал коммунистов. В коллективе он пользовался огромным авторитетом, потому что работал рядом со своими товарищами, брался за самое трудное дело.

Люди тянулся к агитатору политотдела дивизии капитану Рябову. Он теперь отдает предпочтение беседам у сложенной гармошкой двухкилометровки, где своей рукой отметил каждую форсированную речушку, освобожденные близ Орла села и крупные населенные пункты. Капитан заразительно смеется, когда кто-нибудь из острословов задает заковыристые вопросы по поводу затянувшегося открытия ставшего уже притчей во языцех второго фронта.

На других аэродромах работает армейский агитатор майор Андрей Дмитриевич Гусев. Он совсем перекочевал в войска, иногда лишь позвонит издалека в политотдел: "Нахожусь у Обухова... у Воеводина... у Щенникова". Тут же информирует сотрудников политотдела: "Еще пять летчиков вступили в партию" или настоятельно потребует: "Потревожьте редактора. Армейская газета часто опаздывает в полки".

* * *

Таковы будни войны. Еще рвутся снаряды вблизи скелетов разрушенных домов и одиноко торчащих печных труб. Еще раздаются пулеметные и автоматные очереди, свистят над улицами города пули, оставляя на избитой штукатурке стен новые оспины. Лязгают гусеницами отдельные танки, ранее застрявшие где-то, с грохотом падают бомбы, сброшенные случайным "юнкерсом". Однако уже строятся под полковым

знаменем, извлеченным из чехла, стрелковые взводы и начинают двигаться по улицам освобожденного города, о чем завтра разнесется весть по всей стране.

Летчики, а тем более разведчики узнают на фронте новости одними из первых. Колонна из 800 вражеских машин, движущаяся от Орла в направлении Нарышкино и Богдановки, подскажет летчикам 50-го истребительного авиаполка лейтенантам Павлу Говорухину и Дмитрию Голых безошибочный вывод о том, что гитлеровцы оставляют город. Приземлившись на аэродроме, ведущий хриплым от волнения голосом доложит: "Орел наш!" Потом друзья пойдут к парторгу полка Дмитрию Ильенкову и вручат ему заявления о приеме в ряды ВКП(б), отмечая тем самым славную победу.

6 августа 1943 г. Совинформбюро сообщило: "В результате упорных наступательных боев войска Брянского фронта, при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов, разгромили отборные части немецкой армии, сосредоточенные германским командованием в районе Орла, ликвидировали орловский плацдарм врага и 5 августа заняли город Орел, в течение почти двух лет находившийся в руках немецких оккупантов".

О первом салюте в честь победителей узнают в войсках лишь поздней ночью. Авиаторы не забудут торжественные слова приказа Верховного Главнокомандующего, в котором упоминались полки и дивизии воздушной армии, принимавшей участие в освобождении Орла.

Гул боев перемещался все дальше на запад, в направлении Карачева. Щемящую тишину разрушенного гитлеровцами города нарушал лишь отдаленный рокот проплывающих четким строем девяток Пе-2 да гул моторов "илов", взлетающих вместе с истребителями с окрестных аэродромов и направляющихся в район боев, где без передышки продолжали наступать войска Брянского фронта. Летчики 15-й воздушной армии были с ними, решая свои сложные задачи.

Глава пятая.

Эскадрильи взяли курс на Брянск

Бои за Орел были позади, но они навсегда остались в памяти участников событий.

Помним дни и ночи мы горячие,

Помним все маршруты боевые,

Ночи над Орлом и над Карачевом,

Брянские налеты грозовые.

Поначалу летчикам странно было говорить об этих боях в прошедшем времени, однако скоро привыкли: в наступлении

события сменяются с молниеносной быстротой. Авиаторам были даны новые задания, новые цели и объекты для ударов с воздуха в хорошо изученном районе.

Карачевский оборонительный рубеж имел для противника немаловажное значение. Он находился вблизи от естественной преграды - Десны - и прикрывал Брянск. Карачев называли форпостом немецко-фашистских войск, который еще оставался в пределах орловского плацдарма. Неотложной стала задача вышибить их оттуда. В решении этой задачи большая роль принадлежала соединениям 15-й воздушной армии.

Летчики поддерживали 11-ю и 11-ю гвардейскую армии. Особое внимание штурмовиков и бомбардировщиков привлекали опорные пункты противника в районах Хотынец, Семеновка, Печкинские выселки, Бочкари, Калининский, Сергеевка, Купальня, где гитлеровцы оказывали упорное сопротивление, а также другие промежуточные рубежи его обороны в непосредственной близости от Ка-рачева.

В первые недели августа 1943 г. не было на аэродромах популярнее призыва, чем этот:

Всю силу штурмовок, всю ярость атак

Туда, где еще огрызается враг!

Следы преступлений гитлеровцев вызывали гнев и возмущение авиаторов. Крепла ненависть к немецко-фашистским погромщикам. Улицы Орла превратились в руины. Торчащие тут и там закопченные печные трубы походили на кладбищенские памятники.

Груды жженого кирпича и камня мелькали в глазах штурмовиков, пролетавших на северо-запад, разведчиков, делавших круг над городом, прежде чем взять курс на Брянск, пилотов связных самолетов, проскакивающих между развалинами.

На стоянке самолетов 171-го истребительного авиаполка сжимали от волнения кулаки молодые летчики, слушая драматический рассказ младшего лейтенанта Ивана Дубинина о том, что он видел во время короткой побывки в родном селе на Орловщине. В обостренной памяти Дубинина вставали фигуры односельчан на пепелище, обессиленная сестренка, перебирающая кучу мусора, мать, ставшая седой старухой...

Поодаль группа авиаторов слушала агитатора капитана Рябова. Он читал им странички своего блокнота-дневника, исписанные поздней ночью, когда не шел сон.

"...Жестокие бои унесли из наших рядов замечательных, полных сил и энергии, любимых всеми боевых товарищей. Не вернулись старший лейтенант Савоськин, старший лейтенант

Гончаров, младший лейтенант Любченко, сержант Борисов, младший лейтенант Микрюков... Все они были молоды, жизнерадостны, мечтали о счастье и любви.

Все они сознавали священные цели нашей борьбы, борьбы беспощадной и суровой с темными силами, и верили в победу нашего правого дела. Их мужественная борьба, их мечта, их кровь зовут нас на священную месть ненавистному врагу".

Капитан говорил то, что думали в те минуты летчики, которые неделю назад шли в строю рядом с Александром Борисовым и Николаем Любченко, выполняли в воздушных боях над Орлом команды Алексея Гончарова.

Теперь еще яростней станут атаки истребителей Алексея Нестеренко, Ивана Дубинина, Николая Ишанова, Габдрахмана Маннапова, Стефана Ивлева.

Прикрывая со своей эскадрильей район Хотынца, капитан Вишняков первым устремлялся на "юнкерсов", приближающихся к переднему краю. Вслед за сигналом атаки в шлемофонах ведомых звучал зычный голос командира: "Отомстим за Гончарова, за Борисова!" Будто отзыв на пароль в других кабинах раздавалось: "За Гончарова!", "За Борисова!", "За Сашу Самкова!", "За Ваню Девяткина!".

К промежуточным рубежам обороны противника близ Карачева сопровождали штурмовиков эскадрильи С. Т. Ивлева и К. Ф. Соболева, часто возглавлял группы Ла-5 штурман полка капитан А. Г. Шевцов, летчик, у которого удачно сочетались огромный опыт боев, начатых с самого первого дня войны, со стремительностью и зоркостью истребителя. "Капитана Шевцова, - писал в наградном листе командир дивизии полковник В. Я. Литвинов, - за проявленное мужество и геройство в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за умение малыми силами побеждать численно превосходящего противника и за высокие показатели боевых действий (участвовал в 47 воздушных боях, уничтожил 16 самолетов противника) представляю к высшей правительственной награде".

Высокое звание Героя Советского Союза Александру Григорьевичу Шевцову было присвоено 8 сентября 1943 г., вскоре после освобождения Карачева.

С полным напряжением сил работали экипажи разведывательных самолетов. Они держали под наблюдением ближние рубежи обороны противника, фиксируя малейшие изменения в этой обороне, признаки отхода войск, все чаще появлялись в тылах врага близ Брянска, где не сегодня-завтра должны были развернуться бои.

Штабу воздушной армии срочно требовались сведения о

движении противника в районе южнее Карачева, куда нацеливались наступающие советские войска. Командир 99-го гвардейского авиаполка получил приказ генерала Саковнина разведать этот район. С аэродрома взлетел Пе-2 Петра Гаврилова. С борта самолета пришло по радио донесение: "Из Нарышкино на Карачев следуют 200 автомашин, из Карачева на Брянск - 100. На станции Карачев 7 эшелонов. Обстрелян огнем зенитной артиллерии".

Важными сведениями снабжали штаб воздушной армии разведчики-истребители. 7 августа после возвращения из разведки лейтенанта Виктора Полякова командир 50-го истребительного авиаполка подполковник А. М. Винокуров докладывал в штаб армии о том, что летчик обнаружил на станции Брянск более двадцати пяти железнодорожных составов, а также сплошной поток автомашин, следующих из Карачева на Белые Берега. (На следующий день пара капитана Ф. Н. Гамалия засекла сорок фашистских танков на опушке леса у Слободы вблизи Карачева. Это донесение Винокуров немедленно передал генералу Саковнину.

На штурмовку вылетели три семерки "илов" 810-го авиаполка 225-й штурмовой авиадивизии. Их повел майор М. И. Сапогов. Ведущими в группах были Василий Козловский, Григорий Рогачев и Анатолий Соляников. Контратака танков была сорвана.

Для этой штурмовой дивизии также, как и для приданных 15-й воздушной армии дивизий 3-го штурмового авиакорпуса, возглавляемого генерал-майором авиации М. И. Горлаченко, вторая неделя августа была отмечена многочисленными боевыми вылетами.

По приказу командующего воздушной армией они действовали в интересах 11-й армии, которая имела задачу прорвать оборону противника на северном участке, и 11-й гвардейской армии, наносившей удары в западном и юго-западном направлениях. Штурмовиков во время вылетов сопровождали группы самолетов 1-го гвардейского и 2-го истребительного авиакорпусов, 11-го смешанного авиакорпуса, а также два полка 315-й истребительной авиадивизии. Почти двойное численное превосходство над противником обеспечивало надежность сопровождения.

Авиация массированно применялась в районе Карачев, Ревны, Гремячее, Ружное, Сомово, Хотеево, Бутре. Она действовала по переднему краю, штурмовала отступающие войска на дорогах, отсекая контратакующие группы противника, не допускала подхода резервов, особенно из района Дятьково, Брянск и Навля. Прикрытие своих наступающих войск все время оставалось

первостепенной задачей. Эта задача успешно выполнялась благодаря завоеванному господству в воздухе.

Самое большое напряжение испытывали экипажи штурмовых полков - 810-го и 118-го гвардейского. Многие летчики совершали по три-четыре, а то и более вылетов в день. Одна группа взлетала на смену другой. Под контролем авиации находились шоссе Хотынец - Карачев, Нарышкино - Карачев, где усилился поток грузового транспорта в западном направлении: гитлеровцы отступали, но еще огрызались.

Экипажи "летающих танков" использовали всю мощь своего оружия, стремясь вывести из строя больше вражеских машин.

Мужество и мастерство штурмовиков ярко проявились в боях на орловском направлении и проявлялись сейчас, в районе Брянска. Многие из летчиков, придя совсем недавно на фронт юными сержантами, по праву уже становились ведущими. Во фронтовой обстановке ценились смелость, решительность, сметливость.

Двадцатилетним сержантом совершил первые боевые вылеты Алексей Поющев под началом майора Келима. Командир эскадрильи сразу определил: парень огонь. В этом его убедило поведение комсомольца над целью в районе Подмаслово. Так хладнокровно и расчетливо подавить зенитные батареи, обеспечить свободу действий товарищей мог только незаурядный штурмовик.

Скупым на похвалы слыл ведущий группы истребителей сопровождения из 832-го авиаполка старший лейтенант Игорь Бибенин. Но и он не удержался, чтобы не расхвалить сержанта после его августовской штурмовки вражеских эшелонов на станции Брасово.

Еще более лестными были отзывы Бибенина о Поющеве, когда тот на его глазах вывел из строя мост через реку Ревна. Скоро Алексей стал ведущим группы штурмовиков. Командиры стрелковых частей часто благодарили летчиков группы Поющева за то, что штурмовики, находясь долго над целью, прижимали к земле гитлеровцев и помогали своим продвинуться вперед.

Таким же пылким характером отличался ровесник Алексея Поющева Михаил Соколов. Неподалеку от села Моховое группа "илов" 810-го штурмового авиаполка наносила удар по танкам и, встретив на пути десяток "юнкерсов", атаковала их. Первым ринулся на врага ведущий пары сержант Соколов. Крайний левый Ю-87 с устрашающим драконом на фюзеляже отлично вписался в сетку прицела "ила".

В этот же день Соколову пришлось туго. Мотор его самолета, поврежденный над целью, начал давать перебои, скорость

уменьшилась, и штурмовик отстал от группы. Два "фокке-вульфа", барражирующие поблизости, словно ждали этого момента. Предвкушая легкую победу, они набросились на поврежденный "ил". Но экипаж штурмовика оказался на высоте. Согласованными действиями летчик и воздушный стрелок отразили первую атаку. Одного "фокке-вульфа" они подбили, второй ретировался восвояси, и как раз в тот момент, когда мотор "ила" стал глохнуть. Вынужденная посадка была неизбежной. Соколов произвел ее на нейтральной территории. Взвалив на себя тяжелораненого воздушного стрелка, он по канаве, по высокой траве и кустарникам потащил его к своим.

* * * "В ночь на 7 августа девятнадцать экипажей 4-го авиаполка 284-й ночной бомбардировочной авиадивизии сделали 60 боевых вылетов. Они до рассвета бомбардировали отступающие вражеские войска и технику по шоссейной дороге Нарышкино - Кочержинка. Отмечено 15 прямых попаданий бомб в автоколонну. В последующую ночь пятнадцать экипажей этого же полка, бомбардируя шоссейную дорогу Нарышкино - Шаблыкино, вызвали до 20 очагов пожаров, три из них со взрывами большой силы"{40}.

Так сказано в штабных документах. Сохранилось описание вылета лейтенанта Михаила Севастьянова и младшего лейтенанта Михаила Подъячева. Тяжелые испытания выпали на долю молодых ночных бомбардировщиков. При подходе к северо-западной окраине Карачева экипаж попал в лучи прожекторов. Осколки зенитных снарядов изрешетили плоскости, разбили часть руля глубины, повредили управление. Летчик и штурман получили тяжелые ранения. Однако задание было выполнено.

На противоположном крыле фронта действовала 313-я авиадивизия. Маршруты экипажей ста пятидесяти ночных бомбардировщиков этой дивизии пролегли к городу Карачеву по другим курсам.

Над Карачевом ночники продемонстрировали высокие качества воздушных бойцов. Самообладание летчиков и штурманов вызывало восхищение в полках.

Редко кто из экипажей не попадал над целью, плотно прикрытой вражескими зенитными батареями, в сложное положение. Сплошное огненное кольцо окружало их. Красные молнии снарядов "эрликонов" прерывистыми трассами прочерчивали кромешную темень, растворяясь лишь в ярких лучах прожекторов. Снаряды пролетали рядом или, хуже того, оставляли на плоскостях и фюзеляжах пробоины.

Но, маневрируя, маленький фанерный самолет продолжал сближаться с целью.

Самолет этот назывался сперва У-2 - учебный. Поколения летчиков с волнением вспоминают свою юность в авиации, первые старты в незнакомое еще небо. У-2 был для них колыбелью, где они набирались сил, чтобы встать крепко на крыло и потом пересесть в кабины истребителя И-16.

Со временем появлялись лучшие, современные самолеты. Но У-2 сохранил за собой место в боевом строю, заставил уважать и любить себя, вызывая злобу у врагов. В ходе войны он стал другим. Советские инженеры и летчики значительно усилили и вооружили его, сделали пригодным для боевых полетов. В честь талантливого конструктора Николая Николаевича Поликарпова в 1944 г. самолет назвали По-2.

По-2 обладал большой силой. В 284-й и 313-й авиадивизиях его называли ласково и "птичкой-невеличкой", и "стрекозой", и "кукурузником". В ходе войны эти прозвища сменялись более благозвучными: "старшина фронта", "король воздуха".

Пять полков 313-й ночной бомбардировочной авиадивизии реально помогли частям 61-й армии, действующим на правом крыле фронта, овладеть Болховом и Болховским укрепленным районом.

Наземные войска атаковали несколько раз опорный пункт Карандаково, но наткнулись на ожесточенное сопротивление противника. Потребовалась большая помощь наступающим, и летчики оказали ее.

Командующий воздушной армией поставил задачу подавить огневое сопротивление противника в пункте Карандаково боевыми действиями полков дивизии. В сложных метеорологических условиях в течение трех ночей дивизия совершила 690 самолето-вылетов.

Наземные войска дали отличную оценку действиям частей дивизии. Штаб 9-го гвардейского стрелкового корпуса назвал их эффективными. Авиация помогла войскам овладеть опорным пунктом.

Из этого района со взлетно-посадочных площадок, расположенных вблизи села Ломно, ночные бомбардировщики вылетали по новым маршрутам на юго-запад, по оси наступления 11-й армии. Напряжение было не меньшим, чем в июльские дни. Всю ночь напролет экипажи сбрасывали на головы врага свой смертоносный груз. Шум моторов заставлял вражеских артиллеристов таиться, прекращать огонь. Утром бомбардировщики получили благодарность от пехоты. "Солдатское спасибо за меткое бомбометание от личного состава 43-го гвардейского стрелкового полка, который движется в авангарде наступающих войск", - писали гвардейцы.

В дивизии гордились славными делами, например ударом по вражеским эшелонам в Карачеве. 12 августа ими была переполнена станция. При налете особенно постарались экипажи Дмитрия Супонина и Николая Шмелева. Они по очереди развесили САБ{41} и на выбор били по паровозам у самых стрелок. Через день последовал удар по аэродрому близ Городища, где находились преимущественно транспортные самолеты Ю-52. Здесь постарался 707-й авиаполк, о котором шла слава как о лаборатории боевого опыта, школы для молодого пополнения.

К середине августа 1943 г. бои вплотную приблизились к Карачеву.

Ранним утром 15 августа эскадрилья И. А. Вишнякова получила задание сопровождать группу "илов" 118-го гвардейского штурмового авиаполка к целям на окраине города, где противник пытался задержать продвижение частей 11-й армии.

Не действуй истребители с присущей им осмотрительностью, не разгадай сразу вражеских уловок - туго пришлось бы штурмовикам. "Фокке-вульфы" и "мессершмитты" появились с разных направлений в просветах облачности, рассчитывая застать нашу группу врасплох.

Сигналы об опасности один за другим послышались в наушниках Вишнякова. Да и сам он уже успел разгадать замысел противника и принять молниеносное решение: четверкой Нестеренко атаковать "фокке-вульфы", парой Голика отвлечь боем "мессершмиттов", своей парой отсекать гитлеровцев от "илов".

Мгновенно возникнув, воздушный бой так же стремительно закончился. Четыре горящих немецких истребителя послужили грозным предупреждением остальным, и они предпочли скрыться в спасительных облаках.

- Хватит, спасибо, Леша, - предостерег командир эскадрильи по радио, чтобы удержать Нестеренко от преследования "фоккеров". - Будь "на второй полке" и смотри в оба.

Следующая команда относилась к сержанту Василию Григорьеву:

- Прикрой до аэродрома "хромого" (один "ил" был подбит зенитками).

Теперь ничто не мешало штурмовикам делать заход за заходом, подавляя огонь батарей, расположенных на окраинах города.

* * *

Войска Брянского фронта освободили Карачев 15 августа 1943 г. Действия авиации высоко оценивались Верховным

Главнокомандованием. В приказе отмечались все соединения, которые оказали наступающим войскам большую поддержку с воздуха, способствуя их успеху:

3-й шак (генерал-майор авиации Горлаченко Михаил Иосифович) в составе 307-й шад (полковник Кожемякин Александр Владимирович), 308-й шад (полковник Турыкин Григорий Прокофьевич), 1-й гвардейский иак (генерал-лейтенант авиации Белецкий Евгений Михайлович) в составе 3-й гвардейской иад (полковник Ухов Валентин Петрович), 4-й гвардейской иад (полковник Китаев Владимир Алексеевич), 2-й иак (генерал-лейтенант авиации Благовещенский Алексей Сергеевич), 224-я шад (генерал-майор авиации Котельников Михаил Васильевич), 225-я шад (полковник Обухов Алексей Филиппович), 315-я иад (полковник Литвинов Виктор Яковлевич), 284-я нбад (подполковник Трушкин Иван Андреевич), 313-я нбад (полковник Воеводин Александр Алексеевич).

В это же время в составе воздушной армии находились приданные ей 113-я бомбардировочная авиадивизия и 13-й полк ГВФ; во 2-й истребительный авиационный корпус входили 7-я и 322-я истребительные авиадивизии.

Генерал Алексей Антонович Саковнин подвел итоги боевой работы воздушной армии за десять дней первой половины августа так: "Массированными ударам штурмовиков уничтожала контратакующие группы противника, подходящие резервы и отходящие колонны, опорные пункты и узлы сопротивления, ночными действиями изматывала его войска на переднем крае; истребители, завоевав господство в воздухе, обеспечивали свои войска от воздействия авиации противника. В период с 6 по 15 августа было произведено 6210 самолето-вылетов"{42}.

17-18 августа ликвидацией орловского плацдарма закончилось контрнаступление наших войск. Группировка врага потерпела сокрушительное поражение. В результате Орловской операции было разгромлено до 15 дивизий противника, другие немецкие дивизии понесли тяжелые потери.

В непрерывных боях войска Брянского фронта осилили путь длиною в полтораста километров. Путь от Карачева предвещал не меньшее напряжение. Местность была труднодоступной для наступающих войск. Фронтальные удары через леса и болота исключались. Враг выигрывал от наличия многих рек с высокими западными берегами. Брянск располагался на высоком крутом берегу Десны. Гитлеровцы имели в своем распоряжении удобные коммуникации, позволяющие выгодно маневрировать.

Ставка поставила перед Брянским фронтом такую задачу: не позднее 26-28 августа выйти на Десну на фронте Жуковка,

Брянск, Трубчевск, а подвижными частями захватить переправы через Десну и прочно удерживать их до подхода главных сил. В дальнейшем форсировать Десну северо-западнее и южнее Брянска, овладеть брянским плацдармом в излучине этой реки и развивать наступление на Гомель.

Нужно иметь в виду, что эта задача являлась составной частью общего плана наступления Красной Армии. Находясь на стыке двух основных взаимодействующих группировок, из которых одна наносила главный удар на Украине, а вторая - на смоленском направлении, Брянский фронт вместе с Центральным расчленяли силы групп армий противника, разрывая их сообщения и связь, нарушая взаимодействие между ними.

Сухопутные войска фронта состояли из 11-й, 11-й гвардейской, 3-й, 63-й общевойсковых армий, 4-й танковой, а также 50-й армии, переданной Ставкой из состава Западного фронта, 2-го гвардейского кавалерийского, двух артиллерийских корпусов прорыва, нескольких гвардейских минометных дивизий, отдельных полков и бригад, а также других частей. В тылу врага действовали партизанские соединения.

В Брянской операции, подчеркивал впоследствии командующий фронтом генерал М. М. Попов, наибольший интерес представляют: выработка решения на ее проведение, перегруппировка сил и средств фронта на новое направление в результате неуспеха на ранее избранных направлениях, а также методы внезапного для противника создания новой ударной группировки{43}.

О каком неуспехе, вызвавшем необходимость нового варианта операции по овладению Брянском, идет речь?

О неуспехе во время наступления одновременно на северном крыле в направлении Дятьково, Шамордино 50, 3 и 11-й армий и на южном, из района Ревны на Орменку 11-й гвардейской и 63-й армий. План оказался неосуществленным. Войска фронта, наступая 17-26 августа, натолкнулись на хорошо подготовленную оборону противника (это был сильно укрепленный рубеж под названием "Хаген") и не сумели преодолеть его.

Возник новый план операции. "Поскольку сил и средств фронта для одновременного ведения операции с решительной целью на обоих флангах не хватало, Военный совет 27 августа доложил Ставке, что считает целесообразным главные усилия сосредоточить на правом крыле фронта и только на одном направлении, где следовало ввести дополнительно к 50-й армии еще 3-ю армию, использовать всю авиацию и имевшиеся боеприпасы. Наступление в такой группировке сил фронт мог начать 1-2 сентября.

На левом крыле фронта предлагалось ограничиться ударом 63-й армии, а также части сил 11-й гвардейской и 4-й танковой армий в общем направлении на Локоть с целью содействовать наступлению Центрального фронта"{44}.

Ставка согласилась с этим планом. 1 сентября начала наступление 63-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи. Она прорвала оборону противника и двинулась вперед. Неоценимую помощь ей оказали партизаны, контролирующие лесные массивы. Противник поспешно отводил свои войска за Десну.

Вот-вот войска фронта должны были нанести удар на главном направлении из района Кирова, и если он переносился, то для этого были веские причины. Главная из них состояла в том, что по неопровержимым данным разведки немцы обнаружили перегруппировку войск фронта и находились в готовности к отражению атак.

В связи с этим по решению командующего фронтом центр тяжести операции, ее исходный рубеж перемещался к небольшому селу Дубровка, километрах в двадцати к западу от Кирова. Здесь, в районе относительно разреженных лесов, планировалось нанести фланговый удар в общем направлении на Жуковку. Развернулась подготовка к операции, намеченной на 7 сентября.

В осуществлении замыслов и решений командования фронтом важную роль предстояло сыграть воздушной армии. Ее боевая деятельность в операции, исходя из принципа сосредоточения всех усилий на главном направлении, связывалась в первую очередь с наступательными действиями в полосе 50-й армии.

Здесь развернулся вспомогательный пункт управления воздушной армии. Оперативная группа, состоящая из опытных офицеров, заблаговременно заняла свое место в соответствии с расписанием, утвержденным генералом Саковниным.

На ВПУ всегда вылетал всесторонне подготовленный офицер помощник командующего по воздушно-стрелковой службе майор В. И. Дюжев.

Не задержался с прилетом на ВПУ также главный штурман армии подполковник Д. М. Петренко. Из второй кабины самолета, пилотируемого подполковником, вышел майор Е. Я. Петухов, инспектор политического отдела армии, получивший от заместителя командующего генерала М. Н. Сухачева задание немедленно войти в курс всех событий на главном направлении и работать в контакте с офицерами оперативной группы.

Скрытно производилась перегруппировка войск фронта, а на кировском направлении продолжалась подготовка к прорыву по

ранее намеченному плану, чтобы убедить противника в том, что удар будет наноситься именно здесь. С этой целью в ночь перед наступлением по опорным пунктам противника на кировском направлении была проведена авиационная подготовка силами 284-й и 313-й ночных бомбардировочных авиадивизий.

В общей сложности триста легких ночных бомбардировщиков летали до рассвета по проложенным маршрутам. Ни на минуту не прекращался шум моторов, ухали бомбы. Шла авиационная подготовка, дезориентирующая противника...

В 11 час. 7 сентября авиация нанесла мощный удар по вражеским узлам обороны. Заговорили гвардейские минометы.

Участник и очевидец удара бомбардировочной авиации по живой силе и технике противника Борис Максимович Бугарчев, бывший в те дни штурманом 4-го истребительного авиаполка 11-го смешанного авиакорпуса, в сентябре 1943 г. не раз водил группы истребителей на боевые задания. Об одном таком вылете в район севернее Брянска он вспоминает:

"...На аэродром, где базировались истребители генерал-майора авиации Степана Павловича Данилова, прилетел находившийся в воздушной армии представитель штаба Военно-Воздушных Сил генерал Иван Лукич Туркель для того, чтобы координировать действия бомбардировщиков дальней авиации Ил-4 и истребителей сопровождения, наносивших массированный удар по оборонительному рубежу противника.

Генерал Туркель изложил задачу на сборе летчиков - ведущих девяток бомбардировщиков и шестерок истребителей. При нем они договорились о всех деталях взаимодействия в воздухе.

"Задача была очень ответственная, - пишет Б. М. Бугарчев. - К ее выполнению мы тщательно готовились.

Бомбардировщики появились над аэродромом в точно указанное время. Первую девятку сопровождал Герой Советского Союза майор Илья Шмелев со своей эскадрильей. Через небольшой интервал шла вторая девятка Ил-4, и вслед за ними взлетели еще шесть истребителей под командованием Героя Советского Союза майора Алексея Рязанова. Мне досталась седьмая девятка. Когда она появилась над аэродромом, я взлетел с эскадрильей, пристроился к бомбардировщикам, зорко охраняя зоны возможного появления немецких истребителей.

...Бомбардировщиков было 81 и 52 истребителя. Гитлеровцы открыли сильный зенитный огонь. Немецких истребителей не видно. Правда, один "фокке-вульф" пытался атаковать, но был мгновенно сбит. Первая девятка бомбардировщиков сбросила бомбы, затем вторая, третья... Подошла очередь девятки, которую я сопровождал со своими истребителями. Много мне приходилось

видеть впечатляющих картин, но такого я еще не видел.

Когда вся группа бомбардировщиков и истребителей возвращалась домой, по радио мы услышали благодарность нашей пехоты, которая после удара прорвала сильно укрепленный вражеский рубеж и пошла в наступление".

В те часы непрерывно действовала штурмовая авиация - полки 3-го штурмового авиакорпуса и 225-й штурмовой авиадивизии, сопровождаемые истребителями 4, 293 и 148-го полков 11-го авиационного корпуса и 315-й авиадивизии. Для четкого управления штурмовиками на поле боя и наведения их на противника применялась отдельная радиосеть.

Фланговый удар войск Брянского фронта требовал от истребительной авиации сосредоточения всех сил для совместной работы с группами Ил-2 южнее Дубровки. Первый успех наступавших войск 50-й армии генерал-лейтенанта И. В. Болдина, их быстрое продвижение сразу продиктовали необходимость перенацелить штурмовиков на объекты в глубине вражеской обороны.

Еще недавно личному составу авиации фронта мало что говорили имена летчиков-истребителей Алексея Рязанова, Николая Логвиненко, Виктора Нагорного, Григория Олейника, Ильи Шмелева, Ивана Степаненко, Сергея Сафронова, Вадима Бузинова, Владимира Щербины, Николая Ябрикова. Все они были в воздушной армии новичками. А стоило начаться большому делу, стоило истребителям назвать себя в пылу воздушного боя, как о них заговорили всюду. Не обошлось без вездесущих журналистов из армейской газеты "На страже Родины", чаще и чаще упоминающих в "молниях" и заметках новые имена, и в первую очередь имя командира эскадрильи 4-го истребительного авиаполка майора Алексея Константиновича Рязанова, которому за две недели до начала боев за Брянск было присвоено звание Героя Советского Союза. Группы истребителей Як-9 он водил в район Пятницкое и Рогнедино, севернее Жуковки, сопровождая штурмовиков. Если убеждался в том, что нет угрозы с воздуха, атаковал вместе с ними наземные цели.

Рязанов навязывал свою волю самым искушенным фашистским летчикам, не только применяя приемы, перенятые от лучших советских истребителей, но и внося свое - рязановское - в вылеты при сопровождении штурмовиков. Летчик умел быстро разгадать хитроумные замыслы противника, острым глазом обнаружить вражеских истребителей, которые ходили на малых высотах, чтобы в подходящий момент неожиданно атаковать штурмовиков снизу. Контрмеры Рязанова были просты и эффективны. Прикрывающая пара, действуя подобно свободным

"охотникам", по его команде тоже спускалась пониже и внезапно атаковала врага, используя для скрытого сближения складки местности, лес, а то и русло реки.

Советского аса гитлеровцы сразу узнавали по "почерку". Вот почему, как только он появлялся в небе с группой истребителей, немецкие радиостанции истошными голосами предупреждали своих: "Внимание! Внимание! В воздухе разбойник из Сталинграда".

В 4-й истребительный авиаполк Николай Иванович Миронов пришел военкомом перед советско-финским конфликтом и здесь водил в бой истребителей с аэродрома на озере Суоярви. В то время он удостоился второго ордена Красного Знамени. А первый получил еще в лейтенантские годы, опаленный огнем в районе озера Буир-Нур. Тогда же появилась у него еще одна награда - орден Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

Зимой 1939/40 г. летчики и узнали, каков он в деле. А еще ближе - в первые дни Великой Отечественной, Когда Николаю Ивановичу пришлось заменить командира, выбывшего из строя. Он был готов к этому.

Рассказывать о его жизни на фронте значит перелистывать страницы истории полка, так как он неотделим от этой истории. Вехи в пути: Кишинев и Тирасполь, Херсон и Каховка, Москва, Воронеж, Сталинград, Кубань, Брянский фронт. Здесь Миронов окончательно стал командиром. И каждого, кто теперь находился в строю полка, он с полным правом мог назвать своим питомцем, которому щедро отдавал частицу своей души, - Бориса Бугарчева, Николая Андреева, Ивана Степаненко, Бориса Телегина, Виктора Куницына, Петра Молодцова, Ивана Кошевого, Валерия Шмана.

С майором Алексеем Рязановым старший лейтенант Виктор Нагорный воевал в одном корпусе. Не сравнить их по опыту боевой работы - у майора куда больший. И встречи этих истребителей носили только случайный характер, поскольку их полки редко базировались на одном аэродроме. Слышать же друг о друге приходилось нередко.

Командира звена 293-го истребительного авиаполка Виктора Нагорного природа наделила большими способностями к летному делу. Летчик свободно чувствовал себя в воздухе, находил выход из самых трудных положений, обладал цепным даром "видеть" небо боя, молниеносно оценить обстановку и принять решение, обеспечивающее победу.

Однажды при сопровождении штурмовиков его глазам предстала такая картина. Навстречу шли три группы вражеских истребителей: в верхнем ярусе четыре "фокке-вульфа", во втором - шесть, внизу на бреющем неслась четверка "мессершмиттов". Для

"илов" создалась большая угроза. Нагорный немедленно перестроил боевой порядок своей группы "яков". На флангах строя штурмовиков заняли место пары истребителей непосредственного прикрытия, С превышением шла ударная группа, от которой отвалила пара - и, круто спикировав, перешла на бреющий полет.

Штурмовики шли к цели, не меняя курса.

Четверка "яков" вступила в бой с "фокке-вульфами", нацелившимися на "илов". Истребители плотно прикрыли группу от атак на флангах. Внизу пара "яков" предотвратила попытки вражеских самолетов атаковать группу на малой высоте.

Штурмовики выполнили задание и возвратились на свой аэродром. Впоследствии командир полка Александр Иванович Кетов, искушенный в боях истребитель, не раз ставил в пример решение Нагорного и действия его ведомых в сложной обстановке, отмечая личный успех ведущего, сбившего еще один вражеский самолет. Фронтовой поэт в те дни писал о воздушном бойце так:

Кто в атласной синеве просторной
Тронул солнце острием крыла?
Это снова капитан Нагорный
Вышел на геройские дела.
Если с ненавистными врагами
В бой вступил он в небе голубом,
Самолеты с черными крестами
Падают, сожженные огнем.

Ядро 293-го авиаполка, которым командовал Александр Иванович Кетов, а начальником штаба был разносторонне образованный офицер Сергей Георгиевич Бугреев, составляли коммунисты, мастера стремительных атак, настоящие советские асы капитаны Григорий Олейник, Николай Логвиненко, Сергей Сафронов. 24 августа 1943 г. всем троим было присвоено звание Героя Советского Союза. Под стать им были старшина Григорий Яроцкий, сержанты Иван Мороз, Николай Спевак.

Летчики другого, 148-го авиаполка совершали боевые вылеты еще во время конфликта с белофиннами, первыми встретили врага над Лиепаей, облетали вдоль и поперек трассы на всем огромном советско-германском фронте. Подлинными ведущими были командир полка майор М. П. Некрасов, штурманы Иван Рыбин и Иван Дорошин, командиры звеньев и эскадрилий Владимир Дронов, Николай Ябриков, Владимир Щербина, Павел Новожилов, Григорий Парада, Вадим Бузинов, Степан Савченко. На них равнялись вчерашние ведомые из летной молодежи Геннадий Серебренников, Павел Вершинин, Валентин Лысенко,

Иван Корниенко, Николай Дерипаско.

Парами и звеньями, чаще группами, поднимались истребители этих полков для сопровождения экипажей Ил-2 и для выполнения других задач, предусмотренных командованием воздушной армии в операции Брянского фронта.

Вылеты истребителей исчислялись сотнями. Все они важны. Вот только несколько эпизодов.

7 сентября 1943 г. 12 Як-9, ведомые майором И. И. Дорошиным, сопровождали 20 Ил-2 в район Красниково, Бетлица. Во время штурмовки были атакованы 12 ФВ-190. Четверка Як-9 связала боем противника, остальная группа продолжала прикрывать штурмовиков.

В этом вылете особенно отличился майор И. Дорошин, умело руководивший боем и лично сбивший два самолета противника.

8 сентября в районе Бутчено "илов" пытались атаковать 6 ФВ-190. Истребители, ведомые старшиной Григорием Яроцким, отбили все атаки. Ведущий заметил, что в хвост самолета младшего лейтенанта Николая Соколова из 274-го штурмового авиаполка зашел ФВ-190. Развернувшись, старшина двумя короткими очередями сбил его. Продолжая бой, сбил еще один самолет. "Илы" выполнили задание.

Ведя разведку, четверка Як-9 старшего лейтенанта Ябрикова обнаружила на дороге Калиновка - Фошня северо-восточнее Жуковки колонну из 200 автомашин, атаковала их, нанеся противнику потери. Особенно отличился старший лейтенант Николай Ябриков и младший лейтенант Геннадий Серебренников.

10 сентября Ябриков и Серебренников сопровождали четверку "илов" 724-го авиаполка. Выполнив задание, штурмовики взяли курс на свой аэродром. Пролетая вблизи вражеского аэродрома, расположенного в районе Олсуфьево, истребители увидели двух рулящих Хе-111 и одного Ю-52.

- Атакуем? - спросил Ябриков у ведущего "илов".

- Поддержим, - ответил тот, - бомбы, снаряды израсходованы, патронов самая малость.

Истребители сделали горку и открыли огонь по "хейнкелю". В последующих атаках были подожжены еще два самолета. Штурмовики по-истребительски выполнили свою роль прикрытия.

Маршруты боевых вылетов с каждым днем удлинялись соответственно с продвижением 50-й армии. Конечные пункты маршрутов находились уже на полпути к Жуковке, потом вплотную подошли к этому важному пункту. Ближе теперь было летать к целям летчикам 11-го смешанного авиакорпуса.

Воздушные разведчики вылетали с аэродромов,

расположенных в 30-60 километрах от линии фронта.

В штабе 50-го истребительного полка часто раздавались звонки командира дивизии или начальника штаба: "Выслать разведку в район Бетлица, Высокое, Бытош..." На разведку чаще других вылетали Федор Гамалий или Иван Васенин, Виктор Поляков или Иван Мавренкин. Авторитет этих летчиков был высок. За ними было еще трудно угнаться пятерым выпускникам авиационной школы, чей стаж на войне исчислялся десятком боевых вылетов.

Настоящая проверка пришла с сентябрьскими боями, подтвердив мнение, высказанное ведущими пар о том, что летчики Николай Зинченко, Иван Пронякин, Леонид Корнаков, Борис Либерман и Владимир Авдеев займут достойное место в полку. И точно. Вскоре пятерку окрестили краснозвездной. Случилось это после того, как новички в один день получили ордена Красной Звезды.

Их быстрое возмужание особенно радовало начальника связи полка капитана Николая Ивановича Семенова. Он с полным основанием считал, что не шагнуть им так быстро, если бы не отнеслись со всей серьезностью к радиосвязи. Вчерашние курсанты усвоили истину: полет без радио - "холостой выстрел". Радиосвязь ценили высоко и остальные летчики полка.

Экипажи 99-го гвардейского авиаполка тщательно разведали оборону противника на всю глубину и заблаговременно сфотографировали ее. Съемку продублировали непосредственно перед началом наступления. Внимание экипажей Пе-2 особенно привлекали к себе станции Любохна, Жуковка и Фокино, где порой находились по нескольку десятков вражеских эшелонов. Фотопланшетами щедро снабжались наземные войска.

Экипажи разведчиков наблюдали за передвижениями войск противника в глубине обороны и тылах, вскрывали ею систему ПВО, доставляли сведения о количестве самолетов на вражеских аэродромах, которые переместились из района Брянска в Олсуфьево и Сещу.

Дальним и ближним разведчикам помогали экипажи Ил-2, летавшие в сложных метеорологических условиях. Часто получали задания и ночные бомбардировщики.

* * *

Свои основные усилия воздушная армия сосредоточивала главным образом в полосе наступления 50-й армии. "Массированными ударами штурмовиков уничтожала войска и технику противника, разрушала его опорные пункты в районах: Людиново, Немеричи, Ивот, Дятьково, переправы через реки Десна, Ветьма, Снопоть; обеспечивала ввод в прорыв и действия

2-го кавалерийского корпуса в тылу противника в районе Фошня, Жуковка, уничтожала отходящие его войска на дорогах и местах скоплений"{45}.

В приведенном документе выделена боевая работа экипажей "илов" (их было около трехсот), массированные удары штурмовиков по войскам и технике противника на брянском плацдарме.

Они летали под огнем зенитных батарей. Подвергались атакам "мессершмиттов" и "фокке-вульфов". Иной раз в силу обстоятельств превращались в истребителей и атаковали врага. Выдерживали люди и заставляли выдерживать самолеты. Вновь обретали дыхание поврежденные моторы, залечивались раны, полученные в тяжелых боях, грозные машины вновь входили в строй.

Это было делом скромных умельцев, знатоков авиационной техники. О штурмовике Ил-2 рассказывали чудеса, на все лады расхваливая его создателей. "Первоклассная машина, силен микулинский двигатель!" - говорили об "илах" в штурмовых полках. А самолеты были такими еще и потому, что обслуживали их, прикасались к ним руки людей, которые испытывали большую радость, видя на старте, как они рулят. "Чем больше самолетов в воздухе, тем больше гитлеровцев в могиле", - острили неунывающие механики.

Этим жил и старший инженер дивизии Михаил Иванович Бурцев. В 225-й штурмовой авиадивизии он считался человеком строжайших правил, отрешенным от всего, что не имело прямого отношения к "ильюшиным".

Если Бурцев, указывая на примеченные дефекты, с горечью в голосе басил: "Будет пасти задних", т. е. отстанет, скорость уменьшится, "хозяин" самолета и стоящие рядом следили за взглядом инженера, смотрели во все глаза на плоскости, отыскивая там царапины или вмятины, облупившуюся краску, небрежно наложенную заплату, неточно подогнанный зализ. Но при всей своей требовательности инженер доверял механикам, этим добросовестным работягам, ежедневно и ежечасно убеждаясь в том, что трудятся они как одержимые.

Инженер дивизии глубоко знал технику, был прекрасным организатором. Любовь к делу проявлялась у него с удивительной последовательностью, а главное, он умел найти общий язык с подчиненными, что само по себе было неоценимо в условиях почти непрерывной боевой работы. Встречали его на аэродромах доброжелательно, не обижались на строгие замечания, чувствуя правоту сведущего специалиста. Впрочем, не так уж часто ему приходилось делать замечания.

Инженера можно было часто встретить неподалеку от переднего края, куда с величайшим трудом дотягивал подбитый зениткой штурмовик. Эвакуацию поврежденных самолетов он считал делом не менее важным, чем занятия с летным составом по технике. Для Бурцева это было необходимо еще и потому, что, изучая на месте каждый случай вынужденной посадки, он мог прийти к безошибочному выводу о ее причинах, который, как правило, исключал вину летчика или механика.

7 сентября старший инженер дивизии прилетел на аэродром 810-го штурмового авиаполка ранним утром. Обстановка на стоянках становится для него ясной после короткого доклада инженера полка, беглого осмотра нескольких машин.

Вот у этого самолета нужно задержаться подольше. Ему летчик давал большие перегрузки, резко работал сектором газа, выжимал из машины больше, чем полагалось. Вынуждали обстоятельства. А можно ли сегодня выпустить этот "ил" в первой семерке - ведь ресурс на исходе. "Можно" - единодушное мнение техника звена и механика самолета.

Решающее слово за Бурцевым. Он поднимает голову из-за капота мотора, который успел уже осмотреть, и твердо заключает: "Нужно".

Опробываются моторы. Улыбаются механики - порядок. Довольно потирает руки инженер эскадрильи Крылов. Гром двигателей доносится с соседней стоянки. И там, чувствуется, дело на мази. Не остается сомнения в том, что через час, как приказал командир дивизии, взлетят обе группы. Но лучше еще побыть здесь, увидеть, как командиры групп поведут свои семерки на Жуковку.

О том, как идут дела на поле боя, Бурцев узнает на КП 825-го штурмового авиаполка, куда он перебирается из 810-го.

Сколько было в воздушной армии специалистов, похожих на Бурцева!

Пусть не все они занимали высокие посты, а ходили в рядовых, сержантах и техниках-лейтенантах, главное, летчики доверяли им, как самим себе, дружили с ними. Часто на стоянках слышалось сердечное "спасибо", адресованное боевым помощникам летчиков.

"Нужны подвиги, подвиги! Нужны также слова, которые бы звучали, как колокол набата, тревожили все и, сотрясая, толкали вперед". Впору было вспомнить здесь командиру эскадрильи Ивану Вишнякову эту фразу, сказанную Горьким задолго до этой тяжкой войны.

"Колоколом набата" прозвучали на аэродроме слова сообщения из Краснодона, освобожденного войсками Южного

фронта, о беззаветном мужестве и судьбе бойцов "Молодой гвардии". Они взволновали, заставили сжаться сердца, вызвали порыв гнева.

- Мы назовемся именем вожака молодогвардейцев, откроем свой счет мести, - сказали летчики эскадрильи.

И назавтра паролем каждого вылета стало имя руководителя "Молодой гвардии" Олега Кошевого.

Вишняков повел эскадрилью к Брянску. Возвращаясь оттуда, летчики после доклада о результатах вылета подписывали письмо человеку, перед которым считали своим долгом отчитаться. Адресат находился в Краснодоне. Это была Елена Николаевна Кошевая.

В боях случались потери. Где-то далеко от аэродрома сгорел или разрушился самолет. Порой в нем был самый близкий друг, с кем вчера спал на одной лавке в крестьянской избе, с кем недавно сидел рядом на выпускном вечере Борисоглебской летной школы, кто вчера над Олсуфьево заградительным огнем отсек врага.

Часто это были коммунисты. А партийные ряды полка все росли и росли. Заявления, похожие на клятвы, обычно содержали только несколько слов: "Прошу принять меня в ряды ВКП(б). Доверие оправдаю делом, в бою".

171-й истребительный авиаполк летал к Жуковке, Бежице и к Брянску не реже, чем к Орлу и Карачеву, только воздушные бои с "фоккерами" случались теперь не так часто. Больше приходилось встречаться с "юнкерсами", которые нет-нет да и угрожали наступающим войскам.

С пунктов наведения, расположенных вблизи от наших боевых порядков, раздавались голоса офицеров штаба дивизии или армии, и по команде ведущих летчики совершали маневр, вели огонь по вражеским бомбардировщикам.

В один из сентябрьских дней у радиостанции наведения находился подполковник В. И. Дюжев. Он указал цель, и "лавочкины" пошли в атаку на приближающихся "юнкерсов". Один сразу выпал из строя и кое-как приземлился неподалеку от радиостанции.

Дюжеву захотелось осмотреть его. В кабине все осталось на своих местах, только примяло приборы на доске и заклинило управление. Остался неповрежденным и весь "багаж" экипажа. Он привлек внимание, вызвал чувство отвращения. "Так вот с чем они летают, фашистские выродки", - чуть не крикнул Дюжев.

Рядом с бортпайком, аккуратным алюминиевым котелочком, шоколадом, консервами, спиртовкой для разогрева пищи, широким тесаком находились три женских платка: черный, розовый и голубой, три иконки, три крестика.

"Для подкупа, чтобы шкуру спасти, если придется сесть в нашем тылу", подумал подполковник.

Пленный летчик пояснил: "В критический момент подарок матке или русска юнге фрау".

* * *

Незадолго до начала операции 31-я ночная бомбардировочная авиадивизия срочно перебазировалась на правое крыло фронта. С аэродромов, расположенных в районе Тросна, Наумово, Брынь и Маклаки, а вскоре с полевых площадок, близких к линии фронта, стали взлетать экипажи По-2. Маршруты одних пролегали через Желтоухи, Людиново, Рековичи, Олсуфьево, других - через Дятько-во, Любохна, Болва, где продвигалась 11-я армия.

Между полками не существовало строгой разграничительной линии. Маршруты подчас совпадали. Случалось, 998-й или 765-й авиаполки получали задания уничтожать цели там, где вчера работали 990-й и 707-й ночные бомбардировочные полки, а 670-й и 997-й летали попеременно то на Жуковку, то на Бежицу. Экипажи быстро освоили район боевых вылетов, хотя действовали преимущественно в сложных метеорологических условиях: сентябрь не баловал летной погодой, циклон сменялся циклоном, досаждали моросящие дожди, ограничивающие видимость.

Штаб воздушной армии не скупился на задания. Они носили самый разнообразный характер, начиная от действий над полем боя и кончая разведкой на значительную глубину. Генерал Саковнин часто вызывал к телеграфному аппарату полковника Воеводина и давал короткий приказ на разведку или уничтожение вражеских объектов.

Ночников привлекали колонны автотранспорта противника на шоссейных дорогах и эшелоны на железнодорожных станциях Брянск, Почеп, Бежица и Рославль. Как ни маскировался противник, экипажи освещали цели светящимися авиабомбами и метко поражали их. Фотоконтроль подтверждал точность попаданий. Результаты бом-боударов подтверждали также наступающие части и партизанские отряды, которыми полны были Брянские леса.

Экипажам всех шести полков дивизии надолго запомнились эти частые и сложные налеты. К ним каждый был подготовлен на тыловых аэродромах и в предыдущие дни боев. Теперь, имея на счету множество боевых вылетов, они могли идти на самые сложные задания.

Когда командование Брянского фронта убедилось, что бои развиваются успешно и оборона противника в направлении удара 50-й армии не глубока, было принято решение ввести в прорыв 2-

й кавалерийский корпус генерал-майора В. В. Крюкова. Конники начали движение, имея своей задачей выйти в районе Жуковки на западный берег Десны, захватить и удержать плацдарм до подхода главных сил 50-й армии. Их прикрывали истребители.

На первых порах все шло по намеченному плану. 11 сентября кавалеристам удалось овладеть Жуковкой, форсировать Десну и создать плацдарм на правом ее берегу. Однако, как отмечал позже генерал М. М. Попов, "немецким войскам, начавшим отход из Людинова и вынужденным прорываться на запад, удалось на какое-то время отрезать кавалерийский корпус от его тылов и наступавших за ними стрелковых дивизий, что причинило нам немало беспокойства"{46}.

Корпус вел упорные бои в условиях острого недостатка боеприпасов. Связь с ним была прервана.

Командир 313-й ночной бомбардировочной авиадивизии полковник Воеводин получил задание непосредственно от генерала Науменко:

- Лучший экипаж направьте в район нахождения корпуса с посадкой. Генерал назвал координаты, показал на карте, где примерно находится кавалерийский корпус. - Летчик лично отвечает за вручение пакета. Вылет с наступлением темноты.

Командир дивизии задумался:

"Кому поручить это задание? До сих пор никто из летчиков не приземлялся ночью в незнакомом месте.

Дмитрий Супонин из 707-го? Надежный летчик, опытнейший, проверенный в сотнях вылетов. А штурман кто?

Миша Егоров - комсорг эскадрильи этого полка? Все отдаст, чтобы выполнить приказ. А может, комсомольцев Таякина и Скорого из 998-го? Чудесные ребята. Совсем недавно привели на аэродром не самолет - решето с кучей пробоин. Как у них, раненных, хватило сил сделать посадку? Нет, нельзя, небось еще не оправились от ран...

Денисова с Розановым из 998-го? Тоже в госпитале... Нет, лучше всего Шмелева со штурманом Зайцевым. Летают долго вместе. Сработались. Понимают друг друга с полуслова. Мастера своего дела..."

Выбор пал на Николая Шмелева и Алексея Зайцева.

Задачу обоим командир дивизии ставит сам. Полковник говорит о том, какое значение придает Военный совет фронта этому вылету в кавалерийский корпус. Советует, показывает по карте примерный маршрут.

- Пакет получите от представителя штаба фронта перед самым вылетом.

Командир дивизии напутствует экипаж:

- Задание выполнить во что бы то ни стало.

Экипаж вылетает, провожаемый командиром полка. В кабине пакет и запасные части к радиостанции, крайне необходимые корпусу.

В такой переделке, как этой ночью, Шмелеву и Зайцеву, кажется, еще не приходилось бывать. Неудача постигла их при первой попытке обнаружить расположение корпуса. Они чуть-чуть не попали в лапы фашистов. Но вторая попытка, сделанная в ту же ночь, увенчалась успехом.

Об этих вылетах рассказал Герой Советского Союза Алексей Дмитриевич Зайцев. "Смеркалось. Проведя необходимую подготовку, полетели. Леса. Кругом леса. Летая над территорией противника на высоте 400-800 метров, мы конников не нашли. На наши сигналы ракетами ответа с земли не получали. Несколько раз нас обстреляли зенитные пулеметы со стороны населенных пунктов и железной дороги.

Горючее было на исходе, и пришлось вернуться на свой аэродром. Доложили о неудаче. Командование дивизии и представители штаба фронта, которые ожидали нас, конечно, были недовольны таким результатом.

Приказано снова лететь и выполнить задачу. Самолет заправили горючим, заклеили в плоскостях дыры, и мы полетели.

Решили пройти над полянами, опушками лесов и берегами рек. Ведь коням необходимы трава и вода.

На наши сигналы ответа не получали. Костров нигде не видели. Коля Шмелев уже стал поглядывать на указатель уровня горючего. В это время, осветив одну поляну в районе между Жуковкой и Олсуфьево, заметили темные движущиеся пятна.

Кони! Дали сигнал. Ответа нет.

Несколько в стороне, на опушке леса, возникали частые вспышки от разрывов снарядов и следы трассирующих пуль. Видимо, там шел бой.

Спустились ниже и ясно увидели лошадей. Решили садиться. Риск большой, но иного выхода не было. Я выпустил несколько белых ракет для осмотра площадки, приготовил пулемет и автомат.

Вот где проявились опыт и знания летчика! При посадке самолет "споткнулся", хотел скапотировать, но, по-видимому, "раздумал" и встал снова на три точки. Мотор не выключили.

От леса к нам бежали какие-то люди. Я направил на них пулемет и крикнул: "Стой!"

"Свои, свои", - послышалось в ответ. В это время неподалеку от самолета разорвались два снаряда. Немцы нас заметили, стали пристреливаться. Но потом обстрел почему-то прекратился.

Подбежали солдаты, офицеры и начали нас обнимать. Нам повезло. Мы сели как раз около штаба конников.

Обменявшись паролями, передали штабистам привезенное имущество и пакеты.

"Вот теперь будет порядок", - заявили друзья.

Части корпуса вели упорные бои в окружении и сейчас пробивались к линии фронта. Опоздай мы на несколько часов, их бы на этом месте не застали. Солдаты помогли нам подтянуть самолет на более удобное место для взлета и наказали, чтобы мы быстрее доставили сухари и боеприпасы.

Кренясь и подпрыгивая, самолет с трудом оторвался от земли.

До своего аэродрома сто с лишним километров, из них 60-70 над территорией противника. Старались лететь над лесами. Но все равно иногда мимо самолета проходили очереди трассирующих снарядов, и пули прошивали перкаль плоскостей. Когда подходили к линии фронта, рядом разорвался зенитный снаряд. Коля Шмелев был ранен в руку, но самолет продолжал вести уверенно. Мне обожгло лицо. Досадные царапины мешали вести ориентировку.

На последних каплях горючего дотянули до своего аэродрома".

Дома командир экипажа с едва сдерживаемым волнением докладывал Воеводину о выполнении задания. Полковник не меньше волновался, когда звонил командующему об успешном завершении важного вылета экипажа 707-го ближнебомбардировочного авиаполка.

Об этом и последующих вылетах ночников начальник штаба 313-й авиадивизии полковник И. Ф. Васюков сделал такую запись: "Путем посадки самолетов в расположении наших конников налаживали живую связь и взаимодействие конной группы с нашими наступающими войсками".

Благодаря мерам, принятым командованием фронта, утром 14 сентября к плацдарму на Десне подошла одна из дивизий 50-й армии, где и соединилась с конницей. "Развитие флангового удара фронта и успех наших соседей, подчеркивал М. М. Попов, - резко изменили обстановку в районе Брянска. Захват и удержание плацдарма на западном берегу Десны 2-м гвардейским кавалерийским корпусом, угроза выхода наших войск в тыл брянской группировки противника вынудили немецкое командование отвести свои дивизии перед фронтом 50, 3 и 11-й армий. Преследуя противника, войска 11-й армии под командованием генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского за два дня - 11 и 12 сентября - с боями преодолели всю полосу брянских

лесов и вышли с востока на подступы к Брянску и Бежице. После четырехдневной подготовки, утром 17 сентября, наши войска форсировали реки Болву и Десну, сломили сопротивление противника и с боем овладели Брянском и Бежицей"{47}.

Операция завершилась в соответствии с замыслом командующего войсками фронта генерала армии М. М. Попова. Эту операцию высоко оценивали в Генеральном штабе. В результате ее был освобожден весь массив брянских лесов и сам город. Фланговый удар благоприятствовал успешному наступлению советских войск на других участках Брянского фронта. Преследование противника продолжалось в октябре.

17 сентября 1943 г. был передан приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Попову. В приказе говорилось: "...В боях при форсировании реки Десна и за овладение городами Брянск и Бежица отличились войска генерал-лейтенанта Федюнинского и летчики генерал-лейтенанта авиации Науменко. Особенно отличились... 3-я гвардейская истребительная авиационная дивизия полковника Ухова, 313-я ближнебомбардировочпая авиационная дивизия полковника Воеводина".

Наряду с другими соединениями 3-я гвардейская истребительная авиационная дивизия, входившая в состав 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса, отныне именовалась Брянской, 313-я ближнебомбардировочная Бежицкой.

Москва салютовала победителям.

В другом приказе, датированном 18 сентября, выражалась благодарность 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу за прорыв в тыл противника, форсирование реки Десны и удержание плацдарма до подхода главных сил.

В оборонительном сражении под Курском, где советское командование создало для поддержки наземных войск авиационную группировку, состоящую из трех воздушных армий и соединений авиации дальнего действия (всего около 3000 самолетов), борьба за господство в воздухе завершилась тяжелым поражением вражеской авиации.

В контрнаступлении советских войск участвовало пять воздушных армий в том числе 15-я - и значительные силы авиации дальнего действия (всего свыше 5000 самолетов).

Только при прорыве обороны противника на орловском направлении состоялось более 570 воздушных боев, в которых было сбито 786 вражеских самолетов, что составляло 60 процентов всех уничтоженных самолетов в период контрнаступления {48}.

Начав наступление из районов Орла и Белгорода на Курск, гитлеровцы рассчитывали на победу Германии. Курская битва обернулась для них поражением, предвещая неотвратимую катастрофу фашистского государства и его армии.

Крушению фашистской армии на советско-германском фронте способствовала ударная мощь и эффективные действия советских Военно-Воздушных Сил.

- Свою роль сыграла здесь и наша воздушная армия, - имел все основания говорить начальник штаба генерал А. А. Саковнин, докладывая командованию итоги боевой деятельности летчиков почти за три месяца: от первого взлета разведчиков 99-го гвардейского авиаполка и экипажей 313-й ночной бомбардировочной авиадивизии в направлении Орла до последнего вылета штурмовиков 225-й дивизии на рубежи у реки Сож.

- Ни на одном этапе сражения летчики не подводили своих боевых друзей - пехотинцев, саперов, танкистов, артиллеристов.

Генерал отметил, что использование авиации в интересах наземных войск проводилось в соответствии с планом взаимодействия, исходя из наземной и воздушной обстановки, что авиация, правильно сочетая свои действия с наземными войсками, обеспечила войскам Брянского фронта возможность успешно завершить ликвидацию крупной группировки войск противника на орловско-брянском плацдарме. Вехами четырехсоткилометрового пути были города Мценск, Болхов, Орел, Карачев, Брянск, Бежица, Почеп, Унеча, Клинцы.

Начальник штаба подкрепил свои выводы красноречивыми цифрами. Он назвал 38496 боевых вылетов, проведенных с 11 июля до начала октября 1943 г., 635 воздушных боев, 892 сбитых вражеских самолета и 45 уничтоженных на аэродромах. Привел данные о серьезных потерях противника, составлявших 500 с лишним танков и самоходных орудий, несколько тысяч автомашин, десятки батарей, которые замолчали под огнем "илов", большое количество взорванных складов боеприпасов{49}.

Генерал вспомнил другие, куда более скромные итоги годичной давности, отражающие деятельность воздушной армии на землянском и воронежско-касторненском направлениях, и удовлетворенно улыбнулся:

- Широко же развернулась наша авиация над орловскими полями, которым конца-края нет!

За год фронтовой деятельности армии еще не приходилось оперировать таким количеством боевых вылетов, не вспоминалось столько имен авиаторов и столько поразительных по силе духа и мужества поступков. В каждом бою были герои и подвиги.

Глава шестая.

На дальних подступах к Прибалтике

Успешное наступление войск Брянского фронта завершилось в октябре у реки Сож, и в том же месяце воздушная армия получила приказ перебазироваться на 2-й Прибалтийский фронт{50}. Ее тылам предстоял серьезный экзамен, от исхода которого зависело, как скоро и организованно смогут включиться в боевую работу летчики истребительной, штурмовой, ночной бомбардировочной авиации воздушной армии.

Эта трудная задача усложнялась осенней дождливой погодой, приведшей к распутице на дорогах. Транспортные средства также поизносились в последних боях.

Это учитывали в штабе тыла, составляя план перебазирования, учитывал генерал П. Г. Казаков, подписывая план, и командующий армией, утверждая его. В документе в равной степени предусматривались железнодорожные перевозки и автотранспортные - своим ходом.

Первый шаг должны были сделать комендатуры - передовые отряды районов авиационного базирования, имеющие в своем распоряжении все необходимое - от горючего и боезапаса до продовольствия и технического имущества, - без чего не взлететь ни одному самолету на новом аэродроме.

Но еще раньше отправились в путь подчиненные начальника отдела аэродромного строительства армии инженер-подполковника А. А. Гуринова неутомимые изыскатели под

началом инженер-капитана В. С. Гарбузова. Им предстояло найти в том трудном районе поля, пригодные для использования в качестве передовых аэродромов. Ведь к ним должны подходить сносные подъездные пути, на них не должно быть деревьев, кустарников и прочих управление Брянского фронта в управление 2-го Прибалтийского фронта и переместила его на новое оперативное направление.

препятствий. Трудности усугублялись тем, что беспрерывные дожди превратили почву, нередко глинистую и суглинистую, вокруг намеченного района базирования в месиво.

Теперь трудно представить, как удавалось изыскателям найти те нужные "островки", с которых вскоре звучали команды парам, звеньям я эскадрильям: "Вам взлет!"

Недаром командующий воздушной армией щедро награждал изыскателей за каждую "находку", принятую строгим контролером инженер-капитаном В. Н. Бочаровым.

И вот уже командир 17-го района авиационного базирования полковник Е. Ф. Колесниченко дает в Почепе приказ автоколоннам с грузом первой необходимости трогаться в путь. Их возглавляет капитан А. С. Марфунин.

Над колоннами кружит связной самолет старшего лейтенанта Алексея Колпакова. Ему сверху видно все: здесь в колонне разрыв, здесь грузовики вырвались вперед, здесь явно отстают. В таком случае по условному коду даются нужные команды, и порядок восстанавливается.

Одновременно начинает свой путь к Великим Лукам по железной дороге 71-й район авиационного базирования. Эшелоны возглавляют командир района полковник А. В. Сидоренков и начальник штаба подполковник К. И. Рукин.

Немного времени прошло после получения приказа на перебазирование, а четыре из шести полков 313-й ночной бомбардировочной авиадивизии (два полка перешли в резерв Ставки) стартовали со своих аэродромов южнее Бежицы и, ведомые полковником А. А. Воеводиным, взяли курс на Вязьму, а оттуда в район Великих Лук.

Туда же направились четыре полка 284-й авиадивизии.

Опустели аэродромы 2-го истребительного и 3-го штурмового авиакорпусов, улетевших на переформирование, оставили насиженные места 225-я штурмовая и 315-я истребительная авиадивизии, 99-й гвардейский разведывательный полк, а также 11-й смешанный авиакорпус. А 1-й гвардейский истребительный авиакорпус убыл в другую армию.

Считанные часы отводились летчикам для ознакомления с новым районом боевых действий. Время не ждало. Из штаба

воздушной армии уже поступали задания.

Дело в том, что 1 ноября войска 2-го Прибалтийского фронта предприняли попытку разгромить идрицкую группировку противника. Разгорелись бои с упорно сопротивлявшимся врагом, усиленным несколькими дивизиями с других участков фронта. Гитлеровцам удалось задержать наши войска.

Используя малейшее улучшение погоды, летчики совершали боевые вылеты на штурмовку и бомбардировку вражеских позиций, а также вели непрерывную разведку и прикрывали с воздуха свои войска в районе Борьково, Шевелево, Шишалово, Борканы, Сенютино.

В последующие дни ноября из-за неблагоприятных метеорологических условий действия авиации свелись к минимуму. Они стали возможными лишь в конце первой декады декабря и проводились в интересах 3-й ударной армии, которая вместе с 6-й гвардейской армией активизировалась западнее и севернее Невеля.

Штурмовики взлетали с аэродромов, расположенных близ Старой Торопы в сотне километров от линии фронта. Из числа немногих этот аэродром был приспособлен для боевой работы.

Хотя противник располагал здесь значительно меньшим количеством авиации, летчикам приходилось держать ухо востро: гитлеровцы действовали коварно, подстерегали одиночные самолеты, внезапно сваливались с высоты на "илов" в момент, когда они выходили из атаки, пытались перехватить штурмовиков до подхода к цели. Тактике врага наши летчики противопоставляли испытанные способы штурмовок и приемы воздушного боя. Случалось, "илы" действовали как истребители, причем небезуспешно.

Во второй половине декабря полки 225-й штурмовой авиадивизии поддерживали наземные войска, ведущие бои западнее и севернее Невеля. В результате была захвачена железная дорога Великие Луки - Невель. 18 декабря командующий 3-й ударной армией дважды за день объявлял благодарность участникам вылетов.

Декабрь был отмечен усилением боевой работы экипажей 284-й бомбардировочной авиадивизии. По числу вылетов своеобразный рекорд установил 4-й ночной ближнебомбардировочный авиаполк.

Часто вылетали на задания экипажи 707-го полка 313-й Бежицкой авиадивизии. Метеорологи начинали "колдовать" в зимних сумерках, когда еще не затихала метель, запуская в небо через каждые пятнадцать минут шары-пилоты. А ближе к полуночи докладывали:

- Ночью будет погода, можно летать.

И тогда над заснеженными площадками всю ночь не смолкал рокот авиационных моторов.

* * *

1943 г. знаменовался победой у Сталинграда и на огненной Курской дуге. Советские воины освободили обширную территорию, такие крупные города, как Орел, Белгород, Харьков, Смоленск и Киев. В ходе войны произошел коренной перелом.

Нелегко давалось продвижение на запад. Противник ожесточенно сопротивлялся. Между тем мощь Красной Армии продолжала расти. Авиация, которую немецко-фашистское командование сбросило со счетов в первые же месяцы войны, продолжала набирать силы и становилась грозной для гитлеровских люфтваффе. В своем новогоднем слове летчикам-истребителям конструктор А. С. Яковлев заявил, что выпуск самолетов его конструкции в сравнении с довоенным периодом возрос в три раза и будет расти. Не ощущалось недостатка и в самолетах других марок: Ил-2, Пе-2 и полюбившихся летчикам "лавочкиных". Очередная партия этих машин уже ожидала в Москве представителей 315-й истребительной авиадивизии, и ее командир приказал готовиться в путь за ними группе летчиков 171-го авиаполка.

На зимнюю кампанию 1944/45 г. Советское Верховное Главнокомандование планировало наступательные действия десяти фронтов. Наступление предполагалось развернуть на обширном фронте от Ленинграда до Черного моря протяженностью более 2,5 тыс. км и на глубину 150-500 км.

План гитлеровского командования на 1944 г. сводился к тому, чтобы стратегической обороной измотать и обескровить Красную Армию, выиграть время в расчете на возникновение политического кризиса в лагере противников Германии. Переход к стратегической обороне был вынужденным, так как для фашистского командования стало очевидным военное превосходство Красной Армии{51}.

Случается же так, улетучится из памяти событие, которое потрясло тебя, которое, казалось бы, многие годы должно стоять перед глазами, неотступным видением следовать рядом по жизненному пути. И наоборот, запомнится надолго другое, на первый взгляд незначительное, которое не нужно выхватывать из прошлого.

Новогодняя елка! Ее, украшенную самодельными разноцветными игрушками, с трудом пронесли через плотные ряды авиаторов, сидящих и стоящих в более чем скромном зале. И она светилась, переливалась огоньками маленьких

аккумуляторных лампочек, отражавшихся на орденах, дразнила воображение вчерашних ребят - сегодняшних лейтенантов и сержантов - пряниками, изготовленными руками официанток, поваров и прачек батальонов аэродромного обслуживания.

В эти минуты многие вспомнили матерей, вспомнили родной деревянный домик где-то на окраине Москвы, избу в далеком селе на Урале, хату в Санжарах.

В тот вечер как-то отодвинулись в сторону все пережитые невзгоды, хотя война оставалась рядом и напоминала о себе изуродованными плоскостями самолета, подбитого сегодня, фотографиями друзей, которых не стало во время боев под Орлом и Брянском, фронтовыми песнями...

О желанной победе, летящей на крыльях ветров Сталинграда и Курска, о грядущих боях, без которых не столкнуть врага в пропасть, о том, что всю силу, волю и энергию нужно отдать, чтобы достичь заветной цели, говорил, поздравляя однополчан с наступающим Новым годом, замполит майор Федор Андреевич Кибаль.

Майор вглядывался в лица людей, ставших ему близкими и родными за несколько месяцев службы в полку.

Вот стоит добрейший и отзывчивый, но безжалостный к врагу командир первой эскадрильи Иван Вишняков, работяга и умный воздушный боец. Рядом с ним на диво расчетливый и столь же дерзкий летчик, знаток маневра, командир другой эскадрильи Григорий Трубенко, кто в счете сбитых самолетов успел обогнать, кажется, всех. Кибаль переводит взгляд на комэска Стефана Ивлева, на признанного полкового авторитета, лирика и отличного истребителя Виктора Зорина, на Константина Соболева, на летчика с многообещающими задатками Габдрахмана Маннапова. Здесь же застенчивый на земле, но решительный в воздухе Павел Сузик, бессменный ведомый Соболева Григорий Лоик, первоклассный механик Миша Филатов.

Замполит мысленно пожимает руку каждому из них, произносит проникновенные слова:

- Сражаться вам и побеждать! Пусть хранит вас Родина и любовь народная!

В тот вечер был концерт художественной самодеятельности. Освободили пятачок у самой стены и приладили подмостки. "Артисты" пробрались к ним через предусмотрительно открытое окошко. Не впервые выступали они. Но сегодня, это чувствовали все, превзошли себя. Механик авиационный сержант Пекуровский начал с украинской "Дывлюсь я на небо". Он пел, и ему вполголоса вторили со всех концов зрительного зала.

Оружейница Валя отыскала глазами командира экипажа ее

самолета лейтенанта Голика и, не сводя с него взгляда, пела про неугасимый огонек.

Песни Жоры Грачева вызвали бурю восторга, как и выступление Зои Вершининой. Баянисты, кажется, переиграли весь свой репертуар, включая и новинку, разученную лишь вчера.

Пробирались вперед и те, кто не значился в программе.

- Разрешите! - И симоновские стихи будоражили сердца.

- Еще! Еще!

Танцоры свое мастерство сумели показать во всем блеске на второй день при повторении концерта, уже на расширенной сцене. Освободилась площадь, потому что не пришли друзья из 68-го гвардейского полка, которые в новогодний вечер занимали треть зрительного зала. Правда, прослышав о концерте, поспешили в полк гости из штаба дивизии вместе с полковником Литвиновым.

- Повидал я на своем веку много концертов, - сказал он, растрогавшись. - Но сегодняшнее надо не увидеть, а прочувствовать. Я вас поздравляю! Благодарю вас за уважение к товарищам, за наслаждение, которое вы доставили им...

Все полки воздушной армии встречали Новый год поблизости от Великих Лук.

Не такой продолжительной, как в 171-м истребительном, была эта встреча в 707-м ближнебомбардировочном авиаполку и в других частях 313-й авиадивизии, базирующейся на аэродромах к северо-востоку от Великих Лук. Они несли боевое дежурство. Экипаж старшего лейтенанта Дмитрия Супонина всю новогоднюю ночь находился над расположением противника. В первом же вылете на пути к цели самолет Супонина попал в перекрестные лучи прожекторов Цепкой хваткой они взяли его в клещи. Могли выручить только самообладание и летное мастерство экипажа. Супонин искусно сманеврировал и довел самолет до цели. Под огнем вражеских зенитчиков штурман сбросил бомбы. Лишь после этого летчик взял курс на свой аэродром.

И снова взлет, снова - в черноту зимней ночи. Потом опять холодные безжалостные лучи, обшаривающие темноту, и гирлянды разноцветных шариков, похожих на елочные украшения. Каждая из этих гирлянд - трасс скорострельных зенитных автоматов - таила в себе гибель, но экипаж не замечал их или, может быть, старался не видеть, сосредоточивая все внимание на расчете и маневре.

Наконец можно домой. Резкий разворот - и стрелка компаса совершает свой быстрый бег, дрожит, потом замирает в нужном направлении.

Уже давно закончился концерт в избе, оборудованной под

клуб. Заснули беспокойным сном и летчики, и штурманы, и оружейники двух эскадрилий, а зеленые ракеты нет-нет да и взвиваются над стартом.

Вылеты продолжаются. И вот - самый трудный, потому что к лучам прожекторов и разрывам зенитных снарядов добавился ночной вражеский истребитель. Начался поединок, в котором враг атаковал наверняка, используя все свои преимущества. Советский летчик противопоставлял гитлеровцу сжатую в пружину волю, подлинное мужество и бесценный опыт, приобретенный за семьсот ночных вылетов - именно столько раз взлетал старший лейтенант Дмитрий Супонин для выполнения боевых заданий. Он одержал еще одну победу, хотя мог говорить о ней лишь тогда, когда приземлил израненную машину на своем аэродроме.

* * *

У небольшой станции Насва, к северу от города Ново-Сокольники, 14 января 1944 г. завязался ожесточенный бой. Это был второй день наступления 2-го Прибалтийского фронта, участвовавшего в зимних операциях Советской Армии совместно с Ленинградским и Волховским фронтами.

О действиях в районе Насва летчиков воздушной армии можно судить по такому документу: "Из штаба ВА. 18 час. 20 мин. 15.1. 44.

Штаб 315-й иад полковнику Литвинову.

Штаб 225-й шад полковнику Обухову.

Военный совет 22-й армии и член Военного совета 2-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенант Боков отмечают отличную работу летчиков в районе Насва, которые успешно содействовали наземным войскам в удержании занятого рубежа.

Отмечены особенно храбрые и умелые действия шестерки штурмовиков 225-й шад в сопровождении истребителей 832-го иап.

Всем экипажам, действовавшим в районе Насва 14.1.44 г., Военный совет 22-й армии и член Военного совета 2-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенант Боков за мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевого задания, объявляют благодарность.

Командующий ВА генерал-лейтенант авиации Науменко.

Начальник штаба ВА генерал-лейтенант авиации Саковнин"{52}.

29 января Советское Информбюро сообщило об освобождении войсками 2-го Прибалтийскою фронта города Новосокольники. В приказе Верховного Главнокомандующего упоминались отличившиеся в боях части и соединения и среди них 284 я

ночная ближнебомбардировочная авиадивизия полковника Ивана Андреевича Трушкина. Дивизии присваивалось почетное наименование Новосо-кольническая.

В историческом формуляре дивизии тогда появилась такая запись: "В решающий период операции наземных войск за овладение городом Новосокольники дивизия бомбардировочными ударами уничтожала вражеские войска и технику в местах сосредоточения для контратак, а также подходящие резервы.

Несмотря на неустойчивую погоду, за это время произвела 617 боевых вылетов"{53}.

Действенную помощь наземным войскам оказывала и 313-я Бежицкая ближнебомбардировочная авиадивизия. В этом районе она совершила более 1000 самолето-вылетов. Дивизия пополнилась еще одним полком - 1-м Латышским ночным бомбардировочным, которым командовал майор Карл Августович Кирш. Это был хорошо сколоченный коллектив, состоящий из опытных летчиков и молодежи, получившей подготовку в авиационных школах.

Вот что сказано в документах 313-й авиадивизии о ее боевой работе в начале февраля, которая велась в интересах 22-й армии, наступающей на участках Лок-ня, Насва, Пустошка в условиях заранее подготовленной противником долговременной обороны: "В результате хорошего взаимодействия с авиацией части 22-й армии на линии Насва - Маево в ночных условиях прорвали долговременную оборону противника и успешно продвигались на запад.

3 февраля при поддержке ночной бомбардировочной дивизии в районе Насва части 22-й армии перерезали железную дорогу на участке Насва - Локня и заняли станцию Насва. В дальнейшем противник на линии Насва - Маево оказался под фланговыми ударами с севера и юга"{54}.

Во время боев начальник штаба 319-й стрелковой дивизии гвардии подполковник Геращенко отметил хорошую работу экипажей самолетов По-2 в районе Тивиково, которые подавили огонь батарей, эффективно бомбардировали передний край обороны противника на высоте 175,2 и на безымянной высоте юго-восточнее Тивиково.

Благодарственный отзыв прислало также командование 97-го стрелкового корпуса об успешных действиях бомбардировочной дивизии с самого начала прорыва оборонительной полосы противника у Насвы, в районе Казачиха и Пески.

Ночные бомбардировщики, как было условлено в плане взаимодействия, сосредоточивали свои усилия на путях

наступления частей корпуса, которые четко обозначали себя в момент появления самолетов. Не раз по направлению трассирующих пуль и разрывам снарядов летчики узнавали, какие огневые точки врага необходимо подавить в первую очередь.

Со своей стороны экипажи По-2 создавали очаги пожаров, помогая ориентироваться наступающим частям.

Полезным оказалось взаимодействие в районе Васьково, где противник сосредоточивал свои войска. Донесения экипажей бомбардировщиков помогли своевременно вскрыть группировку противника. В последующем авиаторы действовали в соответствии с обстановкой, как того требовали интересы наземных войск. Общими усилиями была ликвидирована нависшая угроза и предупрежден фланговый удар противника.

22 февраля наземные войска при содействии авиации очистили от противника железную дорогу Локня - Насва, заняли станцию и районный центр Маево.

"С задачей справились" - так оценивали действия ночников в штабе воздушной армии.

О 313-й авиадивизии шла по фронту добрая слава, завоеванная ее летчиками, штурманами, механиками и техниками. Командиры и политработники хорошо умели организовать дело.

Летный состав рвался в воздух. Между тем плохие метеорологические условия заставляли вводить ограничения для некоторых экипажей.

Младший лейтенант Титов не давал покоя командиру 998-го авиаполка подполковнику М. Т. Елисееву: "Пошлите на задание!" Молодой штурман однажды во всеуслышание заявил:

- Мне невмоготу отсиживаться на старте. Вам ведь известно, какие у меня счеты с врагами - они замучили семью, убили отца...

В конце концов Титов добился своего. Подполковник Елисеев дал команду пустить в полет штурмана при минимуме погоды с опытным летчиком. И потом не раскаивался. Вскоре на партийном собрании он слушал вступающего в партию Титова, рассказывающего коммунистам свою короткую биографию и подробности трудных полетов по неблизким маршрутам во вражеские тылы. Слушая штурмана, командир одобрительно кивал головой и одновременно силился вспомнить фамилии трех техников, которых встретил по дороге на собрание. "Панков? Да, Панков. Дмитриев?.. Бровин? Точно. До чего же усталыми выглядели они. И счастливыми. Наперебой докладывали: "Все самолеты готовы!.."

Одно слово - молодцы! Не отрывались ни на минуту, дотемна

работали, чтобы сменить смазку в обледенелых тросах и замках бомбосбрасывателей. Такие же упорные, как этот молодой штурман, рассказывающий сейчас о своих полетах".

Штурмана Титова коммунисты единодушно приняли в свою славную семью.

Радостные известия принес февраль летчику Дмитрию Супонину и штурману Алексею Зайцеву, их однополчанам и всей дивизии. Этим доблестным воздушным бойцам 707-го ночного бомбардировочного авиаполка было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Наступление не завершилось разгромом противника. "Почему?" - задается вопросом генерал С. М. Штеменко и отвечает: "...На этих направлениях (прибалтийские) у нас не хватало тогда сил и средств... Именно в то время мы концентрировали главные свои усилия на Правобережной Украине с целью решительного поражения очень сильной и активной группы армий "Юг". Кроме того, было решено продолжать наступление Калининского, Западного и Центрального фронтов".

В плане освобождения Прибалтики "не удалось учесть в должной мере, продолжает С. М. Штеменко, - возможность подхода резервов противника из глубины Германии и переброску довольно значительных сил с Западного театра"{55}.

Свою отрицательную роль сыграло также то обстоятельство, что у наших войск были худшие условия для маневра: малое количество и неудовлетворительное состояние дорог.

Положительный же результат наступательных действий фронта состоял в том, что они благоприятствовали успехам советских войск под Ленинградом: город был окончательно освобожден от вражеской блокады, очищена от противника западная часть Ленинградской области. Немецко-фашистские войска потерпели тяжелое поражение и под Новгородом. 2-й Прибалтийский фронт в то время приковал к себе главные силы 16-й армии противника.

В планах командования фронта идрицкое направление было главным. Поэтому здесь воздушная армия сосредоточила свое внимание после того, как войска фронта перешли к обороне. Командующий фронтом решил начать 1 марта активные действия на левом крыле силами 3-й ударной и 10-й армий.

В конце февраля офицер оперативного отдела воздушной армии подполковник Балматов получил от генерала Саковнина задание разработать план налета на идрицкий аэродром. Одновременно по указанию штаба армии усилили боевую работу

экипажи 99-го гвардейского разведывательного авиаполка. Они взяли под наблюдение идрицкий аэродром и подступы к нему, установили численность фашистских бомбардировщиков и истребителей, взлетающих оттуда, количество зенитных батарей и их расположение, сфотографировали стоянки.

Вскоре на стол генерала Саковнина лег документ со всеми необходимыми данными. Из него явствовало, что на аэродроме базируется не менее 90 самолетов, преимущественно Ю-87. Он прикрывается десятком зенитных батарей, взаимодействующих с зенитной артиллерией железнодорожной станции и поселка.

26 февраля штаб получил сообщение о том, что, взлетев именно с этого аэродрома, "юнкерсы" сделали попытку бомбардировать боевые порядки наших наземных войск. Необходимо было ускорить удар по аэродрому.

Приказ командующего армией генерала Науменко был срочно направлен командирам 11-го смешанного авиакорпуса, 225-й штурмовой и 315-й истребительной авиадивизий.

Первому эшелону из 6 Ил-2 в сопровождении 12 Як-9 предстояло нанести внезапный удар по стоянкам самолетов. Вслед за ними на цель должны были выйти 12 Ил-2 с 10 Як-7, а 12 Ла-5 блокировать аэродром. Удар с одного захода с полным расходованием боевого комплекта приурочивался к посадке "юнкерсов".

Летный состав соединений воздушной армии тщательно изучил район аэродрома по картам крупного масштаба. Хорошую службу сослужили и фотоснимки. Истребители и штурмовики базировались вместе, что облегчало взаимодействие.

Ведущими групп назначили самых опытных и умелых командиров. Это были штурман 658-го штурмового авиаполка 11-го смешанного авиакорпуса старший лейтенант А. Ф. Царюк, командир эскадрильи 810-го авиаполка 225-й штурмовой авиадивизии старший лейтенант В. И. Козловский. К этому дню он совершил ровно 100 вылетов. Штурмовиков первого эшелона сопровождали истребители командира эскадрильи 293-го авиаполка Героя Советского Союза капитана С. И. Сафронова.

Группу истребителей прикрытия второго эшелона поручалось вести командиру 832-го авиаполка майору В. А. Соколову.

Подробности вылета изложены в докладе начальника штаба воздушной армии генерал-майора авиации А. А. Саковнина начальнику штаба ВВС Красной Армии генерал-полковнику авиации С. А. Худякову. "Удар по аэродрому Идрица нанесен двумя эшелонами в период 13.40-14.00 27 февраля 1944 г. Были избраны маршруты вдали от линейных ориентиров и крупных населенных пунктов через лесные массивы и озера.

Первый эшелон подходил к аэродрому Идрица с юго-запада на бреющем полете и атаку начал с высоты 70 метров; для маскировки и внезапности удара использовал солнце, лес и уход от цели за лесистый холм. Строй - шестерка развернутым фронтом.

Второй эшелон подошел к аэродрому Идрица с севера на высоте 1200 метров. После резкого разворота влево на цель с потерей высоты и противозенитного маневра начал бомбометание с высоты 400 метров. Строй шестерок штурмовиков в правом пеленге.

В обоих эшелонах каждый экипаж для бомбометания и стрельбы самостоятельно избирал цель, не теряя своего места в общем боевом порядке. Зенитный огонь подавлялся выделенными экипажами в направлении подхода штурмовиков.

Истребители прикрывали действия штурмовиков в боевом порядке круг пар над аэродромом на высоте от 1000 до 2000 метров в три яруса".

В этом же докладе отмечалось, что патруль из шести истребителей противника был связан летчиками прикрытия и не мог оказать противодействия штурмовикам. Зенитная артиллерия аэродрома открыла огонь, когда ударная группа уже удалялась, поэтому она потерь не имела. Старший лейтенант Царюк сбил взлетевший Ю-87.

Второй эшелон "илов" был встречен сильным зенитным огнем. С аэродрома успели взлететь четыре истребителя противника. К ним вскоре присоединились еще 8-10 истребителей. Произошел воздушный бой, в котором было сбито несколько вражеских самолетов. Имелись потери и с нашей стороны.

В результате удара на аэродроме Идрица было уничтожено и разрушено 32 самолета, из них 21 Ю-87. В 14.30 контрольная разведка отметила на аэродроме и в ближайших районах до 50 очагов пожаров. Характерно, что до 13.00 27 февраля над войсками отмечалось 82 самолето-пролета противника. После этого времени, хотя погода значительно улучшилась, над передним краем не появлялся ни один вражеский бомбардировщик или разведчик.

Результаты налета обеспечили нормальное окончание перегруппировки 10-й гвардейской и 3-й ударной армий.

Иногда в сводках Совинформбюро встречалась такая фраза: "На фронте существенных изменений не произошло". Но и в такие периоды относительного затишья канонада не стихала ни днем ни ночью, бои шли на земле и в воздухе. И совершались подвиги, достойные вечной памяти потомков.

Летчик коммунист Владимир Курочкин на 2-м Прибалтийском фронте успел совершить всего 27 боевых вылетов.

...На подходе к цели группу штурмовиков окаймили разрывы зенитных снарядов, но летчики словно не замечали их. Выполняя приказ ведущего, младший лейтенант Курочкин нацелился на зенитное орудие, которое било из-за укрытия чаще других. Оп успел нажать на гашетку в тот момент, когда пламя, вспыхнув в моторе, перебросилось к плоскостям. Летчик тотчас сделал горку, чтобы сбить его, но огонь разливался по всему самолету.

"Владимир Курочкин не мог не понять, что машину спасти невозможно. Мы хорошо знали Володю, и решение, которое он принял, ярко характеризует его прекрасную жизнь и сердце, до последнего вздоха преданного Отечеству" .

Так писали друзья из эскадрильи. Они - Зимин, Яковлев, Валов и Петренко - шли крыло к крылу с Володей в том вылете. "Курочкин вошел в пике, открыл огонь из пушек и пулеметов, вел его до самой земли. Мы видели, как трассы очередей соединили горящий самолет с целью, как машина врезалась во вражескую артиллерию, изломав и покалечив орудия. До последнего дыхания сражался он".

О таких на мраморе обелисков и памятников потом появлялись надписи: "Ушел из боя в бессмертие".

Вскоре газета рассказала о другом эпизоде.

" Четверка самолетов Як-9, ведомая командиром эскадрильи 832-го истребительного авиаполка старшим лейтенантом Василием Зайцевым, атаковала над полем боя три группы немецких бомбардировщиков, шедших плотным строем.

Чем закончилась эта атака, можно судить по числу сбитых "юнкерсов": два уничтожил ведущий, по одному - ведомые: старший лейтенант Бородаевский и лейтенант Соловьев. Строй вражеских бомбардировщиков рассыпался, и они стали поспешно, куда попало сбрасывать свой груз".

Двадцать пять лет спустя представилась возможность продолжить этот рассказ, дополнив его новыми сведениями о летчике-истребителе Василии Алексеевиче Зайцеве и его друзьях, о подвиге, свершенном ими в майские дни 1944 г.

Каким был, каким виделся своим однополчанам командир третьей эскадрильи 832-го истребительного авиаполка старший лейтенант Зайцев?

- С виду настоящим богатырем, - отвечал агитатор политического отдела дивизии капитан Филипп Рябов. - На него смотришь - глаз не отведешь. Проникновенный, открытый и очень сосредоточенный взгляд, в котором чувствуется пытливая мысль. Лицо исключительно энергичное, волевое. Да, Зайцев волевой

человек. Иначе как бы мог он добиться разрешения уйти на фронт с работы летчика-испытателя, откуда его ни за что не отпускали.

Богатырем представлялся однополчанам этот истребитель. Такие часто встречались на любом фронтовом аэродроме, по все-таки он чем-то выделялся.

Командир водил на задания свою эскадрилью и группы поменьше - чаще четверку. Четверку повел и 16 мая в район, где продолжались бои местного значения.

Четверка, встретив восемь "фокке-вульфов", действовала с присущей ей решительностью, атаковала умно, расчетливо. Силы противника таяли, и, казалось, победа близка. Но неожиданно враг получил подмогу, и тогда чаша весов склонилась в его сторону. В небе горело несколько самолетов - чужих и своих. Был подбит "як" Зайцева. Он стал тянуть на восток и в конце концов упал на своей территории. Летчик чудом остался жив. На обломке бронестекла тогда он выцарапал ножом: "16.5.1944. 4 ЯК-9, 8 ФВ-190. Я сбил 2 ФВ, 1 Бородаевский, 1 - Соловьев. Сгорел Соловьев, сбит я. Ст. Русаки. 2-й Прибалтийский фронт".

...Много лет спустя этот обломок занял место в экспозиции Центрального музея Вооруженных Сил СССР.

Весной 1944 г. установилась тесная связь летчиков ночной бомбардировочной авиации с партизанами. Случалось, и нередко, командир 313-й Бежицкой авиадивизии получал сообщения, подписанные начальником штаба партизанского движения подполковником Соколовым: "Согласно донесениям партизанских бригад и агентурным данным зафиксированы следующие результаты ночного бомбометания: "В ночь на 8 марта в населенном пункте Красное разрушено помещение полиции и жандармерии. В ночь на 12 марта в городе Опочка разрушены здания жандармерии, городской управы, 3 казармы".

Другой документ. Он подписан 3 марта 1944 г, начальником штаба партизанского отряда 8-й Калининской бригады Киселевым. "По причине больших потерь в живой силе и технике от ночных бомбардировщиков, контролировавших дороги, противник избегал большаков и предпочитал пользоваться проселочными дорогами, что очень затрудняло его продвижение, изматывало живую силу и способствовало внезапному удару партизанских групп".

Сохранились донесения подполковника Соколова Военному совету 2-го Прибалтийского фронта{57}.

Это не заявки на оружие, боеприпасы, взрывчатку, хотя с первого взгляда могут показаться ими. В донесениях - вся жизнь партизанского края, насчитывающего почти семь тысяч бойцов. На фоне этих документов еще рельефней видна роль помощи по

воздуху, осуществляемой авиационными частями воздушной армии, ее 638-м полком 284-й авиадивизии и 13-м авиаполком ГВФ.

Подполковник Соколов сообщает, что противник усиливает свои гарнизоны в населенных пунктах, отрывает вокруг них окопы, оборудует огневые точки, предпринимает против партизан экспедиции. У деревни Речки близ Идрицы враг, понеся потери в живой силе, отошел в северном направлении. В районе озера Белое, пользуясь отсутствием основных сил партизан, находившихся на заданиях, противник силами подразделений 132-й пехотной дивизии овладел лагерями. Бригада Козлова, израсходовав боеприпасы, маневрирует в южной части Себежского района, готовится с соседями дать отпор карателям.

В партизанские бригады, действующие в районе Себежа, экипажами самолетов 13-го авиаполка ГВФ (командир подполковник Золотов) в ночь на 4 и 5 марта доставлено винтовочных патронов русских 42 тысячи, немецких - 16 тысяч 500, толу - 625 кг. 638-м авиаполком (командир майор К. В. Штовба) за одну из этих ночей доставлено патронов - 48 тысяч, толу - 50 кг, один миномет.

Штаб 13-го авиаполка ГВФ сообщал:

"Полк выполнял боевое распоряжение о доставке боеприпасов партизанам Калининской области и Латвийской ССР в ночь с 13 на 14 мая. Было выделено 10 самолетов У-2. Доставлено 1720 кг груза"{58}.

Партизанам были очень нужны патроны. "Привозите каждую ночь. И пулеметы, и гранаты РГД, и мины, и автоматы, и медикаменты. Нужны как воздух!"

Такие просьбы содержали радиограммы на имя генерала Науменко. И они находили живой отклик. Получали приказания Золотов и Штовба: "Использовать каждую летную ночь, грузы возить регулярно". Получали приказания от командующего войсками фронта работники тыла: "Увеличить лимит бензина на полеты к партизанам!" Получал приказания начальник боепитания: "Направить для партизанских бригад автоматы, тол!" Начальник медицинской службы: "Направить перевязочный материал!"

Много добрых слов было сказано тогда народными мстителями в адрес летчиков легкомоторной авиации.

Аэродромы 11-го смешанного авиакорпуса весной 1944 г. находились в районе Невеля. На одном из них базировался 148-й истребительный авиационный полк. Отсюда взлетали на задания экипажи Як-9, вооруженные 37-мм пушкой.

В апреле, как и в предшествующие месяцы, на фронте не

происходило особо важных событий. Идрица оставалась в руках противника. Шли бои местного значения. Но приближалась дата решительного удара войск фронта с целью освобождения Прибалтики.

Усиливалась боевая деятельность частей воздушной армии. Противник также стал активнее в воздухе. Проявлением этой активности была безуспешная попытка налета вражеской авиации на аэродром полка. Наши истребители действовали четко и уверенно. Их преимущество в воздухе было очевидным. Истребители попросту разогнали "юнкерсов", сбив двух стервятников.

Зато гитлеровцы вскоре в полной мере ощутили на себе силу ударов советской авиации. Совинформбюро сообщало о бомбардировке дальней авиацией железнодорожного узла Идрица и аэродрома противника в ночь на 30 апреля, армейская газета писала о "первомайском подарке" фашистам летчиков армии.

Удар группы штурмовиков 724-го авиаполка в сопровождении истребителей 148-го авиаполка заранее планировался штабом корпуса по указанию его командира генерала Данилова. Согласно плану удар наносился десяткой "илов" вместе с двумя шестерками истребителей Як-9, ведомых вчерашним штурмовиком командиром истребительной эскадрильи старшим лейтенантом Степаном Савченко. Ведущим группы штурмовиков был назначен известный в 724-м авиаполку мастер атак старший лейтенант Т. К. Грешников, еще недавно бывший заместителем Савченко. Лучшего сочетания ведущих и не придумаешь! А если учесть, что одну шестерку истребителей возглавлял командир звена Александр Ордин, накануне разведавший под сильным зенитным огнем подступы к аэродрому, что в составе группы сопровождения подобрались такие летчики, как Владимир Щербина, Владимир Дронов, Геннадий Серебренников, Валентин Лысенко, Иван Корниенко, а в группе "илов" находились штурмовики - все один к одному, можно было рассчитывать на полный успех вылета.

* * *

До сигнала "Взлет" еще достаточно времени. На аэродроме тишина. В такие минуты хорошо посидеть под плоскостями самолета, помечтать, послушать рассказы ветеранов полка.

Но вот летчики зашевелились. К стоянкам приближался человек, самый желанный всегда, тем более сейчас, - младший лейтенант Николай Медведев из фотоотделения, добровольный почтальон полка. У него в руках пачка писем. Он хорошо понимает нетерпение товарищей, чьи взгляды с надеждой прикованы к нему, и поэтому на ходу произносит фамилии счастливчиков без обычного требования "пляши".

Сегодня эти счастливчики Вадим Бузинов, два Володи - Щербина и Дронов, Гена Серебренников и, конечно, Иван Ильич - ему письма из Саратова приходят не реже двух раз в уеделю. А давно ли Корниенко безучастно отворачивался от младшего лейтенанта: откуда ему ждать писем? Все родные под немцем.

Но вот в его жизни на фронте произошли серьезные изменения. И началось это год с лишним назад, в один памятный для него день, когда почтальон многозначительно произнес:

- Полевая почта номер... лично Ивану Ильичу Корниенко. Обратный адрес - Саратов. А дальше... военная тайна.

Письмо взволновало с первой строки. Неизвестная девушка писала: "Уважаемый и близкий человек, дорогой летчик Ваня Корниенко! Мне стало известно, что вы служите в авиационном полку и принадлежите к числу тех, кто мне дорог с детских лет, когда я буквально зачитывалась рассказами о смельчаках на Северном полюсе - челюскинцах, летчиках, совершающих беспосадочные перелеты в Америку. Признаюсь, я высоко ставлю людей летной профессии. Они мужественны, их работа, связанная с постоянным риском для жизни, заставляет ценить жизнь на земле... Давайте дружить. Я - Валя. После окончания десятилетки по призыву комсомола стала работать на заводе. Комсорг инструментального цеха".

Корниенко несколько раз перечитал письмо. Он сразу почувствовал в девушке хорошего, бесхитростного человека. Конечно, он не знал о том, что Валя написала это письмо, увидев в заводском комитете комсомола обращение замполита полка майора Владимирова к девушкам "Серпа и Молота": "Есть у нас Корниенко Иван Ильич - смелый, отважный летчик, отлично выполняющий боевые задания. Иван Ильич остро переживает прерванную связь с родными, оказавшимися на оккупированной территории". И полетели треугольники с фронта в Саратов, а из Саратова на фронт. Письмо за письмом. Переписка сближала и роднила двоих, находящихся далеко друг от друга людей.

Валя вспоминает: "Я писала ему часто, рассказывая о событиях своей жизни. Мне было в то время 18 лет, работали мы по 12 часов в сутки, потом выполняли комсомольские нагрузки. Изредка посещали кино и даже театр. Было чем поделиться с Вапюшей..."

Конечно же, эти письма стали для летчика источником радости. Иначе бы не сделал он такую надпись на своей фотографии, посланной Вале позже: "Дарю тому, кто сумел отогреть душу, скованную горечью бед, пришедших вместе с войной, сумел подбодрить, помогая одерживать победу над врагом в жестоких боях. Спасибо и до скорой встречи!"

Валя: "Он писал, что в Таганроге еще до войны по вечерам учился в аэроклубе, очень любит небо, любит трудовую жизнь и что мыслит счастье в своей жизни только через победу. Мы мечтали о встрече, о победе, когда можно будет спокойно жить, любить, учиться. Меня радовали его письма, после них легче дышалось, крепла надежда на встречу. Я очень старалась на своей работе. Мне ведь надо было каждый раз чем-то порадовать его..."

Да, его радовали бесхитростные рассказы о том, как трудятся для фронта заводские мальчишки и девчонки. Перед глазами возникал шестнадцатилетний Вася Мокрюков, выросший менее чем за год с ученика фрезеровщика до наладчика, или проворный и сметливый Шурка Мухин - ученик термиста, ставший машинистом воздушного молота. Или секретарь заводского комитета комсомола Венера Медведева, которая за несколько месяцев освоила специальность токаря, работала наладчиком и обучила токарному делу сорок ребят.

"Я окружен чудесными боевыми друзьями, настоящими рыцарями без страха и упрека, - писал Вале летчик. - Ты не знаешь Володю Дронова и Володю Щербину. Перед хладнокровием и собранностью Дронова можно только преклоняться и, конечно, перед энергичностью, стремительностью Щербины.

Когда я лежал вместе с Дроновым в лазарете (оба обгорели в бою), он проявил такую стойкость и выдержку, что мало кто поверил бы, как может человек вытерпеть такое. А чуть зажила тяжелая рана, правдами и неправдами попал в полк и стал летать. Второе ранение головы чуть не лишило его зрения.

Володя Щербина тоже порой летал на "честном слове", мешала бронхиальная астма. Он ее тщательно скрывал, а наш милый доктор Гриша старался этого но замечать - ведь Щербина так рвался в полет. Скольких из нас выручил полковой врач, доставлял в лазарет, ухаживал, как мать родная".

В другой раз Корниенко писал о Вадиме Бузинове и даже цитировал стихи полкового поэта о нем: "Ты будешь вновь врага сбивать - не жить врагу на свете! Тобой гордиться будет мать, узнав портрет в газете. Так умножай в боях свой счет, с достоинством сражайся, лети, товарищ мои, в полет, с победой возвращайся". Корниенко писал о замечательных ведущих Иване Ивановиче Дорошине и Степане Семеновиче Савченко, очень удачливом в боях Николае Васильевиче Ябрикове, рассказывал о друзьях Павле Новожилове и Геннадии Серебренникове.

Корниенко щедро делился своими впечатлениями с Валей. И хотя она читала с интересом о его товарищах, но мысленно представляла себе в эти минуты своего Ванюшу. Она не знала,

какого цвета у него волосы, глаза, какая улыбка, но в его письмах раскрывался внутренний мир славною парня, преданного своему делу.

Валя вошла во фронтовую жизнь летчика, заполнила ее до краев, и всякий раз, когда он читал ее письма, смотрел на ее фотографию, она казалась ему самой красивой, самой лучшей на свете.

...Прозвучал сигнал на взлет. Привычным движением уложено письмо в левый карман гимнастерки рядом с Валиной фотографией и маленьким платочком, присланным девушкой 23 февраля, в день его рождения. Заправлена за голенище карта. Корниенко легко впрыгнул в кабину "яка". Истребители порулили и взлетели парами.

Группа шла к цели на бреющем. Линию фронта пересекли в районе Пустошка, вышли к Неведрице и с севера атаковали аэродром. Враг открыл ураганный заградительный огонь из десятков зенитных орудий. Появились "фокке-вульфы". Проштурмовав вместе с "илами" стоянки, на которых возникло свыше десятка пожаров, истребители завязали воздушный бой. В этом бою было сбито восемь вражеских самолетов. Четырех стервятников уничтожили Щербина и Ордин, по одному сразили меткими очередями Дронов, Савченко, Лысенко, Парада.

"...Лейтенанты Иван Корниенко и Николай Пашков не вернулись на аэродром". Такая запись появилась в тот день в истории 148-го истребительного авиаполка...

Глава седьмая.

Перелом

Летом 1944 г. Красная Армия одержала выдающуюся победу в Белоруссии. Наступление советских войск привело к решительному разгрому вражеской группы армий "Центр". Это создавало благоприятные возможности для перехода в наступление войск на других участках советско-германского фронта, в том числе на 2-м Прибалтийском.

Теперь задача осуществить наступательную операцию на идрицком направлении вновь была выдвинута на первый план.

Прорвать оборону противника на идрицком направлении и разгромить идрицко-себежскую группировку противника - такое решение приняло командование фронтом 2 июля в соответствии с указанием Ставки.

Командующий фронтом генерал армии А. И. Еременко и член Военного совета генерал-лейтенант В. Н. Богаткин утвердили разработанный штабом воздушной армии план авиационной поддержки наступающих войск.

Авиация в первые дни наступления должна была помочь 10-й

гвардейской армии овладеть Опочкой, 3-й ударной - Идрицей и Себежем, 22-й армии Освеей и Зайцево.

Эшелонированными ударами штурмовиков, бомбардировщиков и истребителей предусматривалось разрушать опорные пункты обороны противника, подавлять и уничтожать его артиллерийские и минометные батареи, создавая таким образом нашим войскам благоприятные условия для прорыва и выхода на оперативный простор; задерживать отходящие части врага в узкостях и на переправах, уничтожать их остатки ударами с воздуха; громить вражеские резервы, парализовать движение эшелонов по железной дороге; надежно прикрывать свои войска и тылы; вести непрерывную разведку перед 2-м Прибалтийским фронтом. На протяжении всей операции летчики должны были удерживать завоеванное господство в воздухе{59}.

Над пунктами Опочка, Пушкинские горы, Шанино, Красногородское, Кудеверь, Касьяны, Красное предстояло совершать боевые вылеты частям 11-го смешанного авиакорпуса, 225-и штурмовой и 315-й истребительной дивизий, 284-й и 313-й ночных бомбардировочных дивизий, экипажам разведывательных авиаполков.

Для выполнения этих задач штаб планировал использовать 546 самолетов, в том числе 160 штурмовиков и 190 истребителей. В составе воздушной армии не было другой бомбардировочной авиации, кроме ночной, вооруженной самолетами По-2.

Окончилась пауза, которая с апреля установилась на дальних подступах к Прибалтике. Войска 2-го Прибалтийского фронта готовы были перейти в наступление там, где весной уже происходили тяжелые бои.

Район Идрицы считался твердым орешком. Враг использовал там каждую складку местности, каждый населенный пункт, насытил оборону огневыми точками, инженерными сооружениями, создал перед траншеями полного профиля проволочные и минные заграждения. Оборонительный рубеж получил у гитлеровского командования наименование "Пантера".

Разведчики 99-го гвардейского авиаполка, чья деятельность по мере приближения операции все усиливалась, засекали цели в районе предстоящих боев. Они обнаружили в складках местности, озерных дефиле, в рощах и на холмах огневые позиции и точки, фиксировали малейшие изменения, происходившие на линии обороны противника и в ее глубине.

Превосходной оказалась фотосъемка, выполненная экипажем командира звена гвардии старшего лейтенанта Виктора Богуцкого. Его работу командир оценил так: "При подготовке войск 2-го Прибалтийского фронта к летнему наступлению

экипажем Богуцкого вскрыта вся система и мощь обороны противника на площади 1117 кв. км".

После дешифрирования снимков, сделанных штурманом другого экипажа Павлом Хрусталевым, как на ладони оказался весь передний край обороны противника - дзоты, пушки, пулеметные гнезда, противотанковые рвы, проволочные заграждения. Съемки производились в районе Касьяны, Жидейка, Тоскуново.

На разведку вылетал и самолет Пе-2, в котором кроме опытного летчика Василия Воропаева и недавнего выпускника училища штурмана Георгия Шоршановича находилась воздушный стрелок сержант Надежда Журкина. Около года миновало с того дня, как она вошла в дружную семью разведчиков. За это время Надя достигла многого. Ее называли надежным щитом экипажа, доверие к ней стало неограниченным, а уважение всеобщим.

Вылетали на задания и экипажи 50-го истребительного авиаполка. Количество разведывательных полетов, осуществляемых особенно интенсивно в первую половину июля, перевалило за четвертую сотню. Среди других, уже зарекомендовавших себя летчиков, выделялся командир звена Иван Александрович Ширяев. Несколько его вылетов в район Красногородское, Опочка, Кудеверь пополнили разведывательный отдел штаба армии цепными сведениями о противнике.

Непосредственно перед началом наступления воздушная армия пополнилась еще одной штурмовой авиадивизией - 214-й Керченской. Она прибыла с южного фланга советско-германского фронта, где в успешных воздушных боях завоевала свое почетное наименование.

Заместитель командующего воздушной армией по политчасти генерал-майор авиации Михаил Николаевич Сухачев приехал принимать дивизию, только что приземлившуюся на аэродроме. Доклад начальника политотдела полковника Павла Кузьмина Мамаева был коротким и содержал характеристики летчиков, которых он отлично знал по боям в Крыму.

Зато показ дивизии в воздухе затянулся. Перед взором Сухачева одна за другой пролетали группы "илов" трех полков. Он сперва хмурился, потому что строй походил на парадный, и не без иронии спрашивал своего бывшего однокашника по академии:

- Ваша дивизия в бой тоже ходит таким строем?

- Бывает, - сдержанно и уклончиво отвечал начальник политотдела. Летчикам нашей дивизии не занимать слетанности.

Эти слова Мамаева нашли наглядное подтверждение в маневре штурмовиков над целью, стремительности и точности атак с "круга", сборе групп после выполнения задания.

Куда только девалась строгость Сухачева.

- Хорошо, Павел Кузьмич, - с чувством сказал он. - Недаром добрый слух прошел о керченцах.

Хорошее впечатление от дивизии еще больше укрепилось в нем, когда вдвоем с начальником политотдела они направились к самолетам с отличительной белой полосой на руле поворота. Работа на стоянках спорилась, хотя механиков было маловато. Правда, наравне с механиками у машин трудились и летчики

Мамаев рассказал, как перебазировался первый эшелон: на многих "илах" летели инженеры и механики. Воздушные стрелки уступили им свои места, а сами по двое втиснулись в кабины.

Дивизия смогла приступить к боевой работе, не ожидая прибытия второго эшелона, потому что в подготовке вылетов участвовали все - вплоть до работников политотдела.

Для ознакомления с районом боевых действий, изобилующим лесами, реками и озерами, оставалось мало времени. Выручал большой боевой опыт летчиков, командиров эскадрилий и командиров полков - подлинных мастеров штурмовых ударов. Командир дивизии генерал-майор авиации Степан Ульянович Рубанов характеризовал их с самой лучшей стороны, и прежде всего командиров полков: 190-го - подполковника Ивана Павловича Бахтина, 502-го - подполковника Сергея Александровича Смирнова, 622-го Севастопольского - подполковника Ивана Алексеевича Емельянова.

Генерал был высокого мнения о штурмане дивизии, называя Героя Советскою Союза майора Виктора Федоровича Воронова ведущим среди ведущих. По сравнению с многими однополчанами майор считался человеком зрелым и по возрасту, и по опыту боевой работы. Он родился в тот год, когда началась первая мировая война, повел в бой группу штурмовиков в тот день, когда немецко-фа-шистские захватчики напали на Советский Союз.

Способности пилота высокого класса и незаурядного штурмана Виктор Воронов проявил с первых дней войны. Точным был его удар по остерской переправе в момент нахождения там танков и бронемашин противника, успешными разведывательные полеты у Чернигова, бомбардировка орловского аэродрома, в результате которой ведомая им группа "илов" вывела из строя четыре десятка "юнкер-сов". Потом боевые вылеты над Сталинградом, под Ростовом, на Кубани, Северном Кавказе, в Крыму.

Что он умел лучше всего? Летать? Штурмовать? Разведывать? Приводить группы точно на цели или метко поражать их - особенно танки? Охотиться в паре или увлекать за собой в атаку

не только ведомых, но и пехоту, залегшую под огнем противника? Сбивать "юнкерсы" и аэростаты-корректировщики или уничтожать самолеты на вражеских аэродромах?

Все он умел в равной степени, всюду поспевал в нужный момент. Труд, старание отличали его в каждом деле. Редко кто из однополчан не считал Виктора Федоровича своим наставником и учителем.

Предельно развитое чувство долга, исключительная простота и цельность характера были присущи Воронову. На Воронова во многом походили командиры эскадрилий. Он выделял старшего лейтенанта Давида Тавадзе, с которым разделял взгляды на боевое использование штурмовой авиации. Майору пришелся по сердцу этот беспокойный, ищущий летчик, неутомимый исследователь тактических приемов штурмовиков, умеющий глубоко проникнуть в существо многих практических вопросов.

Горячими последователями всех начинаний Воронова были командиры эскадрилий и их заместители Александр Колбеев, Федор Палехин, Владимир Опалев, Вениамин Кошучов, Иван Гринько, Борис Золотухин, Александр Дубенко, Алексей Климов. Эти люди, преимущественно очень молодые, успели вывести в боях формулы побед, сделать непреложным для своих ведомых девиз "против шаблона, за маневр".

* * *

Началось наступление, и группы штурмовиков согласно плану взаимодействия с наземными войсками направились в район Идрицы. Повели их опытные командиры, закаленные во многих боевых вылетах. По вражеской колонне на дороге Духново - Медведево нанесла удар группа из 14 "илов", ведомая майором Бахтиным в сопровождении 12 "яков" 431-го истребительного авиаполка.

Старший лейтенант Владимир Опалев со своей пятеркой хозяйничал на линии железной дороги Идрица - Зилупе, где разведка обнаружила усиленное движение эшелонов. Эта группа побывала дважды над станциями Осетки и Дьяковщина. Ее целями были воинские составы. Удары наносились с малых высот.

Боевая работа продолжалась до позднего вечера. На второй день на перегонах от Идрицы до Зилупе и над станцией Лудза работала пятерка капитана С. А. Барсукова из 622-го штурмового авиаполка.

Гвардии капитан Алексей Поющев повел шестерку Ил-2 в район Опочки. Год назад летчик в такой же группе шел ведомым на цели, расположенные вблизи Орла. Теперь он со своей эскадрильей летел впереди в боевом строю 118-го штурмового

авиаполка следом за 810-м. Оба полка наносили удары по участку обороны противника вблизи населенного пункта Красногородское. Командир 225-й штурмовой авиадивизии полковник В. А. Корпусов, заменивший полковника А. Ф. Обухова, поставил им задачу подавлять артиллерию противника, в течение получаса непрерывно атаковать огневые точки гитлеровцев.

- Задание выполнено, - докладывали капитан Поющев и ведущий другой группы старший лейтенант А. И. Полунин командиру полка подполковнику В. Н. Верещинскому.

Эскадрильи штурмовиков вылетали сюда не раз, вплоть до того дня, когда части подвижной группы 10-й гвардейской армии ворвались в Опочку.

Редкий вылет штурмовики не попадали под жестокий огонь зенитных средств противника. Если не так уж часто они встречали на своем пути вражеских истребителей, то зенитными батареями плотно прикрывался каждый оборонительный рубеж. Их огонь подстерегал советские самолеты над железнодорожными станциями, шоссейными дорогами, возле переправ.

Ранним утром 12 июля семерка "илов" 225-й штурмовой авиадивизии, ведомая лейтенантом И. Н. Лапшиным вдоль дороги Красногородское - Опочка, была внезапно встречена плотным зенитным огнем. Черный дым повалил из мотора одного атакующего самолета, на нем показались языки пламени. Экипажи видели, как штурмовик устремился вниз...

Очевидцы события, жители окраин Опочки, после освобождения города рассказали: "Примерно в 7.30 с северной стороны города на небольшой высоте показался самолет, весь охваченный пламенем. В это время к городу подходила колонна автомашин с грузами и немецкими солдатами. Вдруг самолет развернулся и со снижением на большой скорости врезался в нее"{60}.

В полку знали, что летчиком огненного "ила" был младший лейтенант Александр Тимофеевич Романенко, а воздушным стрелком сержант Сергей Гаврилович Царьков. Они повторили подвиг экипажа капитана Гастелло.

Штурмовые дивизии справедливо называли основной ударной силой воздушной армии в боях за Идрицу и Опочку.

Так было в действительности и, конечно, не только на этих участках советско-германского фронта. Штурмовая авиация, вооруженная непревзойденными самолетами Ил-2, играла важнейшую роль в осуществлении взаимодействия с наземными войсками, непосредственно поддерживая их на поле боя.

В войсках надеялись на летчиков-штурмовиков, они пользовались необычайной популярностью. Солдаты восторженно

приветствовали их появление над передним краем, обращались после боя к боевым друзьям со словами горячей благодарности.

"Илы" сеяли панику в стане врага. Их экипажи метко поражали подвижные и неподвижные точечные цели, которые мешали безостановочному продвижению наземных войск. Штурмовики поддерживали наступление на всю глубину вражеской обороны. Они вели непрерывную разведку на поле боя, немедленно докладывая с борта самолета на КП о всех происходивших изменениях. Они находились рядом с войсками во время преследования противника, преграждали путь к полю боя его резервам, громили эшелоны на станциях и перегонах, уничтожали отходящие вражеские колонны.

Внезапность появления над целью и сосредоточенный удар - вот испытанные приемы штурмовиков. Взаимопомощь экипажей в бою, надежное прикрытие друзей истребителей, которые нередко атаковали врага вместе с "илами", удваивали силу.

Немаловажное значение имели и действия обеих ночных бомбардировочных авиадивизий. С 10 июля боевая деятельность 284-й авиадивизии усилилась и проводилась в интересах 3-й ударной армии. В ночь на 12 июля удары наносились по железной дороге Себеж - Зилупе и шоссе Себеж - Освея, где наблюдалось интенсивное движение отступающих войск противника. В последующую ночь напряжение боевой работы еще более возросло. Экипажи сосредоточили свое внимание на ближайших переправах, а 14 июля углубились к юго-западу от Зилупе, действуя над узлом шоссейных дорог Дагда.

Над вражескими объектами на другом направлении каждую ночь появлялись самолеты По-2 313-й Бежицкой бомбардировочной авиадивизии. Число вылетов дивизии измерялось сотнями.

Особенно успешно ночники выполнили задание штаба армии: в ночь на 11 июля бомбардировочными ударами разрушить переправу через реку Синяя, парализовать автоперевозки врага.

Прошла неделя, и районный центр Псковской области Красногородское, расположенный к северо-западу от Опочки, был освобожден. Тогда стало известно, как ночники выполнили боевую задачу. Они сожгли или вывели из строя десятки вражеских автомашин, взорвали ряд военных объектов.

В июльском небе не затихал гул самолетов 315-й истребительной авиадивизии, направлявшихся к окраинам Идрицы, Опочки, чтобы не допустить "юнкерсов" к полю боя. По нескольку раз в день взлетали и садились "яки" 832-го и 431-го истребительных авиаполков, а также лобастые Ла-5 171-го истребительного.

На пункте наведения командир дивизии полковник Литвинов слышал голоса командиров эскадрилий Соболева, Вишнякова, Ивлева, нового командира полка майора Александра Ивановича Халутина, принявшего полк у подполковника Орляхина.

Рядом с умудренными опытом летчиками Алексеем Нестеренко, Павлом Сузиком, Виктором Зориным, Николаем Ишановым сражались не менее опытные истребители, прибывшие на пополнение из высшей офицерской школы воздушного боя, и необстрелянные еще питомцы учебных тренировочных полков.

* * *

Большая нагрузка легла на плечи личного состава тыловых частей воздушной армии.

"Внимание аэродромам! Это первостепенная задача", - требовал в своем приказе заместитель командующего армией по тылу генерал-майор авиации П. Г. Казаков. К утру 10 июля надлежало подтянуть к переднему краю боеспособные резервные БАО со средствами материально-технического обслуживания, боеприпасами, горючим, продовольствием - всем необходимым для ведения боя.

Инженерные батальоны сосредоточивались: 55-й - в районе Новоржева, 81-й и 29-й - в районе Пустошки и были в готовности к быстрому продвижению вперед. В инжбатах создавались группы минеров (учитывалось, что противник минирует летные поля, взлетно-посадочные полосы, аэродромные сооружения).

Замысел был прост - сразу начать подготовку и восстановление аэродромов, которые займут войска. Более того, в район предстоящих боевых действий в тыл противника, к партизанам Себежского и соседних районов направлялись на легких самолетах офицеры тыла с целью найти аэродромы, организовать их подготовку для взлета и посадки самолетов.

Строительство аэродромов в условиях быстрого наступления наших войск производилось силами партизан и местного населения под руководством переброшенных за линию фронта изыскателей. Их деятельность возглавлял старший инженер отдела по изысканиям аэродромов инженер-капитан Василий Степанович Гарбузов. У него были надежные помощники из районов авиабазирования: инженеры по изысканиям Евгений Круковский и Павел Бабушкин, боевые командиры инжбата Сергей Крылов, минно-саперной роты Анатолий Кирюхин.

Дело трудное, рискованное, но необходимое. Правда, не всегда его венчал успех: у партизан не хватало шанцевого инструмента, приходилось обезвреживать множество мин и бомб, а все же ряд взлетных площадок удалось использовать. Важно было приблизить аэродромы к району боевых действий. Это

требование командующего армией генерала Науменко всегда, а особенно теперь, настойчиво и последовательно осуществляли штаб воздушной армии, офицеры тыла.

Предусмотрительное решение начальника тыла положительно сказалось в дальнейшем на боевой работе авиации. Она не испытывала недостатка в аэродромах, вылеты производились без задержки.

Воины подразделений тыла работали самоотверженно, считая своим кровным делом помощь летчикам. Как радовались они, читая такие вот газетные сообщения о себе: "На днях представитель командования вручил медаль "За боевые заслуги" группе сержантского и рядового состава, отличившейся в обслуживании летных частей.

Среди награжденных трактористы Кудрик М. И. И Синица И. Ф., которые работают на тракторе с первых дней войны.

Правительственная награда вручена одному из лучших шоферов подразделения капитана Мельниченко - красноармейцу Мотила А. Ф.".

Трудной была жизнь солдата аэродромной службы на фронте. Зимой врагом номер один был снег, весной - непролазная грязь на полях, летом - пыль на полосах, осенью - вода в каждой рытвине.

Скромные труженики - поседевшие ефрейторы, отцы семейств, и безусые сержанты - укатывали дорогу в грозовое небо летчикам, ковали вместе с ними победу.

В подразделениях БАО справедливо считали, что большая честь выпала на их долю: кормить-поить, обеспечивать фронтовиков. По-детски радовались они благодарным улыбкам пилотов, поднося им в столовой ягоды, собранные на лесных полянах, необыкновенный шницель и ледяной в июльскую жару квас. Работники столовых - от добровольных стряпух Лизы Марковой и Маруси Полулях до дипломированных поваров ефрейтора Апащикова, младшего сержанта Роганина, кулинара первой руки Авдеева - не раз принимали благодарность летчиков.

Люди на войне запоминают не только тяжелые переживания, они помнят и доброе, светлое. Кто из фронтовиков мог забыть момент, когда гости из далекого Казахстана оделяли бойцов подарками - сладкими яблоками, пахучим мылом, кисетами с самосадом.

Запомнился "бытовой комбинат" майора Кондратьева, забота парторга Бурьянского, приглашающего на несколько минут, пока заправят самолет, в прохладную палатку у опушки леса послушать новые пластинки. Память сохранила облик местного брадобрея, сапожников и портных, готовых в любое время

проявить свое искусство, если что-либо требовалось летчикам.

* * *

Настал вечер 12 июля 1944 г. На поля медленно опускались сумерки. Будто нехотя отъезжали со стоянок бензозаправщики и полуторки со стартерами, смывали с рук масло и копоть механики. Переваливаясь с боку на бок, заруливал в капонир последний "ил".

Только не стихала работа на командных пунктах. Здесь царила гнетущая тишина, табачный дым стоял стеной. В тягостном ожидании все смотрели на связиста, ждали - вдруг осветится его лицо улыбкой и раздастся радостный возглас: "Летит!"

Значит, кто-то не вернулся...

В 148-м истребительном авиаполку ждали Геннадия Серебренникова, чей сотый боевой вылет, двадцать пятый воздушный бой, десятый сбитый фашистский самолет и первую победу его ведомого Валентина Лысенко готовились праздновать в эскадрилье. Надежда еще теплится у командира полка, хотя час назад сюда, в землянку, приходил младший лейтенант Павел Новожилов, который летал в паре с Серебренниковым, и вручил рапорт: "Разрешите на фюзеляже моего самолета написать имя Геннадия, буду мстить за него беспощадно".

У штурмовиков генерал Рубанов чернее тучи. Все вокруг говорят шепотом и избегают произносить имя штурмана дивизии. Только сокрушенно покачивает головой начштаба: "Не уберегли".

Низко опустил голову Тавадзе. Неимоверных усилий стоило ему доложить комдиву о том, что произошло час назад в районе Зилупе.

Воронов прилетел на аэродром во второй половине дня и сразу направился в эскадрилью Тавадзе. Их связывала большая дружба, зародившаяся под Сталинградом, хотя штурман был значительно старше да и рангом повыше.

Поэтому оба обрадовались встрече после возвращения штурмана из длительной поездки на авиазавод, где выпускались штурмовики Ил-10.

Но командир эскадрильи изменился в лице, когда Воронов сказал:

- Пойду с вами на задание.

Он не раз совершал боевые вылеты в составе группы Тавадзе, и это всегда радовало. Только не сегодня.

- Ни в коем случае, Виктор Федорович. После такого перерыва в незнакомый район лететь опасно, да и вид у тебя просто-таки плохой. Придется отложить.

- Обязательно полечу, считай вопрос решенным.

- В таком случае разрешите, товарищ штурман дивизии, официально доложить: я не могу вас включить в свою группу. Вы не подготовлены и не в форме, - отрубил Тавадзе.

Тавадзе трудно было говорить в таком тоне, но он чувствовал, что надо обязательно отсоветовать другу лететь сегодня на задание. Не раз, бывало, капитан замечал в каком-нибудь летчике, включенном в группу, что-то неладное и отстранял его от полетов. И это было правильно: нельзя было зря рисковать.

- В таком случае полечу контролирующим, - ответил Воронов.

Их разговор прервал посыльный из штаба: майора вызывали к телефону из дивизии.

"Вот и решение вопроса, - вздохнул с облегчением командир эскадрильи. - За это время успеем взлететь".

Действительно, вскоре позвали в воздух ракеты, и группа парами поднялась с аэродрома, взяв курс в район Зилупе, где ей предстояло бомбоштурмовыми ударами предотвратить контратаку танков противника, сосредоточенных на исходных позициях.

"Здорово получилось", - подумал Тавадзе и даже замурлыкал песенку, но не допел ее, потому что, оглянувшись, увидел сзади "ил", догоняющий группу. "Конечно, Воронов". Тавадзе не ошибся. Самолет приблизился и пошел чуть выше группы (так обычно летает контролирующий командир). Тотчас в наушниках ведущего послышался знакомый голос:

- Привет, Давид!

Буркнув что-то неопределенное, Тавадзе нажал на кнопку передатчика и приказал летчику Седых пристроиться ведомым к Воронову.

Теперь уже на цель шла семерка "ильюшиных". Она удачно атаковала танки, хотя огонь зенитных батарей был плотным. Тавадзе следил за самолетом Воронова. Седых неотступно следовал за ним.

Группа совершала четвертый заход в сплошных разрывах зенитных снарядов. Ужо заканчивалось время пребывания над целью, и ведущий готов был произнести команду "Домой!", но вместо нее Тавадзе разразился проклятием. Он увидел объятый пламенем "ил" Воронова, несущийся к батарее, и, сжав до боли в суставах ручку управления, бросил вниз свой штурмовик. Пальцы словно приросли к гашеткам.

Появившиеся вражеские истребители заставили взять себя в руки, быстро перестроить боевой порядок группы и принять шестеркой бой. Только после того, как воздушные стрелки сбили два "мессершмитта", отогнав остальных, группа развернулась в

сторону своего аэродрома{61}.

Вечером затихли аэродромы, скрылись под маскировочными сетями и ветками самолеты, встали на посты часовые. Летчикам отдыхать бы. Но где там! Сперва шепотом, а потом громче и громче пошло от одного к другому: "Скоро будут передавать приказ. О нас он!"

Никто не помышлял о сне. Наконец пришел долгожданный приказ о первых результатах боев, об особенно отличившихся соединениях. Звучали знакомые имена генералов из гвардейской и ударной армий: Казаков, Юшкевич, Коротков... Из воздушной армии: Науменко, Данилов, Рубанов, Литвинов, Воеводин, Трушкин, Корпусов.

И вот самое волнующее: "Сегодня, 12 июля, в 23 часа столица нашей Родины салютует доблестыым войскам 2-го Прибалтийского фронта, прорвавшим оборону немцев и овладевшим городом Идрица, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий".

Сравнительно мала по размерам Идрица, но велико было ее значение в планах командования, и долго не уходила она из памяти тех, кто сражался за нее. Как было не вспомнить им, что три года назад ранним утром 10 июля 1941 г., в широкой полосе от Идрицы до Псковского озера повели наступление против советских войск немецкая 4-я танковая группа и 16-я армия - та самая, которая отступала теперь под напором соединений 2-го Прибалтийского фронта.

Глава восьмая.

Под грозовым латвийским небосводом

Войска 2-го Прибалтийского фронта, начавшие успешное наступление, были готовы предпринять решительные действия в целях освобождения Советской Латвии.

Чтобы лучше представить себе, какое место занимала в операции воздушная армия, следует обратиться к документу, разработанному штабом и утвержденному командующим генералом Н. Ф. Науменко. Речь идет о плане авиационного наступления в июле 1944 г. в интересах разгрома себежско-идрицкой группировки противника{62}. Этот документ проливает свет на характер боевой деятельности авиационных частей и соединений, роль офицеров управления - представителей воздушной армии в наземных войсках, их подвижных группах, на организацию взаимодействия.

План предусматривал: в авиационном наступлении участвуют 11-й смешанный авиакорпус, 225-я и 214-я штурмовые авиадивизии, 315-я истребительная авиадивизия, 284-я и 313-я ночные бомбардировочные авиадивизии. С 10-й и 3-й армиями

взаимодействуют 11-й сак, 225-я шад, 313-я нбад; с 22-й и 4-й армиями (4 июля Ставка передала эту армию из состава 1-го Прибалтийского 2-му Прибалтийскому фронту), 5-м танковым корпусом - 214-я шад, 315-я иад, 284-я нбад. В штабы наземных армий и подвижные группы направлялись офицеры В. И. Дюжев, А. А. Гладков, Г. Д. Сивопляс, В. А. Фицев, В. В. Полосухин, М. И. Сапогов со своими помощниками. По радио и проводам они держали связь со штабом воздушной армии, а те, кто находился в подвижных группах, - с соответствующими штабами авиационных дивизий и корпуса. Им разрешалось вызывать в нужный район дежурные группы штурмовиков и истребителей, которые оказывали действенную помощь наземным войскам.

Наступление продолжалось. Ежедневно сводки Совинформбюро сообщали об освобожденных городах, станциях, сотнях населенных пунктов. В районе действий воздушной армии оказались Пушкинские горы.

Не было в армии ни одного человека, у кого бы с детства не отпечатались в памяти пламенные строки великого поэта. Летчикам часто приходилось пролетать над Михайловским. Там находился враг, мысль об этом заставляла сжимать кулаки.

На небольшой высоте летал над Пушкинскими горами на По-2 лейтенант Алексей Зайцев. Он корректировал огонь одного из артиллерийских дивизионов в районе западнее Новоржева. Зайцев рассказывал:

- Мы ясно видели с воздуха несколько батарей, расставленных среди отдельных сохранившихся строений. Пушкинская усадьба была полуразрушена. В находящемся рядом парке также были обнаружены артиллерийские позиции и несколько танков. Гитлеровцы замаскировали их кое-как. Они чувствовали себя здесь в безопасности, понимали, что одни только названия этих мест прикроют их...

Мы точно засекли координаты всех батарей и передали их по радио артиллеристам, пояснив, где заветные места. Артиллеристы не стали вести огонь по этим местам, чтобы не подвергать их разрушению.

Однако по другим батареям, расположенным вблизи села Михайловское, наши артиллеристы открыли меткий огонь и уничтожили около десятка орудий врага.

Настал день, когда сводка Совинформбюро упомянула об освобождении Пушкинских гор.

За два дня наступательных боев войска фронта продвинулись вперед на 35 км, расширив прорыв до 150 км. Подвижная группа 10-й гвардейской армии ворвалась в Опочку и после уличных боев овладела этим городом Псковской области. Отсюда она

нацелилась на новый рубеж обороны противника у реки Синяя. 3-я ударная и 22-я армии с севера и юга приближались к Себежу.

17 июля произошло знаменательное событие: боевые действия были перенесены на территорию Латвийской ССР. Радостно встреченные населением, первыми вступили на родную землю бойцы 130-го Латышского стрелкового корпуса под командованием генерала Бранткална.

То на одном, то на другом участке фронта войска освобождали родные города. За Себежем последовали Зилупе, Дагда, Краслава, Лудза, Карсава. В сводках Совинформбюро уже стало упоминаться двинское направление, на котором действовала 4-я ударная армия, возглавляемая генерал-лейтенантом П. Б. Малышевым. Приближался штурм последней оборонительной полосы противника на пути к Резекне и Даугавпилсу.

Боевая работа в воздухе складывалась из ударов групп "илов" 214-й и 225-й штурмовых авиадивизий, из воздушных боев четверок "яков" и "лавочкиных" 171, 148, 293-го истребительных авиаполков, из эшелонированных вылетов экипажей 284-й и 313-й ночных бомбардировочных авиадивизий, из полетов на большой высоте в глубь обороны противника разведчиков 99-го полка. В составе воздушной армии теперь насчитывалось вдвое больше самолетов, чем у противника на этом направлении.

Но тем не менее требовались еще большие усилия, чтобы удержать господство в воздухе, непрерывно воздействовать на противника на поле боя и в оперативном тылу, обеспечивая быстрое продвижение наступающих войск.

Нередко совпадали маршруты экипажей самолетов, направлявшихся с идрицкого и неблизких к нему аэродромов к полям боев на подмогу атакующим стрелковым дивизиям.

...Вел свою эскадрилью Герой Советского Союза майор Алексей Рязанов. В кабине чувствовал он себя очень уютно, радовали взор словно умытые дождем плоскости, фюзеляж, стекла фонаря. Этот новенький самолет он получил накануне в подарок от шефов.

...Вел группу истребителей 148-го авиаполка командир эскадрильи капитан Николай Ябриков. Ведущими четверок были летчики, которых он научил "видеть воздух", - Владимир Щербина и Александр Ордин. Шел в группе старший летчик лейтенант Павел Новожилов. Нетрудно было узнать его самолет по надписи на фюзеляже: "За Геннадия Серебренникова", сделанной сразу после гибели друга. В последнем вылете Новожилову удалось увеличить свой счет. Это произошло в бою с "фокке-вульфами", которые пытались отсечь истребителей от штурмовиков.

На аэродроме лейтенанта ждала поздравительная телеграмма начальника политотдела. Новожилов ответил: "Постараюсь, чтобы гитлеровец не был последним. Примите эти слова как клятву советского офицера".

Умело воевал Новожилов. Об одном из боев летчик рассказывал:

"В паре с младшим лейтенантом Павлом Вершининым я вылетел на патрулирование. Над линией фронта станция наведения сообщила, что отсюда только что ушли четыре ФВ-190.

Догадка подсказала - это разведчики. За ними обязательно должны появиться бомбардировщики. Походив некоторое время в своем районе патрулирования, я попросил станцию наведения разрешить углубиться на территорию противника, чтобы встретить немцев внезапно, на подходе к цели, и не дать бомбить боевые порядки наших войск. Мне разрешили. Через несколько минут я заметил, что на одной высоте со мной шла группа "фокке-вульфов" бомбить наш передний край. Немного поодаль, слева сзади летела вторая десятка. Решаю атаковать их. Набрав достаточную высоту, стал атаковать не первую, а вторую группу. Зашли сверху сзади и атаковали. С некоторых самолетов посыпались бомбы на свои войска. Решаю делать вторую атаку. Зашли опять сверху сзади и врезались в строй.

Так или иначе, а противник был деморализован. Тогда решаю нагнать первую группу. Нас она не заметила. С каждой секундой расстояние между нами сокращалось. Действовать решили так: я - сверху, а Вершинин - снизу слева.

И снова после нашей внезапной атаки с некоторых самолетов бомбы полетели вниз. Биться и дальше вдвоем с двадцатью нам было бы не под силу, если бы мы не придерживались тактики не давать немцам собраться компактной группой и принять боевой порядок. С этой целью мы с Вершининым разошлись и стали атаковать с разных направлений, поддерживая при этом зрительную связь и приходя друг другу на помощь, когда кому-нибудь из нас было трудно.

Мы поставили себе задачу согнать фашистов вниз, и они постепенно снизились до 1500 метров.

После того как их строй нарушился и многие "фокке-вульфы" побросали бомбы на свои войска, мы стали атаковать отдельные самолеты и сбили четыре. Задача по патрулированию была выполнена"{63}.

...Вел восьмерку "яков" заместитель командира эскадрильи капитан Вадим Бузинов. Встреченные истребители противника из кожи вон лезли, чтобы не допустить группу к "юнкерсам", которые приближались к Резекне. Атаки следовали за атаками.

Бузиновские истребители хладнокровно отражали их, диктуя противнику условия боя. При этом они сбили шесть вражеских самолетов. Так летчики 148-го авиаполка предотвратили удар вражеских бомбардировщиков по подвижной группе 10-й гвардейской армии.

...Прикрывала наступающие войска восьмерка Ла-5, ведомая командиром эскадрильи 171-го истребительного авиаполка майором И. А. Вишняковым. Когда она находилась над районом Мозули, Лудза, станция наведения предупредила о приближении двенадцати "фокке-вульфов". Ведущий увидел их ниже своей группы и сразу дал команду: "Атакуем!" Облачность и лучи солнца в ее просветах помогли "лавочкиным". Итог боя: два вражеских самолета сбил командир эскадрильи, один - младший лейтенант Василий Григорьев; остальные вражеские самолеты ушли на большой скорости на запад.

Над этим районом в тот же день, 17 июля, двумя часами раньше выполнял задание по прикрытию войск майор Константин Соболев со своей восьмеркой. 16 "фокке-вульфов" появились выше его группы, но наши истребители успели набрать высоту и атаковать в тот момент, когда вражеские самолеты начали сбрасывать бомбы. Несмотря на численное преимущество, гитлеровцы уклонились от боя.

В эти дни самыми популярными стали призывы, обращенные к воздушным бойцам:

Налетом смелым, ударом точным
Круши фашистов, товарищ летчик!
Штурмуй беспощадно! На запад гони
Фашистскую нечисть с родимой земли!

Старший лейтенант Михаил Соколов повел на задание группу "илов". Нельзя назвать это задание из ряда вон выходящим, но трудно переоценить значение вылета для действий подвижных групп наступающих армий, которые вели упорные бои у рубежей обороны противника, прикрывавших Резекне и Даугавпилс.

Резекненский железнодорожный узел был важной артерией, через которую фашистское командование питало свои войска резервами, боеприпасами и горючим. О скоплении вражеских эшелонов поступили донесения с борта самолета лейтенанта Ивана Мавренкина из 50-го разведывательного авиаполка. Последовал приказ начальника штаба фронта генерала Сандалова генералу Саковнину о бомбардировке узла, сюда и направились штурмовики.

Наиболее значительным был вылет 810-го полка. Соколов шел со своей шестеркой впереди всей группы из 18 "илов", сопровождаемых 8 Як-9.

О том, как действовали летчики, скупо рассказывало донесение: "Подход к цели и атака производились последовательно группами с разных высот (от 1800 до 800 метров) и разных направлений. Это спутало расчеты вражеских зенитчиков. Летчики сбрасывали бомбы с высоты 500-600 метров, а пулеметно-пушечный огонь и огонь эрэсами открыли еще ниже.

Они сделали пять заходов на цель. В результате уничтожено 30 цистерн с горючим, два эшелона, три склада с боеприпасами. Штурмовики потерь не имели".

Действия группы штурмовиков и ее ведущего получили высокую оценку. Этот вылет не был исключением в боевой деятельности Михаила Соколова. Командующий воздушной армией наградил летчика орденом Отечественной войны I степени, отметив умелый маневр группы, обезопасивший ее от зенитного огня, и тот факт, что между станциями Резекне и Виляны она сумела уничтожить еще один эшелон противника.

Награда вручалась вскоре после этого вылета, а Соколов уже успел отличиться в другом.

Враг отступал, огрызаясь. Задача заключалась в том, чтобы, закрывая пути отхода, не дать ему закрепиться на промежуточных рубежах и отдышаться. Кому как не летчикам создавать пробки у водных преград, уничтожать переправы. На одну из них, вблизи от узла шоссейных дорог, Соколов повел штурмовиков. Командир полка предупредил его: первый вылет двух пар не дал успеха - бомбы упали рядом. Правда, подавлен огонь "эрликонов". Теперь нужно покончить с мостом...

Ведущий решил пройти неподалеку от цели, углубиться на территорию, занятую противником, потом сделать заход с тыла. Замысел удался. Мост был почти разрушен, когда в него угодили бомбы, сброшенные Соколовым. Рядом шел Матвей Штрякин, за ним Антон Белоус со своими ведомыми. Они довершили начатое ведущим. Все было сделано с первого захода. Докладывая командиру о выполнении задания, старший лейтенант заметил: "Будет надежная пробка. Можно вылетать сразу".

При докладе Соколова присутствовали командиры эскадрилий Василий Козловский и Анатолий Соляников. Тут же, в землянке КП, они получили приказ: по готовности самолетов вылететь на цель двумя пятерками. Командир полка майор Сергей Иванович Ермолаев провожал на старте десять "илов", ушедших через несколько минут к переправе на реке Утроя.

Вечером позвонил член Военного совета фронта генерал В. Н. Богаткин, интересуясь Соколовым:

- Каков он из себя? Давно ли на фронте? Коммунист? Откуда родом?

Командир смутился от неожиданности и залпом ответил:

- Большеглазый такой. Тонкобровый. Русоволосый... Родом из Калининской области. Конечно, коммунист.

И без паузы:

- Пареньку, товарищ генерал, двадцать первый пошел. Летчик что надо...

- Представьте к награде.

810-й штурмовой авиаполк во время июльских боев базировался на одном аэродроме с 293-м истребительным из 11-го смешанного авиакорпуса. Летчики подружились с первого знакомства. Отношения их были доброжелательными и сердечными. Штурмовики почитали превосходного летчика Олейника, более молодого, но не менее опытного аса Логвиненко, издалека улыбались хозяину "яка", украшенного звездочками побед, первоклассному истребителю командиру звена Виктору Нагорному.

Истребители с большим уважением относились к Ивану Ивановичу Резниченко, к лучшим "охотникам" полка Василию Козловскому и Ивану Башарину, к "новенькому", нескладному с виду, упорнейшему в деле Матвею Штрякину. Ближе узнав друг друга, летчики чувствовали себя в воздухе уверенно, и боевая работа спорилась у них. Пример - совместный вылет в район Мозули. Группу штурмовиков вел Василий Козловский, ведущими пятерок были Иван Резниченко, Иван Башарин и Бернгард Чернявский; истребителями сопровождения командовали Герои Советского Союза Николай Логвиненко, Григорий Олейник и Сергей Сафронов. Были в группах и неопытные летчики, однако с момента взлета и до самой посадки они проявили качества настоящих истребителей,

"В таком строю иначе нельзя", - говорили они генералу Сухачеву, который весь этот день находился на аэродроме и долго выспрашивал у летчиков, в чем коренится успех, хотя сам видел, как четко действовали экипажи, слышал у радиостанции на КП, как развивались события на маршруте и над целью. Работа штурмовиков представлялась ему эталоном боевого вылета. Сухачев чувствовал в ней первоклассную квалификацию большинства исполнителей задания, ясно видел, как сочетались точность расчета с четкостью действий.

Такое мнение подтверждали все ведущие - люди бывалые, знающие толк в маневре, цену слетанности и взаимопониманию в воздухе. Майор Григорий Олейник называл удар по цели группы Ивана Резниченко мастерским. (В ней были ведомыми Белоус, Чайкин, Горохов и Азяев.)

- Мы шли рядом с "илами" Козловского, - добавил Сафронов. -

Хотелось все время повторять: "Молодцы, штурмовики!" Не успеешь подумать: "Вот бы по этой цели", а они уже заходят на нее. И сразу - результаты: одно за другим прямые попадания. Потом без паузы - заход на колонну, только успевай развернуться.

Сдержанный Логвиненко одной репликой сказал еще больше: "Здорово воюют друзья", назвав ведущего пятерки - Чернявского.

Лестные отзывы. Тем более в устах лучших летчиков-истребителей соединения, глубоко проникших в железную логику чкаловских суждений о постоянной готовности к боям и к тому, чтобы сбивать неприятеля, а не быть сбитым; о решающем значении уверенности в бою, которая дается безукоризненным мастерством.

Штурмовики в свою очередь относили успех вылета на счет истребителей:

"Мы спокойно работали над целью... Сопровождение было видно и слышно. То и дело доходили до нас по радио звонкие ободряющие голоса".

Жаль, что этого разговора не слышали пехотинцы. Они вставили бы свое словечко, доброе, солдатское: "Наши-то давали фрицам прикурить!"

* * *

Боевое донесение No 200 от 19 июля из 622-го Севастопольского штурмового авиаполка 214-й Керченской штурмовой авиадивизии гласило: "В течение дня пять самолетов - ведущий Герой Советского Союза старший лейтенант Кошуков - под прикрытием Як-9 (431-го истребительного полка. Авт.) бомбардировочно-штурмовыми ударами уничтожали батареи противника в районе Малиновец, Ближнее Дворище"{64}.

В этом направлении наступали части 4-й ударной армии, и сюда вылетали штурмовики 214-й дивизии. Вениамин Кошуков был одним из самых молодых летчиков этого соединения, но успел пройти сквозь огонь боев на трудных участках фронта и стал ведущим.

Еще в начале года Кошуков заменил на посту командира 3-й эскадрильи своего погибшего наставника и друга капитана Карлова. И вот теперь сражался за Советскую Латвию, шел в строю впереди. Ежедневно, начиная с 10 мая, группа штурмовиков, ведомая старшим лейтенантом Кошуковым, появлялась то в районе Идрицы, то над Себежем, то вблизи Шкяуне, то взлетала уже с нового аэродрома, расположенного в районе Идрицы, и брала курс к Даугавпилсу.

Задумаемся сейчас над свершенным летчиком в свои еще очень молодые годы.

Минуты в воздухе - это минуты огромного напряжения. Не

все время в разрывах зенитных снарядов или под огнем вражеских истребителей, но всегда в готовности встретить опасность, отразить или нанести удар. В каждом вылете... У одного - первый был и последним. Десять раз шел в огненном небе другой. Сто раз - третий... Кошуков совершил сто сорок боевых вылетов на штурмовике Ил-2! Последний - неподалеку от тех мест, где находится здание прейльской школы, а в ней спешат на уроки те, кто по возрасту годится теперь во внучата двадцатидвухлетнему старшему лейтенанту. Столько лет было Кошукову, когда он погиб. Вместе с ним совершил свой последний вылет воздушный стрелок комсомолец Георгий Валеев. В той школе каждый знает о жизни-подвиге воздушных бойцов...

Войска 2-го Прибалтийского фронта продвигались вперед. С КП 4-й ударной армии часто радировал генералу Саковнину неутомимый и невозмутимый подполковник Дюжев: "Прошу направить штурмовиков. Координаты..." Начальник штаба армии понимал: на этом участке застопорилось движение к Даугавпилсу. Следовал короткий приказ генералу Данилову - и высылалась подмога.

Командир 214-й штурмовой дивизии по своему обыкновению находился на пункте наведения.

- Я - "Эрэс", я - "Эрэс", - слышали его позывные летчики, подлетающие к передовой, и на их лицах появлялись улыбки.

Позывной генерала "Эрэс", все это знали, расшифровывался просто "Рубанов Степан". Знали и о том, что комдив ни в какую не соглашался менять его, хотя начальник связи дивизии Анатолий Николаевич Желенков старался подобрать ему десятки более подходящих, наподобие "Стрелы" или "Штыка".

- Есть и буду "Эрэсом", так нарекли при рождении, - шутя отбивался генерал от дотошного связиста, который как огня боялся нарушений правил инструкции радиообмена.

Больше других привлекал внимание штурмовиков район озера Рушоны. Сюда в разгар наступления лейтенант Г. Гофман привел шесть "илов", сопровождаемых девяткой "яков". Задача: штурмовать колонны противника, отходящего по шоссейной дороге к Даугавпилсу. Последовал бомбовый удар. При повторных заходах штурмовики открыли огонь из пушек и пулеметов. В штурмовке гитлеровцев участвовали также истребители сопровождения. На шоссе образовалась пробка. Этим воспользовалась группа капитана В. И. Догаева, прилетевшая сюда сразу после первой.

Вскоре с идрицкого аэродрома в тот же район вылетел с шестеркой штурмовиков старший лейтенант И. И. Самохвалов. Объектом ударов была колонна на соседнем шоссе.

Группу "ильюшиных" 502-го штурмового авиаполка возглавил лейтенант Михаил Корнилов. Она появилась над участком дороги, ведущей к Даугавпилсу, и сделала четыре захода на цель. Хотя здесь ее положение осложнилось пришлось вести бой с двумя "мессершмиттами" и четырьмя "фокке-вульфами" задача была выполнена.

Чем ближе к Даугавпилсу, тем интенсивнее становилась боевая работа 214-й штурмовой авиадивизии. Группы водили сюда лейтенанты Л. М. Рощин, К. А. Абазовский, К. А. Рябов.

В этих вылетах сказывался опыт боев за Крым. Командование дивизии смело выдвигало молодых. Опытные летчики А. Н. Колбеев, Д. Э. Тавадзе, Д. И. Луговской, И. Г. Воробьев водили группы чаще во вражеские тылы.

Иван Воробьев. Воробушком прозвали в 190-м авиаполку этого широкоплечего круглолицего летчика, уравновешенного и спокойного, а вместе с тем яростного и дерзкого в бою. Над Голубой линией на Кубани его "ил" был подбит вражескими зенитчиками. Воробьев посадил горящий самолет на фюзеляж. Раненный и обожженный, он очутился во фронтовом госпитале, и оттуда медсестра писала под диктовку летчика командиру эскадрильи Тавадзе:

"Дорогой Давид!

В эти тяжелые для меня минуты я обращаюсь к тебе. Мне очень плохо, не знаю, увижу ли когда-нибудь вас. Если сможешь, возьми меня отсюда. Лучше я полежу в своем лазарете, чем здесь. И если суждено - пусть умру среди друзей. Твой друг Воробушек".

"Дорогой ты мой Воробушек, - отвечал Тавадзе. - Письмо твое получил. Сделано все необходимое, чтобы облегчить твою участь. Тебя быстро увезут в Москву. Я уверен, что все кончится хорошо. Ты скоро вернешься в полк, и мы с тобой еще не раз будем вместе выполнять боевые задания. Не забывай, что мужество и храбрость нужны не только в бою, но и в любых тяжелых случаях, а при теперешнем твоем положении - особенно. Не падай духом, мы все с нетерпением ждем тебя. Ты еще будешь летать.

Твой друг Давид".

Надежды Тавадзе и его однополчан оправдались. Все обошлось благополучно благодаря исключительным мерам, принятым военными медиками, и участию друзей. Через несколько месяцев Воробьев поднялся на ноги и возвратился в родной полк. Пошел снова ведущим шестерки штурмовиков в район, где полки дивизии сопровождали подвижные группы наступающих армий.

Три рубежа обороны преграждали войскам 2-го Прибалтийского фронта путь к Резекне и Даугавпилсу.

Это были сильно укрепленные рубежи, вроде "Пантеры". Фашистское командование зашифровало первый из них названием "синий", второй "зеленый" и третий - "коричневый". В двадцатых числах июля бои шли близ "коричневого", в направлении Даугавпилс, Резекне, Карсава.

22-я армия овладела городом Дагда, а 4-я ударная - Краславой. Однако трудно приходилось взаимодействующему с ней 5-му танковому корпусу, одна из бригад которого хотя и перерезала дорогу Дагда - Краслава и прорвалась в тыл врага, но подверглась ожесточенным контратакам противника.

Бои непосредственно за Даугавпилс начались 24 июля мощной артиллерийской подготовкой. Массированный огонь велся по огневым точкам врага, его переднему краю, артиллерийским и минометным позициям, наблюдательным пунктам и узлам связи, местам скопления боевой техники и живой силы. С больших и малых высот врага бомбила авиация. Штурмовики обстреливали укрывшуюся в траншеях пехоту.

В этот день личный состав 2-го Прибалтийского фронта получил приветствие и пожелания новых боевых успехов от калининцев в связи с полным освобождением области от немецко-фашистских захватчиков. Горячее слово

удваивало силы летчиков, вызывало желание помочь наземным войскам скорее изгнать врага из Латвии.

Над пунктами, расположенными вблизи Даугавпилса, где сопротивление гитлеровцев было особенно ожесточенным, снова и снова появлялись "илы" 214-й штурмовой авиадивизии; их вели командиры полков Иван Алексеевич Емельянов, Иван Павлович Бахтин и Сергей Александрович Смирнов многоопытные летчики, знатоки маневра и меткого удара. Ведущими в группах, значительных по своему составу, были умелые штурмовики - командиры эскадрилий и их заместители.

Особенной точностью отличались действия дивизии по вражеской артиллерии, которая пыталась задержать продвижение соединений 4-й ударной армии в районе Крижи, Кудрайне, Инчуки, Петени, Нерети.

Сказывались отличная подготовка экипажей, их боевой опыт, накопленный в предыдущих боях. К тому же успешным было сопровождение групп истребителями 315-й авиадивизии, особенно 431-го полка. Пожалуй, наиболее точно определил отношения между летчиками обеих дивизий генерал Сухачев "нашли общий язык". Это было сказано на одном из обязательных разборов боевых вылетов, происходившем на аэродроме, где базировались истребители и штурмовики.

Тесно взаимодействовали полки 11-го смешанного

авиакорпуса в полосе наступления 10-й гвардейской и 3-й ударной армий на другом участке фронта: 4, 148, 293-й истребительный с 658-м и 724-м штурмовыми.

От командира корпуса генерала Степана Павловича Данилова до ведущих пар в полках - все были уверены в том, что боевые вылеты во время наступления будут результативными. Генерал Данилов имел огромный опыт. Он принадлежал к поколению авиаторов, справедливо названных в тридцатые годы поколением победителей, которые подружились с небом с детства. В пору юности он уверенно шагал со ступени на ступень летного мастерства. Окружающую его среду знал как самого себя, любил своих товарищей по небу.

До Великой Отечественной воины, будучи капитаном, Данилов успел побывать в сражениях и заслужить высшую награду страны - звание Героя Советского Союза. Перед тем как стать командиром корпуса, он возглавлял 287-ю истребительную авиадивизию, где летчики были один другого сильнее. Его любили и уважали, покоренные не только примером командира в летном деле, но и его справедливой строгостью, дружелюбием, жизнерадостностью.

У генерала были хорошие помощники, умелые организаторы - заместитель по политической части полковник Кузьма Иванович Баранов и начальник штаба полковник Леонид Денисович Бугаенко.

Не будет преувеличением сказать, что летчики 11-го смешанного авиакорпуса работали под грозовым латвийским небосводом с таким же напряжением, с такой отдачей и столь же успешно, как истребители 1-го гвардейского авиакорпуса в небе Орловщины.

...Как в далекие времена суворовские солдаты до седьмого пота штурмовали крепость, созданную по подобию Измаила, так сейчас в полках корпуса обращались к добытому боевому опыту, проигрывали на полигонах к юго-востоку от Опочки варианты совместных штурмовых ударов экипажей "илов" и "яков", порой с одного аэродрома.

На совещаниях во всех тонкостях разбирали варианты предстоящей боевой работы, подвергали глубокому анализу особенности ориентировки на прибалтийском театре военных действий, методы вождения групп Ил-2 и Як-9 в сложных условиях, приемы воздушного боя на малых высотах, способы ударов по укрепленным районам при сильном противодействии зенитной артиллерии. Внимательно прислушивались к советам, высказанным не только офицерами крупных штабов, но и рангом пониже; пищу для размышлений и выводов давали выступления

комэска 724-го штурмового авиаполка старшего лейтенанта Грешникова, летчиков 293-го истребительного авиаполка младшего лейтенанта Яроцкого и лейтенанта Ку-делькина, командира звена лейтенанта Мороза, воздушных стрелков 724-го штурмового авиаполка старшины Чернова и старшего сержанта Корышко.

* * *

Позади наступающих войск 2-го Прибалтийского фронта отвоеванные в трудных боях десятки квадратных километров территории Советской Латвии, перед ними - временно оккупированные врагом районы, страдающее под фашистским игом население сел и городов. Одна мысль у солдат, партизан в латвийских лесах, летчиков, стартующих на "илах", "яках", "лавочкиных" в суровое небо Прибалтики: вперед и вперед. Ближайшая задача - овладение Даугавпилсом и Резекне. Последующую вслух назовут через несколько дней.

Тем временем в эфире слышится:

- Я - "Вираж-2". Идете правильно. Правее рощицы батареи противника. Атакуйте!

Это встречает группы "илов" 825-го штурмового авиаполка заместитель командира 225-й авиадивизии подполковник М. И. Сапогов, представитель авиации в 3-й ударной армии. Десять - пятнадцать минут назад тот же голос слышался на КП полка. Он требовал направить в район боев подвижной группы наземных войск две восьмерки. Координаты названы. И вот уже над небольшим озером у опушки леса появляется первая группа штурмовиков. Ее ведет старший лейтенант А. И. Полунин.

В подвижной группе войск 10-й гвардейской армии начальник оперативного отдела смешанного авиационного корпуса подполковник В. В. Полосухин. На аэродром 293-го истребительного авиаполка, расположенный километрах в сорока от передовой, он радирует в тот момент, когда истекает время пребывания над полем боя истребителей 148-го авиаполка. Подполковник А. И. Кетов немедленно вылетает с двумя четверками истребителей.

Бригада 5-го танкового корпуса заняла исходные позиции, и вот-вот наступит время для новой атаки: автоматчики уже на танках. Командир корпуса генерал М. Г. Сахно даст сигнал, как только приблизятся штурмовики 214-й авиадивизии, вызванные представителем воздушной армии полковником А. А. Гладковым.

Над полками 4-й армии пока не видно ни одного самолета. Перед ее новым броском артиллерия обрушивает шквал огня на ожившие точки противника. Вслед за тем появляется 502-й штурмовой авиаполк. Время его удара предварительно

согласовано подполковником В. И. Дюжевым в штабе 4-й армии.

Где-то над районом Дарвас, Ирбиниеки группа майора А. К. Рязанова сражается с "фокке-вульфами", которые стремятся отвлечь "яков" от штурмовиков. Но вражеские уловки своевременно разгаданы опытным командиром. Обязанности в группе распределены заранее: бой ведется только частью сил, остальные экипажи не отходят от "илов".

Удача сопутствует Алексею Рязанову. Ему удается поджечь двух истребителей противника, третьего "фокке-вульфа" сбивает старший лейтенант Михаил Погорелов. От огня лейтенанта Валерия Шмана дымит еще один вражеский самолет и со снижением уходит в сторону. К станции Гостини западнее Резекне сопровождает штурмовиков четверка Як-9 4-го истребительного авиаполка, ведомая капитаном Иваном Степаненко. Воздушный бой с "фокке-вульфами", пробивающимися к "илам", разгорается близ озера Алаужи. Он заканчивается двумя сбитыми гитлеровскими самолетами. Удар по эшелонам в Гостини производится точно в назначенное время. Ведет группу "илов" в район Краце, Прейли, Аглона командир эскадрильи 622-го штурмового авиаполка старший лейтенант Владимир Догаев. На его счету без малого сто вылетов на штурмовки, десять из них сделаны после начала наступления в Прибалтике. Командир полка подполковник Иван Алексеевич Емельянов, не задумываясь, посылает эту эскадрилью в район, где осложняется обстановка, и часто - по личной просьбе командира эскадрильи, чья жажда летать просто неутолима. Правда, Емельянову приходится выдерживать такой же нажим других ведущих Ивана Беляева, Александра Дубенко и Анатолия Семенюка. Он умеет тактично ладить с ними, никто не остается в обиде.

Удар группы Догаева приходится по колонне автомашин противника. Ее сменяет эскадрилья Беляева.

Вылетает со своей пятеркой успевший понюхать пороху над Керчью и Сапун-горой прилежнейший ученик капитана Тавадзе лейтенант Константин Рябов. В полдень штурмовики появляются над целью - станцией Вишки. Сюда только что прибыли два эшелона с вражеской техникой. Сначала пятерка Рябова, вслед за ней группа капитана Александра Колбеева, штурмана полка, делают несколько заходов и направляются на другие цели, движущиеся по дороге из Розентово на Цауни.

Капитан Колбеев тщательно подсчитывает потери противника. Они весьма значительны, особенно на станции, где выведен из строя паровоз и несколько вагонов.

Низко-низко над зеленым ковром латвийской земли, над

разбросанными по ней мызами, над зеркалами озер проносятся "илы" группы лейтенанта Бориса Золотухина. Сейчас "Игра-4", радиостанция наведения при командире 24-го стрелкового корпуса, укажет им цель. Летчики только разворачиваются после удара на обратный курс, а командиру 502-го авиаполка подполковнику Смирнову уже известны результаты успешного удара. Улыбнется краешком губ, подумает о Золотухине: "Молодец Боря - способный паренек".

Не выпускает из своего поля зрения истребителей дивизионная радиостанция наведения "Крона-2", которой сообщает сведения о подходе вражеских бомбардировщиков радиолокационная станция "Редут".

"Редут" авторитетен в 315-й истребительной авиадивизии. Пользу приносит значительную. Благодаря этой станции обнаружения почти исключена необходимость непрерывного патрулирования истребителей над полем боя для прикрытия своих войск: дежурные звенья вызываются по первой необходимости, когда "Редут" засекает приближающиеся вражеские самолеты. Специалисты на станциях один к одному, с большим практическим опытом. Не занимать его и радистам на приемных станциях: умеют вести борьбу с радиопомехами. Ну а истребители взлетают из положения дежурства почти мгновенно, в их руках кодированные карты, фотосхемы; сигналы с пунктов наведения служат путеводной нитью к цели вплоть до начала воздушного боя. "Редут" также используется для предупреждения экипажей истребителей о появлении противника и для восстановления ориентировки.

Средства управления были достаточно надежными. Дальность обнаружения самолетов противника значительно увеличилась после того, как радиолокационную станцию подняли на холм. Появилась возможность отыскивать врага, летящего на малой высоте.

Летчики не стремились в первую очередь перехватить "фокке-вульфов" и "мессершмиттов", направляемых для расчистки воздушного пространства: все внимание - идущим вслед за ними бомбардировщикам, которые подчас оставались без прикрытия.

Вражеская авиация не проявляла особой активности. Она лишь пыталась на отдельных участках наносить бомбоштурмовые удары значительными группами по 6-14 самолетов, действуя исподтишка, прикрываясь облаками. Поэтому у наших истребителей работы по горло. Одна 315-я авиадивизия совершила полторы тысячи вылетов, большую часть которых - на сопровождение штурмовиков. Разведчики 50-го истребительного авиаполка летали с утра до вечера.

Боевые донесения пестрели строками, в которых чаще других повторялись имена Виктора Полякова, Ивана Пронякина, Леонида Корнакова, Георгия Новокрещенова, Ивана Мавренкина, Владимира Авдеева. Успешно вели разведку Николай Зинченко, Григорий Байдужий, Борис Поляков, Иван Прудкий. Хорошо знакомые в штабе названия пунктов на подступах к Даугавпилсу и Резекне чередовались с новыми, расположенными вдали от этих городов.

С 18 июля 171-й авиаполк прикрывал войска в районе Мозули, Лубаны. Потом действовал южнее. Чем дальше - нагрузка на истребителей возрастала. В строю уже находились новички Егор Чечулин и Леонид Ткачев, отобранные в запасном авиаполку майором Вишняковым. В их летных книжках адъютант эскадрильи 23 июля сделал первую запись: "Разведка войск противника в районе Даугавпилса".

Аэродром весь в движении. В такие часы и минуты кажется странным слово "стоянка". Долго не застоится здесь самолет. Подготовка к очередному вылету предельно уплотнена - об этом позаботились люди в промасленных комбинезонах, давно потерявших свой первоначальный цвет. Никто не назовет их профессию романтичной, но знает любой: отмени ее на один день - щемящая тишина наступит в воздухе.

Взаимопомощь техников и механиков разных профилей и специальностей сейчас проявлялась с особенной силой. Иначе разве смог бы после вчерашнего тяжелого воздушного боя близ Резекне взлететь сегодня утром Ла-7 No 76 майора Вишнякова? Одновременно с окончанием ночного ремонта механики дорисовали на самолете тринадцатую по счету звездочку. Тринадцатая победа в воздухе!

Это послужило поводом для очередной беседы агитатора политотдела дивизии капитана Рябова, который уже несколько дней находился в полку. Он видел, как приземлялась четверка Вишнякова, с замиранием сердца следил за посадкой на поврежденном самолете его ведомого в этом вылете старшего лейтенанта Нестеренко, всматривался с механиками в пулевые и осколочные пробоины на плоскостях и фюзеляже самолетов. Капитан видел, как трудились ночь напролет эскадрильские специалисты, с помощью соседей ремонтировали поврежденные в бою машины.

Ему привелось наблюдать в госпитале: так сосредоточенно работали хирурги. Только те ничем не проявляли своих чувств и переживаний, а инженер эскадрильи старший техник-лейтенант Владимир Петрович Дымченко сокрушенно покачивал головой, увидев вмятины на трубках высокого давления бензинового

насоса и гидросистемы, поврежденный винт, а на другом самолете развороченный маслорадиатор.

Механики, подобно врачам, всякое повидали на своем веку. Для них даже исключительные случаи в практике обслуживания самолетов выглядели обыденными. Консилиум длился недолго. Техник-лейтенант Владимир Николаев и старший сержант Антон Борисенко взялись за ремонт гидросистемы. Рядом с ними Владимир Иванов, Григорий Манецкий и Петр Самусенко. Винтом занялся классный специалист техник звена Геннадий Митюхляев. Вооруженцы углубились в демонтаж и монтаж пушек, которые вскоре вступили в строй. У радиостанций орудовал Дмитрий Тихонович Столяров со своими помощниками.

К утру стало ясно, что эти самолеты сегодня снова смогут подняться в небо.

Так уже повелось в полку - "берись дружно, не будет грузно". Вот когда проявлялся характер каждого. Инженер Николай Иванович Кириллов, знаток техники, его главные помощники Федор Песков и Иван Клименко, инженер эскадрильи чкаловских времен Владимир Владимирович Смогловский - кого ни возьми - мастер своего дела, смекалистый, трудолюбивый, упорный, а в целом это спаянный коллектив техников и механиков, начиная от Анатолия Куранова, незаменимых техников звеньев Павла Жильцова, Устина Николаева и Сергея Вечкаева, кончая четырнадцатилетним мотористом, воспитанником полка Мишей Вишняковым.

В ту самую ночь на 24 июля, когда шел аврал в эскадрилье имени Олега Кошевого, здесь находились вожаки партийной организации: избранный в этом году в партийное бюро коммунист ленинского призыва самый старший по возрасту Николай Сергеевич Култашев и самый молодой в бюро старшина Василий Ильич Ивасенко.

- Все самолеты введены в строй, - докладывал ранним утром Кириллов инженеру 315-й авиадивизии.

...Необычная для здешних мест жара.

- Схожая с прошлогодней на Орловщине, - вспоминает вслух Дубинин.

- Пекло, - отдуваясь, говорит Нестеренко, - сейчас бы полезть в то озерцо или подскочить к речке.

- На стартере или на бензовозе? - спрашивает с ехидцей Григорьев.

- Хотя бы на своих двоих...

Четверка Нестеренко уже успела сделать один вылет в район Даугавпилса. Ждут команды на следующий. Примяли чуть тронутую желтизной высокую траву под плоскостями. Кто на

боку, кто растянулся пластом; взгляды устремлены вверх или куда-то вдаль. Курить не хочется, да и не разрешается у самолета. Вздремнуть? Нельзя: в любой момент раздастся хлопок ракеты.

Плывут, плывут над ними затейливые облака, которые кажутся то белым медведем, то гигантской улиткой, то уродливым драконом или вдруг красавицей яблоней в белом цвету.

Откуда ни возьмись налетают стрекозы и, шелестя крыльями, кружатся возле Нестеренко, совершая головокружительные виражи.

За ними следит и капитан Рябов, а больше за выражением глаз летчика удивленных и восторженных. Сейчас, он знает, Нестеренко начнет свои философские рассуждения, навеянные тишиной, полетом стрекоз и плывущими по небу облаками.

Ошибиться трудно. За это время капитан близко узнал летчиков, сдружился с ними, и они без стеснения вступают с агитатором политотдела в самые доверительные разговоры. Нестеренко не исключение - с ним давно установились особенно теплые отношения. Рябов как в воду глядел:

- Сильны, черти, в пилотаже. - Под чертями Нестеренко подразумевает стрекоз. - Вот бы им еще турманами завертеться - без экзаменов в высшую школу.

И сразу переход:

- Как думаешь, товарищ капитан, куда мне податься после окончания войны?..

Трудно ответить на этот вопрос. Командиру звена через 5-10 минут вести четверку туда, где идут жестокие бои. Вчера ему с большим трудом удалось посадить искалеченную машину, а сейчас он загадывает о конце войны.

Нестеренко чувствует, что своим вопросом поставил в затруднительное положение агитатора, и поясняет:

- Вам легче. До армии учительствовали, институт закончили. Пойдете по проторенной дорожке. Директором школы станете. А нам? - И он показывает глазами на Иванова и сразу переводит взгляд на фигуру командира эскадрильи Вишнякова. - Сотрем фашистов, зачем тогда истребители?

- Армия долго-долго будет нужна. Вспомним, как Дзержинский говорил, правда, по другому поводу: "...умрет на час позже, но ни на минуту раньше мировой буржуазии".

- И военная авиация?

- У авиации большое будущее, без нее сейчас не победишь. Война уже научила.

- Пожалуй, останусь служить после победы. Без самолета жизнь не мила, он для меня все. Хорошо бы к Лавочкину

попроситься, испытателем. Или, чем черт не шутит, - поступить на командный факультет академии, конечно, после подготовки...

До Иванова долетают только обрывки фраз из этого разговора, хотя он полулежит рядом, возле своего Ла-7. Мысли переносят Юру далеко-далеко, в холодную землянку на тыловом аэродроме. Там, кажется, только вчера происходили те встречи, которые заставляют сейчас учащенно биться сердце.

Юра непроизвольно тянется рукой к карману гимнастерки, где под несколькими слоями газеты спрятана фотография, и тут же приказывает себе не трогать ее, потому что дал такое слово после размолвки. А ведь напрасно. "Мы же встретимся, и все пойдет по-старому, станет на свои места... Никто из нас, наверное, даже не вспомнит выпаленных сгоряча слов".

Он прикрывает глаза, и странное дело - между полузакрытыми ресницами возникает разноцветная радуга, изумляя его, вызывая радостную улыбку.

- Юра, не спи. - Голос Нестеренко заставляет летчика встрепенуться, сразу перенестись в будничную обстановку фронтового аэродрома с гулом опробуемых моторов, хлопками приземляющихся на малом газу самолетов, скрипом тормозов бензозаправщиков и стартеров.

- Не до сна, - с ноткой обиды отвечает Иванов. - Что, летим?

- Вон спешит начштаба. Наверняка поступило приказание.

Тревожные Юрины мысли мгновенно улетучиваются. Теперь он во власти других. Сейчас вылет. Надо еще раз взглянуть на планшет, закрепить в памяти маршрут, по которому он вторично пойдет сегодня в звене Нестеренко, заметить, где проходила утром линия боевого соприкосновения и куда переместилась за эти часы. Она ближе и ближе к Даугавпилсу - уходит дальше на запад. Не любитель громких фраз, он способен бесконечно повторять слова "на запад", самые популярные сейчас в наступающих войсках. Слова эти обязательно присутствуют в его коротких письмах, посылаемых при первой возможности родным.

...Летчик не спеша направляется к кабине. Позабыты только что пережитые волнения. Предстартовое спокойствие, присущее авиаторам, овладело им. Сейчас сигнал позовет Юру Иванова в воздух.

* * *

Представьте себя в положении человека, пишущего о летчиках фронтового неба, с которыми он сроднился, которые стали ему близкими и которых так полюбил. Они жили, сражались, совершали подвиги. Их труд ни с чем не сравним. Познавшие войну помнят, они могут свидетельствовать: "Не было почти ни одного спокойного и безопасного полета. Зенитки...

Прожекторы... Истребители. Однако выполняли поставленную задачу и приказ, несмотря на опасность, которая в любых случаях грозила не простой неприятностью, а смертью. Сейчас это кажется далеким и полузабытым. Но все было гораздо сложнее. Воля, нервы и тело человека были в постоянном напряжении. Ведь борьба шла не на жизнь, а на смерть..."{65}.

Боевой вылет. Из иного случалось кому-то не вернуться на свою базу. И надо ставить горестную точку. А перо не слушается, словно ты повинен в том, что произошло худшее, словно ты в силах предотвратить это худшее.

Из политического донесения 171-го иап: "Нестеренко А. М. и Иванов Ю. П. вели бой с 4 самолетами. Сбит один самолет противника. Не вернулся с задания младший лейтенант Юрий Петрович Иванов".

Из специального выпуска боевого листка: "Юрий Петрович Иванов родился в 1923 г. в г. Москве в семье рабочего. Без отрыва от производства закончил аэроклуб в 1941 г. В этом же году Иванов поступает в Борисоглебскую военную школу летчиков, которую окончил в 1942 г.

Заслуги молодого летчика отмечены двумя правительственными наградами: орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени.

24 июля с. г., выполняя боевое задание (сопровождение Ил-2), Иванов не вернулся на аэродром, отдав молодую жизнь за Родину. Образ юного героя будет вечно жить в наших сердцах, вдохновляя нас в священной борьбе с ненавистным врагом.

Майор И. Вишняков".

* * * "...Он любил летать. Он был одним из тех молодых летчиков, которые своим бесстрашием и в то же время точным расчетом выигрывали воздушный бой.

Юрий Иванов давал клятву Родине - сражаться до последнего дыхания, быть преданным своему народу.

Он сдержал свое слово.

Подполковник Ф. Кибаль".

Неизвестно точно, где погиб Юрий Иванов... Пройдут годы, а то и десятилетия. Может статься, однажды обнаружится глубоко в земле неподалеку от Даугавпилса самолет Ла-7, сохранивший следы боя, происшедшего в этом районе. Ошибки не будет - самолет принадлежал истребителю Юрию Иванову именно он погиб здесь 24 июля 1944 г.

Вы, внуки и правнуки советского летчика, бойца первой линии, чья жизнь была отмечена постоянной готовностью к подвигу, воздвигнете на этом месте скромный обелиск и напишете слова, славящие мужество погибших, но вечно живых...

* * *

Войска фронта последовательно выполняли задачи, поставленные Ставкой Верховного Главнокомандования. За полмесяца упорных боев они преодолели труднейшие препятствия на своем пути, и сейчас их наступательный порыв возрастал.

Хорошее настроение не покидало в эти дни бойцов 5-го танкового корпуса, прорвавшихся к важным коммуникациям противника, 8-й гвардейской стрелковой дивизии перед штурмом Резекне, 4-й ударной армии, приближающейся к Даугавпилсу, 43-й гвардейской дивизии, форсирующей водные преграды вблизи этого города, летчиков штурмовых и ночных бомбардировочных полков, громивших последние опорные пункты обороны противника на главных направлениях.

Экипажи самолетов По-2 двух дивизий - 284-й и 313-й - выполняли самые разнообразные задания штаба воздушной армии и в первую очередь наносили удары по целям, тщательно замаскированным противником. Кто лучше мог обнаружить такие цели, как не эти мастера ночного боя, обладающие зорким глазом и твердой рукой!

В связи с этим вспоминается одна страница истории 313-й авиадивизии. Здесь записаны имена Николая Шмелева, Андрея Рубана, Николая Анчушкина, Леонида Кутузова, Петра Роллера, Алексея Доценко, Григория Зинченко, Ивана Протасова, Алексея Доровского, Николая Магденко. На счету этой богатырской десятки насчитывалось около 5500 боевых вылетов.

Ближнебомбардировочная авиация достойно несла свою боевую вахту. Так было не только в 15-й воздушной армии. По-2 оказался настоящим боевым самолетом, и его сделали таким советские летчики. Кроме бомбовой нагрузки, достигающей иногда четырехсот килограммов, этот самолет был вооружен тремя пулеметами и эрэсами, на нем монтировалась радиостанция. Так что законно гордились и теперь гордятся ветераны своей причастностью к ночной бомбардировочной авиации.

...С хорошим настроением уходили на боевые задания экипажи 4, 638 и 701-го ночных бомбардировочных полков 284-й Новосокольнической авиадивизии. Ежедневно, точнее каждую ночь. Методические бомбардировки противника чередовались с разведкой и ударами по важным объектам в районе Резекне, по железнодорожному узлу, по шоссейным дорогам.

В июльские дни 1944 г. было предостаточно причин для хорошего настроения у летчиков, штурманов, механиков, мотористов - офицеров и рядовых 1-го Латышского авиационного

полка. И главная состояла в том, что совсем недавно войска 2-го Прибалтийского фронта вступили в Латвию, начав освобождение республики от немецко-фашистских захватчиков. Вскоре по полку с быстротой молнии распространилась короткая весть - войска приближаются к Резекне, ведут бои на двинском направлении.

С воздуха уже повидали эти города офицеры полка Николай Вульф, Вольдемар Рейзин, Шамиль Габдрахманов, Николай Жижченко, Артур Имша, Петр Роллер, штурман полка майор П. Харчихин. Теперь самолеты По-2 приземлялись на территории Советской Латвии близ города Лудза. И вот уже командир 1-го Латышского авиаполка майор Карл Августович Кирш, летчик с тридцатых годов, дает задание своим питомцам, уточняя маршруты, проложенные на картах в направлении Резекне.

В этом направлении летают экипажи всех полков 313-й авиадивизии. Объем их боевой деятельности весьма значителен. Сегодня ночью экипаж Турянского фотоконтролем фиксирует 17 очагов пожаров в эшелонах, скопившихся на станции Резекне. Завтра в полночь летчик Раздымаха и штурман Птицын, уходя от станции Шпоги (в 25 километрах северо-восточнее Даугавпилса), устанавливают, что ударами ночников вызваны пожары в эшелонах и взорван мост.

Сегодня рубеж обороны противника вдоль шоссейной дороги Ритини Грейвули усеяли воронки от фугасных бомб, сброшенных экипажами 998-го авиаполка. Завтра 20 самолетов По-2 этого же полка по приказу командира дивизии совершат налет на четыре эшелона, обнаруженных разведкой на станции Сакстагалс. В том, что летчики действовали успешно, убедились стрелковые части, занявшие станцию.

И так ежедневно. Самое большое напряжение наступило в период штурма городов Резекне и Даугавпилс. Ночники все время в воздухе, висят над головами обезумевших от страха гитлеровцев.

События на фронте после 25 июля достигли своей кульминации. На обоих флангах войска двинулись в решительное наступление. 10-я гвардейская армия ночью завязала бой за Резекне, и 26 июля ее гвардейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Ю. В. Новосельского, поддержанный артиллерией и авиацией, сумел прорвать передний край обороны противника. Вслед за тем на окраину Резекне ворвалась 8-я Панфиловская дивизия. Тем временем 4-я ударная армия приблизилась к Даугавпилсу и изготовилась к штурму города. Ранним утром 27 июля дивизия 83-го стрелкового корпуса пробилась на его восточную окраину.

В период штурма города с воздуха прикрывали свои войска истребители 315-й авиадивизии и 11-го смешанного авиакорпуса.

...Задолго до рассвета пробуждается аэродром 171-го истребительного авиаполка. Первым ведет свою эскадрилью в район боевых действий майор Вишняков. В боевом задании перечислены квадраты, где приказано патрулировать группе. Это окраины Даугавпилса. Приходят вовремя. Сюда приближаются "фокке-вульфы" с "мессершмиттами". Воздушный бой начинается с ходу. Главное - предотвратить бомбардировку атакующих батальонов 5-го танкового корпуса и стрелковых полков армии, которые рвутся к железнодорожной станции и окраинным кварталам. На смену группе Вишнякова подходит четверка третьей эскадрильи Ивлева. Она также вступает в бой с "фокке-вульфами". Никто из четверки не знает, что это сороковой воздушный бой летчиков полка, уже совершивших здесь более девятисот боевых вылетов... Станет известно позже, когда начальник штаба майор А. В. Жаворонков составит документ о представлении полка к награде орденом за участие в освобождении города.

Над Резекне в те же часы кружатся группы истребителей другого полка. Одну из них приводит сюда Александр Шевцов. Прошло менее двух месяцев с того момента, как бывший штурман

171-го авиаполка последний раз поднялся с родного аэродрома на своей "десятке", украшенной семнадцатью звездочками. В июне он стал командовать 148-м истребительным авиаполком, входящим в состав 11-го смешанного авиакорпуса.

Плотным строем появляются вблизи Резекне и Даугавпилса штурмовики. Трижды за 27 июля слышится по радио голос старшего лейтенанта Алексея Поющева: "Круг! Атака!"

По возвращении из очередного вылета весь 622-й полк торжественно встречает лейтенанта Александра Дубенко.

Под развернутым знаменем. С раскрытыми объятиями. С улыбками и, конечно, с поздравительными речами, произнесенными командиром полка И. А. Емельяновым, летчиком Е. М. Чаловым, командиром эскадрильи И. С. Беляевым, механиком самолета Казаковым и замполитом А. Д. Голубевым.

Вылет-то юбилейный - 120-й. Сама цифра говорит за себя!

В небе хорошо видны белые полосы на стабилизаторах "ильюшиных", которые привели в район Даугавпилса лейтенант Константин Рябов и другие ведущие из 190-го полка. Они громят вражеские артиллерийские батареи.

Авиация поддерживает войска, штурмующие города. "Командование фронта принимало все меры, чтобы как можно скорее освободить Резекне и Даугавпилс. С других участков сюда перебрасывались стрелковые части, артиллерия, танки. Бои, длившиеся весь день, продолжались и ночью. И только в 8 часов 10 минут утра 27 июля 8-я гвардейская стрелковая дивизия, поддержанная с флангов 7-й и 119-й гвардейскими стрелковыми дивизиями, пробилась наконец сквозь многочисленные линии траншей, завалы, противотанковые рвы, частые ряды надолб и на плечах врага ворвалась на центральные улицы Резекне. К вечеру город был полностью очищен от противника.

В этот же день 4-я ударная армия штурмом овладела Даугавпилсом"{66}.

Нетрудно представить радость, охватившую всех, кто сражался за эти города.

О ней сказали в поздний час на митинге и летчики 50-го истребительного авиаполка, славные разведчики, которые многократно поднимались со своего аэродрома, чтобы добыть бесценные сведения о противнике, раскрывающие его планы и замыслы; оставаясь всегда в тени, подчас безвестными, они как бы освещали путь наступающим войскам.

Сколько раз командующий фронтом генерал А. И. Еременко, по привычке просыпаясь ни свет ни заря, первым делом звонил в этот полк и лично давал задания подполковнику Винокурову: "Направьте своих асов в район (следовали координаты), там

остались со вчерашнего дня темные пятнышки".

При этом обязательно называл несколько имен, первое - Ф. Гамалия, следом за ним В. Полякова, И. Мавренкина, Г. Новокрещенова. Они принимали приказ как выражение большого доверия к себе и в душе очень гордились им. И не было случая, чтобы возвратились с разведки, самой сложной, не доставив нужных позарез сведений.

...О чем сказали разведчики на митинге? Поляков - о специальном задании, выполненном летчиками незадолго до решающего штурма. Гамалий - о неизбежности наступающей развязки, несмотря на строжайшие запреты Гитлера отступить хоть на шаг от этих городов. Мавренкин, волнуясь, говорил о городах, освобожденных на разных фронтах - Белостоке, Станиславе, Львове.

Текст очередного приказа Верховного Главнокомандующего успел принести еще до окончания митинга начальник связи полка Н. И. Семенов и с торжественным видом передал его подполковнику Винокурову. Этот приказ касался соседнего фронта, овладевшего Шяуляем.

Однако больше других обрадовал зачитанный целиком приказ войскам 2-го Прибалтийского фронта. Его слушали в торжественной тишине, и только по лицам было видно, как радовались авиаторы.

Войска фронта продолжали наступать. В сводках Советского информбюро 28 июля и в последующие дни - до 1 августа - сообщалось о сотнях освобожденных пунктов, сел, железнодорожных станций.

В августовские дни 1944 г. личный состав знакомился с прибывшим на должность начальника политотдела армии генерал-майором авиации Авксентием Петровичем Сухановским.

* * *

Начиная с 10 июля до конца месяца войска фронта, преодолевая упорное сопротивление противника на пяти заранее созданных им оборонительных рубежах, продвинулись вперед на 200 километров. За месяц боев одна только 3-я ударная армия освободила более трех тысяч населенных пунктов{67}.

Освобождение Даугавпилса и Резекне завершало важный этап операции, задуманной Ставкой Верховного Главнокомандования. Теперь задачей номер один было овладение столицей Латвийской ССР Ригой. Сюда перемещался центр тяжести боевых действий в Прибалтике.

Между тем штаб воздушной армии подвел некоторые итоги. Основываясь на документальных данных и многочисленных фактах, записанных в боевых донесениях, можно было прийти к

выводу, что авиация фронта выполнила свои задачи по обеспечению наземных войск. О том свидетельствовали почти 6 тысяч совершенных вылетов - из них 2 тысячи штурмовиками, особенно результативные удары по артиллерии противника, колоннам мотомеханизированных войск, крупным железнодорожным станциям, переправам, складам. Далеко немаловажное значение имели восемьсот вылетов экипажей разведывательных самолетов. Летчики прочно удерживали в своих руках завоеванное господство в воздухе.

Хорошо проявили себя все службы. Это относилось к связистам: воздушные и наземные сети работали устойчиво и полностью обеспечивали командованию условия для управления авиацией.

Представители метеорологической службы, находясь на станциях наведения, выезжая в район предстоящих активных действий авиации, через короткие интервалы сообщали оттуда в метеоцентр данные о погоде. Значение такой информации для экипажей, идущих на задания, трудно переоценить.

Как говорилось в выводах штаба, всеми видами материально-технического снабжения и боеприпасами части и соединения воздушной армии были обеспечены. Это в достаточной степени характеризовало деятельность сложного организма тыла, возглавляемого генералом П. Г. Казаковым.

Гибкостью мышления и оперативностью отличались офицеры аэродромной службы В. С. Арман, Е. П. Круковский, С. А. Крылов, И. Н. Цуканов, И. П. Ширяев. Благодаря им авиационные части имели всегда пригодную к работе и маневру аэродромную сеть. Самоотверженно трудились минно-саперные подразделения, созданные при районах авиационного базирования. Когда проводились изыскания аэродромов в тылу противника и после освобождения территории, они обезвреживали от мин, бомб, снарядов подъездные пути, сооружения на аэроузлах, взлетно-посадочные полосы, ликвидируя последствия вражеской деятельности. Более 40 тысяч обнаруженных и уничтоженных саперами "сюрпризов" говорили сами за себя. При этом отличилось подразделение Л. И. Кирюхина.

А общий вывод штаба был таков:

"Правильное распределение авиации в направлении главного удара, поэшелонное перебазирование частей и подразделений обеспечили бесперебойную работу авиации на поле боя и воздействие на противника в оперативном тылу"{68}.

Во время боевых действий своей слаженностью и четкостью выделялась инженерно-авиационная служба, которой со дня создания воздушной армии руководил умелый организатор и

специалист З. А. Иоффе. В напряженные месяцы боевой работы летных частей личный состав этой службы сумел осуществить более 14 тысяч самолето-ремонтов, а значит, сберечь и сохранить авиационную технику. Добрым словом поминали в полках и дивизиях всех, кто сберегал ее, держал в постоянной готовности к бою.

Ветераны армии, воевавшие в Прибалтике, на всю жизнь запомнили строки из приказа Верховного Главнокомандующего от 9 августа 1944 г.: "Соединениям и частям 2-го Прибалтийского фронта, отличившимся в боях за овладение городами Даугавпилс (Двинск), Резекне (Режица) присвоить наименование Режицких и Двинских и впредь именовать:

148-й истребительный авиационный Режицкий полк;

1-й ночной бомбардировочный авиационный Латышский Режицкий полк;

810-й штурмовой авиационный Режицкий полк.

190-й штурмовой авиационный Двинский полк".

В конце июля войска 2-го Прибалтийского фронта подошли к Лубанской низменности.

Глава девятая.

Рига зовет

Задача войск фронта заключалась теперь в том, чтобы путем глубоких обходов и охватов окружить и уничтожить обороняющиеся в Лубанской низменности войска противника, преодолеть труднодоступную лесисто-болотистую местность и овладеть рубежом Галгауска, Цесвайне, Мадона, Плявиняс. В дальнейшем, используя этот выгодный рубеж, развернуть решительное наступление на Ригу.

Местность в значительной мере определяла характер взаимодействия соединений воздушной армии с наступающими войсками, и штаб армии, его начальник генерал А. А. Саковнин отдавали себе отчет в том, насколько будет отличаться здесь боевая работа летчиков от предыдущей: повышалась роль небольших авиационных подразделений, которым предстояло поддерживать маневрирующие части, больше находиться над полем боя, быть предельно внимательными и собранными во время вылетов, так как значительно усложнялся поиск цели.

Усилились контакты со штабом фронта, участились выезды офицеров штаба воздушной армии, а также представителей штурмовых дивизий в войска, продвигавшиеся с трудом по болотам, топям и чащобам. В этих войсках безотлучно находились заместитель командующего воздушной армией Д. Д. Попов, командир 11-го смешанного корпуса С. П. Данилов, командир 214-й авиадивизии С. У. Рубанов, заместитель

командира 225-й штурмовой авиадивизии М. И. Сапогов. По их вызовам в нужный момент к местам боев, особенно где задерживалось продвижение, вылетали группы самолетов.

В первую неделю августа и в последующее время упорные бои велись также за Крустпилс. Здесь наступала 22-я армия вместе с 5-м танковым корпусом. Армия наносила концентрический удар своим правым флангом в общем направлении на Петераны, Вагули, севернее Крустпилса и слева вдоль Западной Двины. Ее поддерживала авиация.

Первое слово сказали штурмовики, наносившие группами по 5-6 "илов" удары по артиллерийским и минометным позициям противника в районе Петераны, Гостини, Крустпилс, Антужи и другим пунктам, находящимся в нескольких километрах восточнее Гостини. Кто были ведущими групп? Их имена, конечно, известны по описаниям вылетов над Идрицей, Даугавпилсом и Резекне: М. Е. Соколов и И. В. Башарин из 810-го Режицкого, И. И. Самохвалов из 825:го, А. И. Поющев и А. И. Полунин из 118-го гвардейского, Д. Э. Тавадзе, И. У. Гринько, К. А. Рябов, И. Г. Воробьев из 190-го Двинского и обязательно командир этого полка майор И. П. Бахтин, командиры эскадрилий и ведущие 622-го полка В. П. Опалев, В. И. Догаев, А. В. Дубенко, А. П. Семенюк, а из 502-го Таманского Б. А. Золотухин, В. М. Кирсанов, М. Д. Корнилов, Д. И. Луговской.

Военный корреспондент центральной газеты писал об одном летном дне: "Август в наши места пришел знойный, душный, лишь только ночью чуть подует освежающий ветерок с Балтики. Солдаты даже утверждают, что чуют его соленый запах.

На прифронтовом аэродроме летчики-штурмовики ожидают сигнала к вылету. У машин хлопотливо копошатся мотористы, механики, радисты.

Над аэродромом не умолкает гул. Одни штурмовики прилетают с боевого задания, другие поднимаются в воздух. Вот сейчас поднялся лейтенант Воробьев; через несколько минут он по радио сообщил, что в районе перекрестка шоссейных дорог настиг вражескую колонну и штурмует ее.

Вскоре вслед за группой Воробьева вылетают штурмовики лейтенанта Гринько. Они идут штурмовать вторую вражескую колонну, и об успешном выполнении задания на аэродроме становится известно через 20-25 минут после их вылета.

В очередной боевой полет вышел со своей группой и лейтенант Рябов. Этот веселый лейтенант (так зовут его все друзья) прошел путь от рядового летчика до командира звена. Сегодня его звено сделало уже четыре боевых вылета и подавило огонь 12 немецких орудий, рассеяло свыше батальона пехоты и

атаками с воздуха по-могло 221] нашим наземным войскам сбросить немцев с тактически важного рубежа.

Возвращаясь из полета, комсомолец Рябов встретил двух немецких истребителей, пытавшихся его атаковать. Штурмовик смело принял бой. Стрелок-радист Павлов первой же очередью поджег вражеский истребитель. Дымящийся клубок рухнул на землю. Второй вражеский истребитель, видимо поняв, с кем имеет дело, поспешил забраться в облака и скрылся.

День уже клонился к закату. В это время на аэродром поступила заявка пехотинцев. Над боевыми порядками наших наземных частей появились вражеские самолеты, поддерживающие танковую контратаку.

На разгром немецкой эскадрильи вылетела шестерка наших истребителей под командованием Подушкина. Бой был скоротечным, но жестоким. Четыре немецких самолета были сбиты, остальные 12 обращены в бегство. Наша шестерка вернулась на аэродром без потерь.

А. Башкиров "Красная звезда" 2-й Прибалтийский фронт 8 августа (по телеграфу)".

Как того требовал приказ командующего воздушной армией, свою задачу выполнила девятка Пе-2 99-го гвардейского авиаполка, разрушив мост у Крустпилса. "Илы" 187-го корректировочного (полк недавно вошел в состав армии) работали над артпозициями противника, и одновременно пары разведчиков этого полка на таких же самолетах углублялись во вражеские тылы. Но больше всего вылетов 7 августа совершили истребители. В воздушных боях они сбили 27 "фокке-вульфов". В этот район фашистское командование направило более сотни таких самолетов, и схватки в воздухе принимали ожесточенный характер. В одной из них пал бесстрашный истребитель из 171-го полка Алексей Нестеренко.

При поддержке авиации части 22-й армии и 5-го танкового корпуса сумели сломить сопротивление противника и глубоко вклиниться в его оборону, заняв выгодные рубежи для дальнейшего продвижения.

Менее успешным был здесь для авиации второй день наступательных боев 8 августа. Подводила погода, исключающая полеты. Но наземные войска продолжали развивать успех и овладели Крустпилсом, выполнив задачу, поставленную перед ними командованием фронта. Большую роль при этом сыграл 130 -й Латышский корпус.

От Советского информбюро Из оперативной сводки за 8 августа: "В течение 8 августа северо-западнее и западнее города Резекне (Режица) наши войска, продолжая наступление, овладели

городом и железнодорожным узлом Крустпилс, а также с боями заняли более 50 других населенных пунктов, в том числе Лапеныэки, Стырна, Капланы, Инданы, Дупены, Антужи, Упсарга, Какты, Зилани и железнодорожные станции Айвиексте, Зилани, Кукас.

Северо-западнее города Даугавпилс (Двинск) наши войска вели наступательные бои, в ходе которых заняли более 70 населенных пунктов".

Между тем на правом крыле 2-го Прибалтийского фронта и в его центре продвижение войск не отличалось стремительностью. Кроме болот и топей, речушек и озер, наступающим войскам преграждала дорогу не очень широкая, но глубокая река Айвиексте с сильно укрепленным во многих местах западным берегом. Она надолго запомнилась бойцам, сражающимся на земле, примелькалась и летчикам.

Трудными были маршруты в этот район. То и дело слышались голоса станций наведения: "Будьте внимательны", "Цели четыре и пять не штурмовать", "Ударьте по цели восемь", "Ударьте по двенадцатой". Пояснений не требовалось, потому что на аэродроме летчиков предупреждали: обстановка может измениться через считанные минуты, идут ближние бои, наша пехота, возможно, уже овладела целью.

Такие предупреждения получал 1 августа молодой ведущий шестерки "илов" лейтенант Корнилов, позже - капитан Шанкин, лейтенант Соловьев, старший лейтенант Попов. Именно шестерка Михаила Корнилова взлетела первой в начале наступления на Лубанской низменности. Поэтому он долго вспоминал этот день, как и ведущие Догаев и Дубенко, которые появлялись несколько раз над районами Марциена, Мадона, а потом в тылу врага, где действовали их однополчане Чадов, Семенюк, Гофман.

С задачей подавить артиллерийский и минометный огонь, препятствующий продвижению пехоты, вылетела группа лейтенанта Егора Чалова. По решению ведущего шли в пеленге. Таким строем и атаковали, сбросив бомбовый груз с крутого планирования. На втором заходе пустили в ход эрэсы, нажали на кнопки пушек и пулеметов.

Их сменила над целями другая шестерка из 622-го авиаполка, ведомая младшим лейтенантом Анатолием Семенюком. Она действовала с круга, подавляя обнаруженные на близлежащих холмах огневые точки. С третьей подошел лейтенант Генрих Гофман. Но экипажам не пришлось пустить в ход оружие "илов", потому что с небольшой высоты им было видно, как пошли в атаку стрелковые подразделения гвардейской дивизии. Да и голос офицера наведения приказывал следовать на другие цели в

глубине обороны противника.

В дни наступления часто вылетал на передний край летчик Иван Нычкин со своим ведомым. Они вели поиск по дорогам Савиена - Ляудона - Инданы, по берегам реки Айвиексте, внезапно появляясь над станцией Межаре, штурмовали на своих "илах" железнодорожные эшелоны, а на обратном пути обстреляли вражескую колонну, отступающую под напором частей 10-й гвардейской армии из Вараклян на Баркаву.

Наносили удары по артиллерийским позициям врага Золотухин и Луговской, шестерка Догаева, которая под прикрытием самолетов 431-го истребительного авиаполка шла в район Гостины с задачей заставить замолчать батареи близ населенного пункта Клауги. В те же минуты накрывала бомбами артиллерийские позиции группа лейтенанта Чалова.

Выполняла задание шестерка "илов" 502-го штурмового авиаполка, сопровождаемая парой истребителей 832-го. Прикрытие, все понимали, слабое. Трудно сказать, почему так получилось. Возможно, вылет был неплановый, возможно, ощущалась нехватка истребителей. Ведущему штурмовиков, двадцатилетнему лейтенанту Михаилу Корнилову от этого было не по себе. Но он видел, каково приходится нашим солдатам, наступающим по грудь в болотах.

Вдруг из просветов в облаках вывалились несколько "фокке-вульфов" и стали приближаться к штурмовикам. Только одно слово произнес Корнилов, нажав на кнопку передатчика: "Плотнее". Мгновенно шестерка как бы слилась воедино, а строй ощетинился пулеметами стрелков. Вражеские истребители стремились во что бы то ни стало преградить дорогу штурмовикам и обрушили на них одну атаку за другой. Многое теперь зависело от тех, кто находился в задних кабинах, от их самообладания, собранности и спокойствия. "На самолете заместителя ведущего младшего лейтенанта Кораблева находился воздушный стрелок сержант Зорин, известный в 502-м авиаполку тем, что обладал метким глазом и олимпийским спокойствием. Сколько раз эти качества выручали экипаж в трудную минуту! Не подвел Зорин и на этот раз. Все увеличивающийся в размерах лобастый "фокке-вульф", атакуя, развешивал в самой близости от хвоста "ила" сплошную желтовато-белую сетку из пулеметных очередей. Но, видно, тряслись у фашиста руки, потому что трассы из пулемета Зорина уже крестили фюзеляж "фокке-вульфа".

Сержант посылал очереди в нужный момент, который ему подсказывали опыт и чутье. Ни раньше, ни позже, а именно в то мгновение, когда он себе приказывал: "Бей!.." Гитлеровец

отваливал и снова делал заход.

Пятая атака была для врага последней. Вблизи от "ила" он будто споткнулся, перевернулся на крыло и, оставляя за собой черный шлейф, рухнул вниз. "Крышка!" - не помня себя от радости, крикнул Зорин.

А бой продолжался. В трудное положение попал экипаж младшего лейтенанта Кравченко. Его подбитый "ил" подвергался непрерывным атакам. Был ранен воздушный стрелок сержант Андреев. Теперь решающее слово принадлежало командиру экипажа. Единственный выход был в маневрировании - только маневр лишал врага возможности вести прицельный огонь. Летчик выдержал испытание. Он вздохнул с облегчением, когда перетянул линию фронта. А там подоспели на помощь наши истребители и сбили преследователя"{69}.

Между тем, закончив штурмовку, группа Корнилова легла на обратный курс.

Имя этого летчика стали все чаще упоминать в полку и выделять его среди ровесников. Не случайно командир полка подполковник Сергей Александрович Смирнов остановил свой выбор на лейтенанте при назначении новых ведущих групп. Внимательно приглядываясь к нему во время штурмовок, перед вылетами, на сборах летного состава, в часы занятий и короткого вечернего отдыха, он все больше убеждался в том, что Корнилов обладает нужными качествами воздушного бойца: пониманием тактики боя, безупречной техникой пилотирования самолета, храбростью, помноженной на дисциплинированность; в нем чувствовалась уверенность в своих силах, уверенность естественная, без рисовки и бахвальства.

Первые же полеты Михаила Корнилова, сперва ведущим четверки, теперь в августовские дни - большой группы, показали, что командир не ошибся.

"Молодец ваш Корнилов, - радировал несколько раз генерал Рубанов с пункта наведения, - как ударит по батареям, обязательно замолчат".

Так и укрепилось за Корниловым прозвище - "артиллерист". Что ни вылет - точное выполнение боевого задания. Результаты наблюдали истребители из групп сопровождения. Хорошие отзывы о нем нередко слали из штаба наступающей гвардейской дивизии или корпуса.

Настойчиво двигаясь вперед, войска фронта выбивали отчаянно сопротивляющегося противника из сел, хуторов, станций и поселков, расположенных на Лубанской низменности.

Бойцам 10-й гвардейской армии было очень трудно. "Они шли, - писала фронтовая газета, - очищая пути от мин, прорубая

леса, разбирая завалы, выстилая дороги, строя мосты и переправы. Часто по пояс увязали в вязкой и вонючей тине. Шли не налегке, а тащили на себе станковые пулеметы, минометы и нередко - небольшие орудия. Усталые, мокрые, грязные, сквозь чащи и топи шли вперед отважные гвардейцы, пядь за пядью освобождая родную землю. Гитлеровцы израсходовали десятки тонн тола, тысячи снарядов и мин, миллионы патронов, чтобы преградить им путь, зажигали леса - огонь плескался в сумерках урочищ, люди задыхались в дыму. Но они были неутомимы в своем стремлении разгромить врага. Обходили его опорные пункты с флангов, проникали в его тылы. Внезапность, стремительность, дерзость, бесстрашие вот что характерно для действий гвардейцев... В этих боях они еще раз доказали, что русская воинская доблесть - неиссякаемая сила, способная свершать любые чудеса".

Такими видели бойцов с высоты Корнилов, Поющев, Золотухин, Луговской.

Короткие сводки Совинформбюро не содержали подробностей, не называли цену шага - о том рассказали позже белые мраморные плиты на братских кладбищах, разбросанных по Лубанской низменности. Одно лишь упоминание освобожденного городка и поселка, преодоленных речушек и озер, перерезанных железных дорог говорило о подвиге.

Маршруты "илов" проходили по пути гвардейских дивизий. Экипажи пробивали огнем бреши в обороне противника, заставляя его прижиматься к земле в момент решительных атак пехоты.

Где-то к юго-западу от лубанских озер совершил сто первый вылет на Ил-2 (после шестисот на По-2) командир эскадрильи 825-го штурмового авиаполка 225-й авиадивизии сталинградец Иосиф Самохвалов. В районе Шкели его группа отметила этот вылет точным ударом по вражеской батарее и складу боеприпасов.

Неподалеку вел свою группу лейтенант Владимир Догаев, и по возвращении с задания его встречал на родном аэродроме строй под полковым знаменем. Летчика стискивали в объятиях такие же, как он, асы штурмовок, дарили от сердца цветы смущенные оружейницы. "Батя" Емельянов, Александр Дубенко, ближайший друг Владимира партийный вожак Анатолий Семенюк и замполит майор Александр Голубев поздравляли вчерашнего шахтера с "круглым" боевым вылетом. Так же чествовали и капитана Владимира Опалева в 622-м штурмовом авиаполку по случаю юбилейного 125-го боевого вылета.

Капитана Алексея Поющева знали за пределами 118-го

гвардейского штурмового авиаполка не столько по звучной фамилии, сколько по рассказам о его вылетах. Он представлялся человеком зрелого возраста, умудренным опытом штурмовок, наставником молодежи. Верное представление. Только в ту пору Алексею Ивановичу только-только минуло двадцать лет. "Гвардейцы-летчики, которых водят в бой Сафонов, Неменко и Поющев. Читайте отзыв о вашей работе из стрелковой дивизии, присланный командованием, - писала армейская газета. - 7 августа на одном участке нашего фронта Н-ский полк попал в тяжелое положение... Немцам удалось сконцентрировать здесь мощный ударный кулак. Тогда появились 18 штурмовиков под прикрытием 10 истребителей. В течение нескольких минут 18 "ильюшиных" обрушили на голову немцев такую мощь огня, что противник не выдержал. Дружной атакой наши пехотинцы разбили противника и снова двинулись на запад"{70}.

Командир эскадрильи гвардии старший лейтенант Александр Полунин, однополчанин Алексея Поющева, выполнял аналогичное задание. Цели находились к востоку от Мадоны. Шестерка под прикрытием группы истребителей майора А. К. Рязанова ходила над ними около получаса, не давая возможности вражеским артиллеристам и пулеметчикам поднять голову, сумев уничтожить несколько орудий и пулеметов. Мастером штурмовых ударов считал Полунина командир полка подполковник В. Н. Верещинский. Так назвал ведущего и командир наступающей стрелковой части, узнав, что именно группа Полунина помогла ей продвинуться вперед.

Гвардии старший лейтенант Павел Хрусталев, штурман экипажа самолета-разведчика 99-го гвардейского авиаполка, летал с начала августовского наступления над обширным районом Латвии, где развернулись боевые действия войск фронта. Летал и слал по радио донесения с борта "петлякова" в свой полк, а сержант Нина Сямина принимала их на узле связи КП армии. Нетерпеливо подхватывал белые ленточки с телеграфного аппарата начальник разведотдела армии подполковник Фатеев, спеша доложить генералу Саковнину.

Это были бесценные сведения для наступающих войск и для соединений воздушной армии. Засечены и засняты колонны вражеских машин по дорогам Мадона - Луксте, Рембате - Огре, Крустпилс - Рембате; пересчитаны эшелоны на железнодорожных станциях Огре, Скривери, на Рижском узле; установлено базирование разнотипных самолетов на аэродромах вблизи Биржи, Кокнесе, Румбула.

Над Биржи темная августовская ночь скрывала экипажи Латышского авиационного полка. Среди них чемпион бомбовой

нагрузки младший лейтенант Арвид Брандт с опытным штурманом Серафимом Козловым. Бомбы, подвешенные на их По-2 сверх нормы, не были лишними во время удара ночников по стоянкам вражеских транспортных самолетов.

В кабинах самолетов находились Артур Имша и Павел Эльвих, Арвид Брандт, Альберт Райнс, Петр Роллер, Николай Вульф. Шли в ночь Григорий Губарев и Николай Жижченко, Хуснитдин Ходжаев и Шамиль Габдрахманов. Долго помнили в полку вылет экипажа Волдемара Рейзина и Григория Губарева, когда тяжело раненный штурман продолжал выполнять над целью боевое задание.

У городка Цесвайне гитлеровцы сопротивлялись особенно упорно. Летчиков предупреждали из штаба дивизии: "Осторожно, цесвайнский замок!"

Расположенный среди холмов на возвышенности гранитный охотничий замок, нацеленный на все румбы крупнокалиберными пулеметами, установленными вокруг высокой башни, таил в себе грозную опасность для низколетящих "илов" - так хищный зверь подстерегает добычу.

Штурмовики совершали на подходе к этой западне сложный маневр, поднимались повыше, и гитлеровцы оставались с носом.

15 августа из уст в уста передавался рассказ, похожий на легенду, о подвиге штурмовика Ивана Федоровича Нычкина. Смертельно раненный, он продолжал вести свой "ил", чтобы спасти жизнь воздушному стрелку. Последними усилиями перетянул линию фронта, и в минуту приземления жизнь ушла от него.

Фронтовики помнят мастера разведки В. П. Полякова - 10 августа он с И. А. Ширяевым обнаружил в тылу противника нашу рейдирующую танковую бригаду и установил с ней связь. Это было накануне его двухсотого вылета. Помнят счастливые лица истребителей: старшего лейтенанта В. П. Бородаевского - в один день он сбил два "фокке-вульфа", одиннадцатого и двенадцатого на своем счету; капитана Константина Соболева - его шестерка истребителей сражалась против двенадцати вражеских самолетов и уничтожила восемь; лейтенанта Павла Новожилова из 148-го авиаполка - мстя за гибель Геннадия Серебренникова, он добавил к своему счету еще двух гитлеровцев, а его однополчанин Владимир Щербина - одного сбитого противника. Ведущий группы Вадим Бузинов уничтожил тогда в одном бою и "юнкерс" и "фокке-вульф".

С торжеством встретили в полках воздушной армии августовский указ о присвоении звания Героя Советского Союза штурмовикам Ивану Башарину, Давиду Тавадзе, Василию

Козловскому, Анатолию Соляникову, Дмитрию Никулину и Ивану Злыденному.

Не забылись вылет группы Ивана Башарина, когда он вместе с ведомыми с первого захода уничтожил переправу на Айвиексте; ночной полет двух экипажей 1-го Латышского ближнебомбардировочного полка (В. Рейзин - Г. Губарев, И. Волчков - А. Сапожников) сквозь стену зенитного огня и сплошную завесу лучей прожекторов. Раненые штурманы выводили самолеты на цель. За одними экипажами сразу появлялись другие, и всю ночь рвались на путях эшелоны с боеприпасами.

Не забылся полет старшего лейтенанта Николая Вульфа и лейтенанта Павла Эльвиха с важным заданием командования фронта. Днем 22 августа на немецком самолете "Гота-145" экипаж коммунистов В. И. Вульфа и П. Е. Эльвиха вылетел в район расположения штаба группировки войск противника в Прибалтике. Маршрут, измеряемый более чем 200 километрами, проходил над нашей и вражеской территорией, полет выполнялся на высоте 10-15 метров. Этот экипаж привез ценнейшие данные о противнике.

Вылеты авиации планировались в штабном документе под названием "Мадонская операция воздушной армии". Не все, конечно, летчики знали об этом документе, но все их вылеты составной частью входили в его заключительную часть. "Поддержанные бомбардировочно-штурмовыми ударами воздушной армии, части 10-й гвардейской и 3-й ударной армий к исходу дня 13.8.44 г. с боями вышли на рубеж Рули, Цисканы, Рубени и овладели крупным опорным пунктом обороны противника городом Мадона...

В этот же период частью своих сил 15-я воздушная принимала участие в боевых действиях 22-й армии в районе северо-восточнее Гостини при борьбе за овладение плацдармом на западном берегу реки Айвиексте, севернее Гостини".

Овладением Мадоны не закончилась операция. Войскам 2-го Прибалтийского фронта ставилась задача: наступая из района Мадоны на Ригу и частью сил на Дзербене, во второй половине августа уничтожить группировку противника.

Штаб воздушной армии направился в Мадону. Вражеская артиллерия еще продолжала бить по центру утопающего в зелени аккуратного беленького городка. Снаряды и бомбы разрывались на улицах и в садах. Осколки метили порой и фасад двухэтажного дома, занятого штабом, неподалеку догорали деревянные строения. Между тем с ЗИСов уже выгружались телеграфные аппараты, железные ящики с документами и пишущие машинки.

Сержант Александра Маслюк хлопотала возле аппаратов Бодо, монтируя на специальных столах блоки и агрегаты, закрепляла консоли для телеграфных лент. Их сразу заправила первоклассная связистка Марго Шахоян и приготовилась к передачам в штаб ВВС. С трудом втискивал в сарай зарядную станцию ее экипаж старший сержант Морозов, сержант Дроздов, ефрейтор Степанов, рядовой Щербак. Тянули провода к кроссу узла связи линейщики под командованием лейтенанта Ямщикова. Комендант штаба лейтенант Муравьев расставлял столы и стулья, прилаживал шторы для затемнения в комнатах, предназначенных для командующего и начальника штаба.

Генералы Науменко и Саковнин уже вселились сюда. Они с ходу углубились в документ, который только что принес майор М. Л. Кочуровский, - это была выписка из оперативной директивы штаба фронта о новом этапе наступательных действий в направлении Эргли.

В этом направлении 17 августа намечался прорыв обороны противника фронтальным ударом частей 10-й гвардейской, 3-й ударной и 22-й армий. Авиации ставилась задача максимальными силами поддержать войска с воздуха.

- Можно использовать полтысячи самолетов, - высказал свои соображения генерал Саковнин. - Главный инженер утром докладывал об окончании ремонта неисправных "илов" 225-й и 214-й дивизий, у Данилова дело тоже обстоит благополучно, так что пустим не менее 150 штурмовиков. Примерно столько же истребителей. Плюс 120 ночников, плюс три полка "пешек" дивизии Пушкина она успела облетать район{71}.

Начальник штаба продолжал:

- С Фатеевым успел переговорить, и он сразу дал команду разведывательным полкам удвоить усилия, чтобы засечь главные цели. Будет дополнительно планировать три - четыре группы "илов" для полетов на бреющем.

- Тишинов уже занялся прогнозом погоды на четвертую пятидневку. Вот-вот подъедет Казаков - уточним, сколько в наличии заправок и боекомплектов. По сводкам, с этим делом полный порядок, тыловики все время на ногах.

Карта с четко нанесенной на ней обстановкой подсказывала возможные направления ударов.

- Следовательно, не будем откладывать решение, - и командующий начал формулировать его.

К концу беседы подоспел генерал Сухачев. Здороваясь с ним, Науменко показал на директиву:

- Обсуждаем, Михаил Николаевич, познакомься.

Саковнин протянул сделанные карандашом черновые

наметки использования авиации для поддержки войск фронта.

- Стало быть, наступление продолжается. Сколько дадут дней на подготовку к новому рывку? - спросил Сухачев, прочитав оба листка.

- От силы - три.

- Не густо, но так лучше. Не иссякнет боевой порыв.

- Когда будет приказ?

- К завтрашнему утру.

- В таком случае поеду сейчас в политотдел и редакцию. Потом поработаю в тылах. К рассвету возвращусь.

И Сухачев поспешил к выходу на небольшую улочку Мадоны, где к деревьям соседней усадьбы прижался его "виллис".

- В редакцию, - ответил он шоферу, вопросительно поднявшему на него глаза.

Сухачев решил поехать в первую очередь к газетчикам. Он любил их живое дело, глубоко вникал в работу редакции, поддерживал ее хорошие начинания, крепко был связан с нею. Не раз редактор слышал от него похвальные отзывы за ударный материал, мобилизующий бойцов во время операций, но бывало ругал, делал внушения, впрочем, без едких замечаний и подковырок.

Он хорошо знал армейских газетчиков. Не сомневался в организаторских способностях редактора Николая Орлова и его заместителя Алексея Гришина, был убежден в том, что коллектив редакции состоит из инициативных, напористых военных корреспондентов и каждый находится на своем месте: этот живой как ртуть завсегдатай КП авиационных полков и дивизий Василий Трубкин, степенный и неторопливый спецкор-очеркист Игорь Чекин, растущий фронтовой поэт, мастер броских газетных заголовков Владимир Алатырцев, неутомимый выдумщик, автор хлестких строк о гитлеровцах Михаил Геллер, искусный фоторепортер, пробивной, как все его собратья, Игорь Бессарабов.

Сухачев с первых дней работы твердо решил не опекать редакцию, считая эту опеку малополезным, обреченным на неудачу и даже вредным делом. Он старался спокойно, избегая поспешных решений, влиять на ее деятельность, направлять по тому руслу, которое должно приводить к главному результату действенности на фронте слова партии.

Вот и сейчас, обдумывая, с чем придет к журналистам перед новой операцией, он мысленно обращался к событиям последних дней на фронте, когда были освобождены Резекне и Даугавпилс, к только что закончившимся трудным боям на Лубанской низменности, где и летчики сказали свое веское слово.

Сколько новых записей привелось сделать в своей книге-

дневнике, хранимой как самое драгоценное сокровище. Там были записаны имена людей непреходящего мужества. Он встречался с ними, видел ежедневно этих красивых простых людей, которые совершали свои подвиги, не зная и не думая о том, что именно так называют их труд, который им казался самым обыденным, каждодневным.

Порой к Сухачеву обращался командующий: "Загляни в свои записи, кто из штурмовиков перевалил за сотню вылетов?" или "Как выглядит разведчик Поляков у Винокурова?".

Каждое из множества имен, записанных в объемистую книгу, было связано с событиями, которые крепко врезались в память, напоминало лица летчиков, о чьей жизни подчас приходилось думать в прошедшем времени, и тех, кто продолжал сражаться.

Он реально представлял себе этих скромных людей, в большинстве своем очень молодых, попросту мальчишек, и других - с ранней сединой, успевших столько пережить с первого дня войны и столько сделать. Он сжился, сроднился с ними и, не повторяя ради позы услышанные однажды слова о любви к летчикам, о потребности стоять горой за них, чувствовал, что эти слова вошли в его плоть и кровь. "Да, - часто думал он про себя, - я люблю их, и это мое внутреннее убеждение".

Было вполне достаточно времени, чтобы по пути обдумать разговор, который необходимо вести в редакции в связи с предстоящими новыми наступательными боями войск фронта.

Не упрекнешь газетчиков: дыхание боев и жизни фронтовых аэродромов чувствуется в каждой колонке и в каждой заметке, будь она крохотной, или напечатанной крупным шрифтом корреспонденцией, или целым подвалом за подписью известного в армии командира эскадрильи штурмовиков гвардии майора Ивана Сафонова об опыте обработки цели с применением сложного тактического приема "восьмерка", или газетной шапкой: "Неси огонь священной мести, уничтожай врага в бою, делами доблести и чести прославим Родину свою".

Сухачеву не было необходимости долго рыться в памяти, чтобы вспомнить одного за другим летчиков, заслуживших доброе слово в газете. Они мгновенно возникали перед глазами: Виктор Нагорный, этот высокий, с гладко зачесанными назад густыми волосами хлопец с Сумщины; такой же высоченный, с орлиным профилем майор Иван Вишняков, бессменный командир эскадрильи славного 171-го полка; сравнительно молодой летчик, пылкий по натуре Павел Новожилов, в чьем облике чувствуется постоянное стремление идти в полет; добродушный и вместе с тем словно сжатый в пружину штурман 4-го истребительного полка Борис Максимович Бугарчев; ветеран армии Алексей

Суравешкин, научивший искусству воздушного боя летчиков на две, а то и на три эскадрильи; замечательный разведчик, комсомольский вожак Алеша Хлебников.

О таких надо писать в дни наступления. Их боевая работа - пример и призыв. И обязательно о Тавадзе - это же кладезь боевого опыта, тонкий тактик. О молоденьком ведущем из его эскадрильи Косте Рябове. Смешливый паренек, все улыбается, а дерется - дай боже! Это ведь он со своим воздушным стрелком Павловым сбил три "фокке-вульфа".

"Не упустить из поля зрения разведчиков. Им предстоит большая работа. Почему о старшем лейтенанте Дмитрии Никулине из 99-го полка до сих пор не поместили ни слова? Это человек - золото. А разведчики-истребители Мавренкин, Говорухин, Поляков, Зинченко, Новокрещенов, Пронякин, они чуют противника за сто верст.

Скоро день авиации. Редакции блеснуть бы особенным номером, размахнуться на все четыре полосы .."

Генералу есть что посоветовать редакции, есть о чем поговорить там перед новым рубежом.

* * *

Офицеры оперативного отдела, начальники отделов и служб собрались в самой большой комнате здания, ожидая генерала Саковнина. Они были предупреждены о характере директивы штаба фронта, знали, какая трудоемкая работа предстоит вечером и ночью.

Саковнин пришел оживленный, с неизменной улыбкой отпустил по обыкновению шутку, на этот раз в адрес разведчиков, которые никак не могут засечь немецкую артиллерийскую батарею, беспокоящую своим огнем штаб. Задал вопрос: "Готовы ко всенощной?" - и, убедившись по лицам операторов, что они готовы, приступил к короткому, но исчерпывающему сообщению.

Так начиналась у операторов напряженная и творческая работа, в которой проявляются способности, знания офицеров, участвующих в управлении войсками.

Создавался приказ командующего. Именно создавался, а не как иные склонны думать, писались пункты, заполнялись графы.

"Я решил". Надо это решение облечь в плоть и кровь. Рассчитать и расставить наличные силы для достижения наивысшего эффекта боевых действий такого огромного и сложного механизма, каким является воздушная армия. Мысленно представить себе: где, в какой момент и что будет делать каждая из многочисленных групп самолетов, направляемых на разные участки боев с главной целью оказать поддержку наступающим войскам.

Работая над приказом, офицер штаба смотрит на карту и видит вражеские батареи на холмах Видземе, видит спешащие из Кейпене и Нитауре к Эргли механизированные колонны противника. Весь собранный и напряженный, он уподобляется шахматисту, и мысль его бьется над вопросом, где и в какой момент появятся над целью, которая получает от него порядковый No 12 или No 14, штурмовики Рубанова или бомбардировщики Пушкина, где "висеть" до рассвета перед началом наступления ночникам, сколько групп "илов" направить в тыл вражеского оборонительного рубежа близ района Сауснеи, Юмурда, Яунпиелбалга.

Проходят долгие часы, и в итоге труда этих офицеров, имена которых не опубликуют газеты, не сообщат сводки Совинформбюро, появится приказ воздушным войскам фронта. С облегчением вздохнут операторы Мефодий Минаков, Георгий Балматов, Иван Вашкевич, Никита Хренов, Борис Золотарев, Василий Кандауров.

Страда не только у них. Тяжело приходится и связистам. Уже застрекотали аппараты Надежды Черной и Евгении Борисенко, чьи пальцы буквально летают по клавиатуре, запищали по-комариному и забасили простуженным голосом телефонные аппараты. Но радиостанции только развертываются под сенью яблонь, еще не все кабели подведены к кроссу. Как всегда, торопится подполковник К. Ф. Прокофьев, старается казаться спокойным командир полка связи майор В. Н. Свирин. Они уверены, что скоро все встанет на свои места. Наконец все готово.

Штаб слушал, мыслил, планировал.

То к аппарату подходил Саковнин и вел лаконичный разговор с Литвиновым. То Фатеев для уточнения обстановки спешил забрать у Нины Сяминой срочное донесение из разведывательных полков. То на узел связи попеременно наведывались оперативные дежурные КП Калинковский и Луценко. Но чаще других в дверях показывались офицеры Золотарев, Кандауров, Минаков.

И вот документ на столе у начальника штаба. Дважды прочитав его и поставив свою подпись, он звонит генералам Науменко и Сухачеву: "Приказ готов".

Вскоре майор Михаил Кочуровский садится за размножение приказа для частей.

"Я решил..."

Это означает: почти 500 самолетов воздушной армии поднимутся со своих аэродромов, чтобы содействовать прорыву обороны противника в районе Эргли. Накануне ударов армий фронта произведут фотографирование района Цесвайне, Марциена, Яункалснава, Сауснея экипажи 50-го

разведывательного авиаполка, а пять "петляковых" 99-го гвардейского полка углубятся на территорию противника, пройдут в тыл на сотню, а то и на все двести километров.

И части приступили к выполнению приказа командующего. Непрерывно велась разведка войск противника и фотографирование его обороны на участках прорыва.

В день наступления группы Ил-2 и Пе-2 под прикрытием истребителей уничтожали и подавляли вражеские огневые точки в районах северо-западнее и юго-западнее Мадоны, западнее Цесвайне, на окраинах Марциены и Яункалснавы.

К исходу 17 августа войска фронта продвинулись вперед и продолжали наступать на второй день, заняв ряд населенных пунктов, в том числе Марциену; на третий день летчики взаимодействовали также с 5-м танковым корпусом. Самое большое число вылетов совершили истребители, прикрывающие свои войска в районе Эргли.

Затяжные бои и появление значительных сил вражеской авиации вызвали необходимость внести коррективы в использование истребительных полков 11-го смешанного авиакорпуса и 315-й авиадивизии. Еще более увеличилась их нагрузка. Бои в воздухе приняли ожесточенный характер.

С 17 по 24 августа летчики воздушной армии совершили 1754 самолето-вылета, половину из них истребители{72}.

Но этим не ограничились действия воздушной армии. Без паузы она переключилась на поддержку 10-й гвардейской и 42-й армий, которые по приказу командующего фронтом начали наступать в общем направлении на Вецпиебалга и Юмурда с целью отвлечения контратакующих сил противника из района Эргли. Для авиационного обеспечения наземных войск выделялось 585 самолетов; в течение пяти дней до 29 августа они совершили более 2000 самолето-вылетов{73}.

Укрепив занятые рубежи, войска фронта начали готовиться к новым боям. Теперь уже за Ригу.

Рижское направление занимало важное место в стратегических планах Верховного Главнокомандования. К участию в наступлении привлекались все три Прибалтийских фронта; воздушным армиям надлежало прикрывать сосредоточение и развертывание ударных группировок этих фронтов и содействовать их продвижению.

Рижскому направлению уделяло огромное внимание и фашистское командование. Об этом свидетельствовала глубоко эшелонированная оборона противника. Его войска оборудовали несколько мощных оборонительных рубежей под названием "Валга", "Цесис" и "Сигулда"; из двух полос состоял рижский

оборонительный обвод; южнее Западной Двины на подступах к Риге проходили три основных рубежа и городской обвод{74}.

Ставкой Верховного Главнокомандования стратегическая наступательная операция в Прибалтике планировалась на фронте 500 километров, как одна из крупнейших по своему размаху в летне-осенней кампании 1944 г. "...Всхолмленный рельеф местности, система рек, озер и болот, - говорится в одном из документов армии, - создавали противнику благоприятные условия для построения глубоко эшелонированной обороны с отдельными узлами сопротивления, оборудованными укреплениями полевого типа, окопами полного профиля, траншеями, дзотами, расположенными на обратных скатах и в складках местности, противотанковыми рвами и другими инженерными сооружениями. Наличие большого количества лесных массивов позволяло скрытно перебрасывать и сосредоточивать живую силу и технику"{75}.

В первой половине сентября части противника вели оборонительные бои западнее Гулбене, Цесвайне, восточнее Эргли, западнее Гостини, реки Западная Двина. Его авиация базировалась главным образом на аэродромах Риги и Тукумса.

Суть решения командующего фронтом заключалась в том, чтобы фронтальным ударом 42-й и 3-й ударной армий при содействии части сил 10-й гвардейской и 22-й армий прорвать вражескую оборону на участке озеро Юмурда, Сауснея и разгромить противостоящую группировку.

Отсюда вытекали и задачи воздушной армии. Конкретно они заключались в том, чтобы в подготовительный период произвести фотографирование обороны противника в направлении главного удара, доразведку и изучение целей авиации ведущими групп бомбардировщиков и штурмовиков; дезорганизовать перевозки противника и подход его резервов. В процессе операции непрерывными

Массированными бомбардировочными и штурмовыми ударами уничтожать артиллерийские и минометные батареи, живую силу в траншеях, разрушать опорные пункты и узлы сопротивления. Прикрыть наземные войска и действия своей авиации на поле боя. Непрерывно вести ближнюю и дальнюю разведку.

Для выполнения этих задач командованием армии выделялось 592 самолета, в том числе 180 штурмовиков и 160 истребителей. Соотношение сил сторон было 1 : 2,4 в нашу пользу, что обеспечивало удержание ранее завоеванного господства в воздухе. Соединения и части воздушной армии базировались на аэродромах, находящихся в 20-40 километрах от

линии фронта.

Операция полностью обеспечивалась материально-техническими средствами - достаточным количеством боеприпасов, соответствующими сортами горючего и прочим.

Дальняя разведка в интересах фронта и армии возлагалась на 99-й гвардейский авиаполк, ближняя - на 50-й истребительный авиаполк.

* * *

...Взлетел Пе-2 99-го разведывательного авиаполка. На карте штурмана гвардии старшего лейтенанта П. И. Хрусталева проложен замысловатый маршрут. Подчеркнуты названия пунктов Аватыня, Вренцаня, Катриня и мызы Лелякане. Экипажу предстоит фотографирование площади переднего края обороны противника.

Павел Хрусталев первым применил в полку способ перспективного фотографирования, и его по праву считали самым опытным в этом деле.

Погода 7 сентября выдалась отличная, и съемка получилась на славу. Разведка вскрыла 20 артбатарей, 10 противотанковых орудий, 5 минометных батарей, 80 пулеметных точек, два километра противотанкового рва, более 20 разных складов.

В сентябре Павел Хрусталев летал часто, почти ежедневно. Самым сложным по условиям погоды и по содержанию задачи, полученной экипажем непосредственно от генерала Науменко, был его сотый по счету вылет в первый день наступления.

Пришлось идти на высоте не больше шестисот метров, опускаясь и до ста. Заданный район разведки находился в глубине обороны противника. Теперь Хрусталев едва успевал отмечать на карте: шоссейная дорога из Гружи на Цесис - 115 автомашин, из Лодзине на Иерики - 125 автомашин, на железнодорожной станции Иерики - 4 эшелона, Лимбажи - 2...

Экипаж разведывательного самолета возвращался на свой аэродром из района Риги. Только что воздушный стрелок-радист Надежда Журкина закончила передавать на КП полка радиограмму такого содержания:

"Станция Рига - до 30 эшелонов, 16 паровозов. На аэродроме 110 самолетов. В порту 19 транспортных кораблей. Колонна с юга к Риге 130 автомашин".

Дальние разведчики уже успели побывать здесь. Но такое донесение было получено впервые. Командир полка немедленно доложил о результатах разведки начальнику штаба армии, а генерал Саковнин - штабу ВВС.

Разведывательные полеты в этот район были продублированы во второй половине дня.

* * *

Приказ исходил лично от генерал-полковника авиации Науменко. Наступление только начиналось, и противник подтягивал резервы для контратак. Имелись агентурные сведения от латышских партизан о появлении новых танковых частей в районе западнее Эргли. Но где именно?

На этот вопрос могли и должны были дать ответ разведчики 50-го истребительного авиаполка.

Подполковник А. М. Винокуров послал на задание пару: Ивана Пронякина и Николая Концевича.

Взлетев с аэродрома утром, летчики взяли курс на Эргли. В наушниках начальника штаба полка Л. П. Казанкова, сидящего у радиостанции, послышался негромкий голос ведущего: "Следую к цели". "Вас понял", - ответил подполковник и сразу уступил место у радиостанции Винокурову: ясно, что за этой разведкой будет следить командир, а на НП армии - генерал Науменко.

С маршрута лейтенант еще несколько раз доложил: "Нормально", причем каким-то безразличным тоном. Но Винокуров понял: пара еще не долетела до заданного района. Но вот голос ведущего резко изменился, в нем почувствовались радостные нотки. Пронякин чуть не вскрикнул: "Вижу следы коробочек... В лесу скопление машин... Квадрат... - и назвал номер. Потом: - Следую домой".

Вместо обычного: "Вас понял, разрешаю", раздались слова: "Я "Береза". Назовите число танков". Это вмешался в переговоры генерал Науменко.

Конечно, командующему нужно было знать количество танков. Ответ мог подсказать, каковы замыслы противника, а главное - какие силы авиации направить немедленно к этому лесу близ мызы Катриня.

И разведка продолжалась. Трижды усложненная. Что только не делал с самолетом Пронякин, чтобы сосчитать танки! Ведомый повторял все его движения.

Рядом с самолетами, впереди, выше их мгновенно возникали черные зловещие клубки и шапки, проскакивали стайками трассирующие пули и снаряды. Огонь с земли достигал высшего предела - его вели из "эрликонов", танков, из всех видов оружия.

Теперь просматривался весь лес: танки угадывались под кучей веток, стояли на недавно пробитых ими тропах, прижимались борт к борту на краях полян.

Считать и считать. Пронякин менял направление полета, делал змейку, перекладывая самолет с крыла на крыло, круто виражил.

"Пора докладывать". Ведущий нажал на кнопку передатчика,

успел произнести позывной. Но в этот момент несколько снарядов прошили кабину. И все-таки в последнее мгновение он выдохнул еще одно слово. Его должны были понять на НП командующего. Понял и Винокуров на своем КП.

Потребовались считанные минуты, чтобы по приказу из штаба армии поднялись в воздух все полки 188-й бомбардировочной авиадивизии и девятками направились к лесу, над которым погиб лейтенант Иван Пронякин из пятерки "краснозвездных".

Событие, происшедшее в начале наступления 2-го Прибалтийского фронта, изложено в штабных документах так: "Разведчики-истребители 15 сентября 1944 г. своевременно вскрыли подход танковой дивизии противника по дорогам от мызы Скуене через мызу Катриня на Вимбас, от мызы Нитауре через мызу Аннас на мызу Огре, от мызы Клидене через Яунмуйжа на Расас и сосредоточившихся для нанесения контрудара в районе лесов Гобаскрогс. Своевременное вскрытие подходящих к полю боя танковых резервов противника дало возможность авиационному командованию немедленно организовать штурмовые и бомбардировочные удары для их уничтожения, а наземному командованию принять соответствующие меры по усилению войск, действующих на гобаскрогском направлении.

Высылаемые в последующие дни истребители-разведчики 50-го иап 315-й иад в условиях сильного противодействия с земли и в воздухе давали информацию о действиях указанной танковой дивизии противника, по которой наносились мощные удары авиации.

В общем итоге контратака 250 танков противника на данном направлении была сорвана, а танковая дивизия вследствие значительных потерь введена в бой не была и вынуждена 17 сентября начать отход в западном направлении на Мадлиену.

Разведывательные данные экипажей истребителей разведчиков 50-го иап 315-й иад были высоко оценены командующим фронтом и командующим воздушной армией"{76}.

Когда был освобожден район, с воздуха и на земле начались поиски самолета лейтенанта Ивана Пронякина. К великому огорчению, его не нашли. Не вырос в лесу обелиск. Но память об этом разведчике-истребителе навсегда осталась в сердцах его однополчан.

Событие, происшедшее в районе Гобаскрогских лесов, в известной мере отражало ожесточенный характер боевых действий, развернувшихся на рижском направлении начиная с 14 сентября. Здесь одновременно перешли в наступление ударные

группировки 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов.

На 2-м Прибалтийском фронте события разворачивались так.

С рассветом 14 сентября после обработки переднего края и тактической зоны обороны ночными бомбардировщиками 284-й и 313-й авиадивизий и также после мощной артиллерийской подготовки и массированных бомбардировочно-штурмовых ударов войска перешли в наступление на участке озеро Юмурда, мыза Сауснея. (Ближайшей их задачей был выход на рубеж Иерики, Нитауре, Мадлиена, Скривери.)

Противник оказывал упорное сопротивление, вводя в бой на некоторых участках резервы, переброшенные с других фронтов.

На третий день операции вследствие понесенных значительных потерь в живой силе и технике немецко-фашистские войска перешли к подвижной обороне и частично начали отход в западном направлении.

Авиация воздушной армии на этом этапе непрерывными массированными ударами групп бомбардировщиков и штурмовиков уничтожала вражескую живую силу и технику на переднем крае и в тактической глубине обороны, разрушала отдельные очаги и узлы сопротивления, уничтожала резервы. Группами истребителей прикрывала боевые порядки наших войск. Вела борьбу с авиацией противника и разведку.

В первые дни наступления наши войска продвигались медленно, метр за метром прогрызая вражескую оборону, выталкивая противника с оборонительных рубежей. Подчас приходилось переносить удары на новое направление.

Но вот к 17 сентября 22-й и 3-й ударным армиям, действующим совместно с 5-м танковым корпусом, удалось добиться значительного успеха. Прорвав оборону противника между Эргли и Плявиняс, они продвинулись на 20 километров.

Затем по решению командующего фронтом генерала армии А. И. Еременко основные силы были сосредоточены к северу от железной дороги Эргли - Рига с той целью, чтобы собранная на узкой полосе в кулак артиллерия и авиация могли подавить огневые средства противника во всей глубине его обороны. Командующий воздушной армией тогда же отдал приказ о перебазировании большинства частей на передовые аэродромы.

Через несколько дней ударная группировка войск фронта при поддержке авиации протаранила оборонительную полосу "Цесис" и форсировала реку Огре. Прорыв расширялся. На правом фланге 22-й армии успешно действовал 130-й Латышский корпус. За 22 сентября брешь достигла 100 километров. За несколько дней до стремительного рывка 5-го танкового корпуса к станции Таурупе по вражеским эшелонам на этой станции нанесла мощный удар

188-я бомбардировочная авиадивизия.

Недолго оставался на одном месте вспомогательный пункт управления, на котором находился генерал-полковник авиации Науменко с офицерами штаба. Сегодня ВПУ - близ КП 10-й гвардейской, завтра - 22-й армии, потом снова на направлении 10-й гвардейской. В зависимости от обстановки. Планы командования фронта в соответствии с коррективами Ставки претерпевали изменения, и место командующего воздушной армией было там, где концентрировались усилия войск.

* * *

Одна переписка как нельзя лучше отражает взаимоотношения людей земли и неба. Ее начал ефрейтор Павлюченко в день, когда войска освободили Кокнесе. "Я хочу, чтобы мое письмо прочитали летчики. Пусть знают, что о них говорят наши пехотинцы, которые отвоевывают с жестокими боями захваченную немцами советскую землю.

Проходил у нас последний бой. Немцы закрепились. Их надо было вышибать с каждой высотки, из каждого леска. Артиллерии и минометов у них было очень много. Нам надо было прорвать оборону и двигаться вперед. Утром слышим: моторы гудят - это наши самолеты. Считаем: десять, двадцать, идут и идут. На сердце радостно стало, прямо хоть "ура" кричи. Немцы начали бить из зениток, но разве наших летчиков остановишь?..

Дали они жару немцам. Тут у нас такое настроение, чтобы скорее вперед. И всегда так: как наши самолеты появляются, они нам силу прибавляют...

Летчики, конечно, не видят, что они сделали, а мы проходим и все видим. Мы видим, где орудия подбиты, где немцы побиты: вот это работа, вот это летчики - молодцы... Идешь и знаешь, что тебя поддержат, что летчики с воздуха помогут".

Ответ летчиков не задержался.

В нем говорилось: "...Похвалу мы считаем для себя высшей наградой. На войне благодарность друга превыше всего.

Вчера истребители под командованием лейтенанта Куницына вели групповой бой с ФВ-190, которые пытались напасть на штурмовиков и помешать им бить засевших на своих огневых позициях немецких пехотинцев и артиллеристов. В этом бою только один летчик Калинин сбил двух ФВ-190, третьего вогнал в землю Куницын.

Пусть друзья пехотинцы знают, что штурмуют врага на переднем крае летчики гвардии майора Сафонова, гвардии капитанов Кожухова и Поющева, Героя Советского Союза капитана Башарина, старшего лейтенанта Курыжева, капитанов Соколова, Самохвалова.

В одном из боевых вылетов гвардейцы Сафонов, Ковалев, Рябошапка, а всего группа в 20 самолетов, поражали артиллерию противника. Под ожесточенным огнем зенитчиков храбро действовал Сафонов. Он трижды заходил на артиллерийскую батарею противника, пока не уничтожил ее. В другом бою в тот же день гвардии майор Сафонов уничтожил немецкую реактивную установку... Ежедневно делая по нескольку боевых вылетов, наши летчики-штурмовики уничтожают по 10-25 артиллерийских орудий и минометов...

Пусть смелее идет в бой родная пехота. Наша сила - в единых действиях на поле боя. Совместными ударами с земли и с воздуха мы скоро очистим всю Советскую Прибалтику от фашистской нечисти".

Под письмом подписи: Герой Советского Союза майор Илья Шмелев (на счету 25 сбитых самолетов), Герой Советского Союза майор Алексей Рязанов (па счету 25 сбитых самолетов), Герой Советского Союза капитан Иван Степаненко (на счету 26 сбитых самолетов противника), гвардии старший лейтенант Александр Полунин (совершил 85 успешных вылетов на штурмовку), лейтенант Константин Снегирев (совершил 56 успешных боевых вылетов){77}.

Ивана Сафонова украшали его дела. Имя майора упоминалось почти ежедневно: "Вел группу Сафонов", "Удар штурмовиков-гвардейцев, ведомых Сафоновым", "Группа Сафонова уничтожила орудия и минометы на высоте Н.". Сделал Сафонов очень много, и больше всего на том направлении, которое в эти дни было главным для войск фронта.

Не меньше заслуг было и у других героев боев за Ригу, чьи имена перечислены в тексте письма пехотинцам и в подписях, - всех, кто сражался под грозовым латвийским небосводом и кто, оставаясь на земле, делал возможными их взлеты.

Широко было известно имя Михаила Соколова - дерзкого и умного штурмовика. Он начинал свой боевой путь в 810-м штурмовом. Потом воевал в 825-м. Иван Башарин летал в 810-м штурмовом, в августе стал Героем Советского Союза. Башаринская восьмерка - не редкий гость над немецкими батареями, расположенными на высотах Видземе. Шестерка капитана Александра Полунина тоже. Этого командира эскадрильи 118-го гвардейского авиаполка после августовских вылетов называли мастером штурмовых ударов.

Алексей Поющев - однополчанин Полунина. С 14 сентября у него не проходило ни одного дня без вылетов. В 225-й штурмовой авиадивизии трудно удивить летчиков мужеством в бою. Оно у них в крови. А Алексея, самого молодого командира эскадрильи,

заслуженно выделяли, ставили на первое место.

7 сентября подполковник В. Н. Верещинский подписал наградной лист с такими заключительными словами: "За образцовое выполнение боевых заданий, за проявленный героизм, мужество и отвагу, за произведенные 93 успешных боевых вылета на самолете Ил-2, за образцовое руководство эскадрильей, которая произвела 425 успешных вылетов, представляю тов. Поющева Алексея Ивановича к высшей правительственной награде - присвоению звания Героя Советского Союза"{78}.

...Идет наступление, и все вокруг дышит огнем. События в воздухе и на аэродромах мелькают, как кинокадры.

Где-то над Скривери или Нитауре произошел пятнадцатиминутный бой Ордина, в котором он сбил на виду у бойцов два немецких самолета, Получасовой бой вели "яки", ведомые Бузиновым, с двумя десятками "фокке-вульфов".

Командир эскадрильи Давид Элизбарович Тавадзе праздновал в Прибалтике две важных даты в жизни: присвоение звания Героя Советского Союза и сотый вылет на "иле". Он вел на цели западнее Эргли двенадцать штурмовиков и оторвался от группы, чтобы вызвать огонь зенитных батарей на себя. Искусный маневр, совершенный в разрывах снарядов, давал летчикам возможность отбомбиться без помех.

Группа истребителей Василия Петровича Гущина в районе Ледмане отражала атаку десяти "фокке-вульфов" на девятку "петляковых". Возвратились домой без потерь, сбив двух фашистов.

Там же, над Ледмапе, четверка Алексея Константиновича Рязанова вела бой с вражескими истребителями, угрожающими группе штурмовиков. Первым добился успеха ведущий пары старший лейтенант Усиков, вторым - Рязанов, третьим - его верный спутник в боях летчик-огонь лейтенант Валерий Шман. А штурмовики спокойно работали над целью.

"Атакуем!" - подал команду майор Илья Шмелев своим ведомым в тот момент, когда большая группа "фокке-вульфов" приближалась к десяти "илам". Это было слышно по радио ведущему штурмовиков капитану Иосифу Самохвалову. "Круг!" - быстро приказал он, и группа начала обработку цели. А неподалеку вспыхнул воздушный бой. За несколько минут штурмовики успели сделать пять заходов на цель. В воздушном бою сбил противника молодой летчик Иван Кошевой, потом майор Шмелев. Но вот возникла угроза командиру полка Александру Маркову, и Кошевой бросился к нему. Жизнь командира была спасена. Только Кошевому пришлось покинуть самолет на критической высоте. Все эти летчики из 185-й

истребительной авиадивизии. Она сражалась здесь под командованием полковника Георгия Николаевича Зайцева.

188-я бомбардировочная авиадивизия, возглавляемая Героем Советского Союза полковником Анатолием Ивановичем Пушкиным, воевала умело. Бомбардировщики летали к переправам на реке Огре, в районы Роплайни и Го-баскрогс, к озерам Юмурда и Пулгосна на бомбардировку противника, отступающего из Таурупе на Сунтажи и Мадлиену.

Полки дивизии появлялись там, где воздушная армия по приказу командующего фронтом поддерживала всеми силами наступление 10-й гвардейской армии, пробивая ей путь к Огре, и в полосе 3-й ударной армии севернее Плявиняс.

Боевая работа дивизии оценивалась высоко. Из штаба 110-го стрелкового корпуса писали: "Самолетами Пе-2 плотно прикрыли районы западнее Эргли, в результате чего интенсивность огня противника резко снизилась, и пехота получила возможность продвинуться вперед".

* * * "На этот раз снова на помощь пришли бомбардировщики Пе-2, после налета которых, по показанию пленных, пехота противника была настолько подавлена, что частично разбежалась, бросив огневые средства... Наши стрелковые части, используя эффект бомбардировки, сделали рывок и вскоре овладели пунктами Таурупе, Дакстэне и Яункейпене. Заместитель начальника штаба 110-го ск полковник Талызин. Начальник оперативного отдела подполковник Михайлов".

Командующий воздушной армией писал в своем приказе: "За хорошую организацию боевых действий и личное участие в вылетах на боевые задания в составе групп, способствовавших повышению эффективности ударов по противнику, командиру 188-й бад полковнику Пушкину, штурману гвардии майору Покрошинскому, командиру 650-го бап майору Вдовину... объявляю благодарность"{79}.

Более двух лет прошло с тех пор, как началась на Брянском фронте боевая деятельность воздушной армии. В первых же вылетах близ Землянска десятки летчиков проявили героизм и отвагу, в первые же часы фронтовой жизни на аэродромах беззаветно трудились славные помощники летчиков. Так появлялись в строю воздушных бойцов правофланговые. Теперь умножились их ряды.

Редко кому в полках и дивизиях, во всей армии не были известны имена героев боев под Орлом и в Прибалтике, их подвиги, приближающие час победы. Знали, как сражался над Латвией командир эскадрильи 431-го истребительного авиаполка Алексей Семенович Суравешкин, которому на латвийской земле

вручили новый Як-3 с дарственной надписью колхозницы Саратовской области Анны Сергеевны Селивановой. Шла молва, что в его арсенале сто приемов воздушного боя и обычно он применяет сто первый. Молва, не лишенная основания. Суравешкина называли самым скромным из самых дерзких летчиков. Так воевал в этом полку и Николай Федосеевич Баранов. Знали Степана Алексеевича Неменко, командира эскадрильи 825-го штурмового авиаполка, хотя бы по таким трем вылетам: первому - к станции Эргли, откуда майор довел свою группу до аэродрома, невзирая на то что его машина была подбита и изранена огнем зенитной артиллерии; второму - через два дня, 17 сентября, в район Салгани, где атаки его шестерки штурмовиков заставили смолкнуть вражеские батареи, третьему - на исходе месяца к Яунпилсу. Там удар "илов" был особенно метким, и диалог станции наведения "Сверло-2" с ведущим закончился словами: "Отлично, благодарю".

Такими же словами командир 1-го Латышского авиационного полка майор Кирш благодарил на полевом аэродроме один из лучших экипажей - летчика Арвида Брандта и штурмана Серафима Козлова за то, что им удалось подавить огонь нескольких артиллерийских батарей. Вес бомб, сброшенных ими за последнее время, перевалил за 25 тысяч килограммов.

Знали ведущею Ивана Гринько из 190-го штурмового авиаполка, такого же уважаемого здесь летчика, как его командиры и боевые товарищи Иван Бахтин, Давид Тавадзе, Иван Воробьев, Константин Рябов, Константин Абазовский. Говорили за себя 120-й вылет Гринько, совершенный 17 сентября, и последующий - в район Варжа, Сунтажа - подлинный образец для летчика-штурмовика по способам нанесения удара и по его результатам.

В полках и дивизиях чествовали лучших летчиков, передовые экипажи самолетов, техников и механиков, шоферов и трактористов, чей труд на фронте был образцовым.

Находились веские поводы для празднования. Например, вторая сотня второй тысячи боевых вылетов ночника Сергея Ульмелькальма, коллективная победа летчиков 171-го истребительного полка - они сбили в первый день наступления десять вражеских самолетов. Сотый вылет в составе группы майора Стефана Ивлева, миллионная листовка, сброшенная командиром звена 638-го ночного бомбардировочного авиаполка Ильей Липтуга. Десятитысячный снаряд, выпущенный из пушек своего "ила" Иваном Ивановичем Бабкиным - одним из лучших воздушных стрелков 810-го штурмового авиаполка.

Вели свой счет и земные братья героев неба Латвии, без них

не взлететь экипажу, не сразить врага в бою. Этот счет был более скромный, но не менее весомый. Сколько надо было потрудиться мастеру по авиавооружению сержанту Насынбаеву, чтобы в стартовке появились в сентябре такие стихи:

В жаркой схватке пушки, пулеметы
Не откажут, не сдадут вовек,
Коль проверил их перед полетом
Мастер Насынбаев Жаксыбек.

Среди тружеников фронта: трактористы из рот аэродромного обслуживания, передвинувшие горы снега и разгладившие все морщинки на взлетной полосе; бесподобные фронтовые шоферы, перевезшие в зной, метель и ненастье горы муки, пшена, гречки, шинелей, брюк и телогреек. Это и классные радисты из армейского узла связи Сергей Козлов, Женя Ларионова, Миша Шальман, а из 225-й штурмовой авиадивизии старшина Леонид Фирсов и сержант Николай Свирин; находящиеся в тени хозяйственники - поильцы-кормильцы летающей гвардии, ее добрые гении - доктора, медсестры, санитарки.

Пришел однажды к начальнику лазарета младший лейтенант Борис Телегин и, сверкая орденом Славы, который прикрепил ему на койке командир истребительного полка, сказал "спасибо" всем за то, что выходили его, обожженного и израненного, а персонально нянечке Оле - она поила-кормила с ложечки отчаянного истребителя.

Находил для врачей теплые слова старший на фронте летчик-истребитель Михаил Погорелов, четырежды меченный то осколками, то пулями и столько же раз возвращенный в строй своего полка. А тем более - лейтенант Владимир Дронов: его, контуженного и раненного, увезли с подбитого самолета в лазарет, возвратили слух и зрение, дали "добро" на боевые вылеты.

Мастер по вооружению сержант Жаксыбек Насынбаев обслужил 500 боевых вылетов

Жаль, что ни сестры госпиталя Бондарева и Осипова, ни врач 148-го истребительного авиаполка майор Гавриил Яковлевич Пелипенко, ни пионер медицины в авиации начмед 17-го района авиабазирования Николай Митрофанович Добротворский и его коллега Карп Филимонович Бойченко, ни заботливые доктора армейского госпиталя под номером 45-63, ни даже сам глава медицинской службы армии флагманский врач Е. А. Мещанинов не вели счет возвращенных в строй летчиков.

Но не в счете дело. Летчики знали: если что случится в бою - найдут их в лесах и болотах (на то и дежурят на НП в полной готовности поисковые группы), привезут в свой авиационный

лазарет, а там поставят на ноги.

Под ударами войск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов противник откатывался, используя благоприятные условия местности для обороны на промежуточных рубежах. При этом он нес огромные потери. На исходе сентября 1944 г. армии обоих фронтов находились в 60 километрах от Риги у рубежа "Сигулда". Большего успеха достиг 1-й Прибалтийский фронт. Всего 16 километров отделяли его войска от юго-западной части столицы Латвии. После 24 сентября этот фронт прекратил здесь наступательные действия и начал подготовку к Мемельской операции, которой Ставка Верховного Главнокомандования придавала огромное значение.

3-й и 2-й Прибалтийские фронты, попытавшись прорвать глубоко эшелонированную оборону противника, остановились на занятых рубежах.

В сентябрьских боях действий воздушной армии на рижском направлении суммируются так: "...По авиационному обеспечению произведено 12 455 самолето-вылетов. Танков уничтожено 66, орудий полевой артиллерии 152 (подавлено 200), орудий зенитной артиллерии уничтожено и подавлено 227; в 115 воздушных боях сбито 78 самолетов противника... Разведка войск противника велась непрерывно днем и ночью. Данные авиаразведки передавались непосредственно с борта самолета и принимались в штабах фронта, воздушной армии, армий и корпусов, на НП командующего воздушной армией, расположенного вместе с НП командующего фронтом... Широкое применение получила радиосвязь... Армии фронта при непосредственном содействии дневных и ночных бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей овладели позициями переднего края обороны противника и важными опорными пунктами: Эргли, Одзиена, Плявиняс, Нитауре, Яунпилс, Скривери, Яунелгава и вышли на дальние подступы к Риге"{80}.

Обо всем этом докладывал генерал Саковнин на сборах руководящего состава воздушной армии, организованных командующим по окончании первого этапа наступления. Цель сборов заключалась в том, чтобы разобрать ошибки, учесть опыт боевого использования частей авиации и управления ими при поддержке сухопутных войск, сделать из него нужные выводы перед решающим штурмом Риги.

На рижском направлении наступило затишье. Шла перегруппировка войск и подготовка к новым ударам, которые намечались на 7 октября. Активность авиации несколько снизилась, но вылеты групп штурмовиков и бомбардировщиков

не прекратились. Как всегда, напряженно работали воздушные разведчики. Их не касалась оперативная пауза.

События на 3-м и 2-м Прибалтийских фронтах вступили в новую фазу после 5 октября. Именно в этот день, назначенный Ставкой Верховного Главнокомандования, начал успешно осуществлять задуманную операцию 1-й Прибалтийский фронт. 5-я гвардейская танковая армия устремилась к Мемелю и Паланге, выйдя на шестой день наступления к морю. Впоследствии войска противника не смогли прорваться в Восточную Пруссию и были блокированы в Курляндии.

Успехи советских войск на клайпедском направлении благоприятно отразились на боевых действиях 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов. С утра 6 октября они перешли к преследованию противника в связи с его поспешным отходом с занимаемых позиций. Преодолевая рубеж за рубежом, войска обоих фронтов к 10 октября вышли к переднему краю рижского оборонительного обвода, а на второй день вклинились в его оборону.

В первых числах октября командный пункт воздушной армии переместился из Мадоны в Яунелгаву, в 70 километрах от Риги.

5 октября утром пришло предупреждение из штаба фронта о подозрительной суете в стане врага, а в ночь на 6 - приказ о вылетах авиации для участия в преследовании отступающих к Риге фашистских войск.

Чтобы лучше видеть полки дивизии в бою и управлять ими в меняющейся обстановке, на свой передовой КП выехал полковник Литвинов. Штаб 315-й истребительной авиадивизии мог широко использовать радиолокационную станцию "Редут", которая находилась в надежных руках лейтенанта Анатолия Спивака. По сигналу командира летчики поднимались со своих аэродромов, расположенных близ Унгурмуйжа, Куперниеки, Биржи, для отражения налетов вражеской авиации, идущей для прикрытия своих войск. Здесь провела успешный бой с 8 "фокке-вульфами" пара Новокрещенов - Байдужий.

"На колесах" находился командир авиационного корпуса генерал Данилов и все его ближайшие помощники. Сложность управления заключалась в том, что 4, 293 и 148-му авиаполкам корпуса - теперь он назывался 14-м истребительным ставились задачи прикрывать также наступающие войска 3-го Прибалтийского фронта.

На НП командующих 10-й гвардейской, 22-й и 3-й гвардейской армиями находились представители 225-й штурмовой и 188-й бомбардировочной авиадивизий.

Начальник штаба армии генерал Саковнин еще 5 октября

направился на НП 19-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал Андрей Трофимович Стученко. Они были хорошо знакомы по боям на дальних подступах к Риге - штурмовые авиационные полки помогали корпусу в дни сентябрьского наступления. Теперь снова речь шла о взаимодействии летчиков и частей корпуса. Вопросы решались быстро и оперативно: командир корпуса до войны учился в военно-воздушной академии, знал тактику авиации, ее боевые возможности, и Саковиину было легко договариваться с ним.

Снова полки воздушной армии в воздухе. "И летчик видит ширь Балтийскую и башни Риги впереди..."

Разведчики искали и находили отступавшие колонны противника, штурмовики и бомбардировщики, прикрытые истребителями, контролировали шоссейные дороги, обрушивали огонь на эшелоны, направлявшиеся в сторону Риги. Свою лепту внесла и дальняя авиация. О ее налетах на вражеские транспорты в рижском порту 12 октября сообщало Совинформбюро.

Армии 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов наступали. "В 10-й гвардейской армии вперед вырвался 15-й гвардейский стрелковый корпус, - отмечал начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал-полковник Л. М. Сандалов. - При поддержке 5-го танкового корпуса он преодолевал одну позицию за другой. Зато соединения, наступающие справа и слева от него, основательно подзастряли. Командарм М. И. Казаков вызвал авиацию. После бомбового удара 19-й гвардейский стрелковый корпус пошел быстрее".

"Вашу армию, - говорил Сандалов 7 октября начальнику штаба 10-й гвардейской армии генерал-майору Н. П. Сидельникову, - поддерживает вся авиация фронта", а 12 октября: "Воздушная армия взяла под контроль шоссе Кекава - Рига. Самолеты беспрерывно бомбили и обстреливали колонны противника, тянувшиеся на северо-запад". И позже, когда войска 2-го Прибалтийского фронта, наступающие медленно, вели тяжелые бои в южной части Задвинья: "Накал боев не спал и тогда, когда на землю легла непроглядная осенняя темень. Даже авиация продолжала действовать"{81}.

Это были летчики 810-го полка, которых вел Иван Башарин. Рядом шли истребители 148-го полка во главе с другом Башарина Владимиром Щербиной. Группа штурмовала с выгоднейших направлений, открывая огонь из всего оружия "илов". Другая группа - из 825-го штурмового полка, ведомая старшим лейтенантом Иваном Лапшиным, нанесла уничтожающие удары по "тиграм" вдоль шоссе Лиелварде - Кегумс.

"Богатую охоту" в районе Сунтажи вел капитан Михаил

Соколов, чей самолет узнавался по белогрудой чайке на фюзеляже. Запомнился бой его восьмерки с вражескими истребителями, в котором отличился воздушный стрелок сержант Владимир Николаев.

Были стремительные атаки Алексея Рязанова, Валерия Шмана, внезапное появление Павла Новожилова со своим тезкой Вершининым, снова вылет группы штурмовиков Ивана Башарина, сопровождаемой истребителями 148-го Режицкого авиаполка.

Ранним утром 13 октября штаб воздушной армии получил от генерала Сандалова сообщение, что войска 3-го Прибалтийского фронта форсировали Киш-озеро, вступили в Ригу и полностью овладели ее правобережной частью.

Тем временем 10-я гвардейская армия 2-го Прибалтийского фронта вела яростные бои на подступах к юго-западной окраине города, 130-й Латышский корпус сумел перерезать дорогу Рига - Елгава. 15 октября было освобождено Задвинье. Алый флаг уже реял над столицей Советской Латвии.

По-весеннему выглядели дни поздней осени в свободной Риге, в городах и селах Латвии, на притихших аэродромах. Во многих соединениях был двойной праздник: они получили почетное наименование Рижских. Их заслужили 14-й истребительный авиационный корпус (командир генерал-майор авиации С. П. Данилов), 315-я истребительная авиадивизия (полковник В. Я. Литвинов), 225-я штурмовая авиадивизия (полковник В. А. Корпусов), 188-я бомбардировочная авиадивизия (полковник А. И. Пушкин), 701-й ночной бомбардировочный авиаполк (подполковник П. В. Ключников) и 990-й ночной бомбардировочный авиаполк (майор М. Н. Афанасьев).

Секретарь ЦК Коммунистической партии Латвии Ян Калнберзин писал командованию 2-го Прибалтийского фронта: "...Латышский народ вечно будет помнить, что этой радостью освобождения он обязан Красной Армии.

Кровь, пролитая героическими сынами народов Советского Союза на латышской земле, скрепит дружбу народов братских союзных республик.

Мы гордимся, что в боях за Советскую Родину, за освобождение латвийской земли от немецких извергов лучшие сыны латышского народа, сражающиеся в составе войск 2-го Прибалтийского фронта, проявили образцы беспримерного героизма.

Немеркнущей славой овеет, воспоет в песнях латышский народ доблесть, стойкость и отвагу бойцов и командиров 2-го Прибалтийского фронта..."

В те дни на аэродромы пришла еще одна радостная весть.

Выросли ряды Героев Советского Союза - летчиков-штурмовиков воздушной армии. Это звание заслужили в боях за Орел и Брянск, за Советскую Латвию лейтенант К. А. Абазовский, капитан И. Г. Воробьев, капитан И. У. Гринько, старший лейтенант Г. Б. Гофман, старший лейтенант В. И. Догаев, старший лейтенант А. В. Дубенко, майор А. Н. Колбеев, старший лейтенант Л. М. Рощин, старший лейтенант К. А. Рябов, гвардии капитан И. И. Самохвалов.

В этом награждении была еще раз выражена справедливая оценка заслуг штурмовой авиации, тесно взаимодействующей с сухопутными войсками. Размах боевой работы штурмовиков непрерывно возрастал, как и удельный вес "ильюшиных" в Военно-Воздушных Силах. Ни одна сколько-нибудь существенная операция не обходилась без ударов этих грозных машин, обладавших большой огневой мощью.

Но коротки праздники на фронте. Приказ звал в бой. Туда, где яростно сопротивлялись прижатые к морю дивизии фашистской группы армий "Север".

Глава десятая.

Над "Курляндским загоном"

Основная задача, поставленная Ставкой Верховного Главнокомандования в Прибалтике в конце 1944 г., сводилась к тому, чтобы отрезать группу армий "Север", одновременно расчленяя и уничтожая ее по частям.

Трудным оказался путь наступления, суровой борьба на каждом рубеже. Враг сопротивлялся с остервенением, с упорством обреченного.

Здесь, в Прибалтике, советские солдаты сражались не жалея ни крови, ни самой жизни. Бессмертными подвигами насыщены страницы боевой летописи стрелковых и артиллерийских частей, танковых бригад, гвардейских дивизий и корпусов, авиационных полков.

Выполняя поставленные перед ними задачи, Прибалтийские фронты во время осенних полуторамесячных наступательных боев разгромили главные силы группы армий "Север" и загнали противника на Курляндский полуостров. Тогда и пошло - "курляндский загон".

Наступление возобновилось 16 октября.

Велико было желание ликвидировать здесь вражеские войска, но для этого требовались большие силы, а они направлялись Ставкой на решающие направления советско-германского фронта. В первые дни наступательных боев значительных успехов добилась 1-я ударная армия, которая недавно была передана 2-му Прибалтийскому фронту. Она прорвала оборону противника на

всю глубину и, продвигаясь вперед, овладела Кемери. Между тем на других участках фронта наступавшие войска остановились и перешли к обороне.

Новый рывок удалось сделать 10-й гвардейской армии 27 октября. Попытка соседей расширить прорыв встретила ожесточенное сопротивление, и наступление не привело к существенным результатам.

И все же группировка противника, состоящая из тридцати с лишним дивизий, была блокирована и не могла играть существенной роли в последующих событиях.

В зимние месяцы 1944/45 г. армии 2-го Прибалтийского фронта провели ряд частных наступательных операций. Действия войск фронта носили ограниченный характер. В них, как и раньше, свое место в строю занимала авиация.

Салдусское направление появилось в оперативных документах штаба армии в середине декабря. Что ни донесение из полков, что ни приказание из дивизий и армии - обязательно упоминается Салдус. В экипажах самолетов его нарекли "паучком", и не только потому, что разветвление дорог, идущих от города в разных направлениях, и впрямь напоминало паучьи щупальца. Летчики, особенно штурмовики, знали, что "паучок" нашпигован зенитной артиллерией, ненавистными "эрликонами", и тщательнейшим образом готовились к каждому вылету, воскрешая в памяти весь свой багаж знаний и опыта маневрирования в зонах огня зенитной артиллерии.

Наступающим на салдусском и тукумском направлениях войскам фронта противостояла достаточно сильная крупная вражеская группировка. 21 декабря против нее начала наступление 10-я гвардейская армия, а через два дня - 1-я и 22-я армии при содействии 19-го танкового корпуса. На воздушную армию наряду с обычными задачами возлагалось обеспечение ввода в прорыв этого корпуса. 360 штурмовиков и бомбардировщиков нанесли массированные удары по узлам сопротивления, а также уничтожали материальную часть на аэродроме Салдус.

Поднялись в воздух девятки Пе-2 188-й бомбардировочной авиадивизии, сопровождаемые к целям истребителями 185-й дивизии, в состав которой входили старые полки 4, 148 и 293-й из истребительного корпуса. Теперь он назывался 14-м истребительным Рижским, включив в себя также 315-ю истребительную Рижскую авиадивизию с ее костяком - 50, 431, 171-м полками.

Пошли на задания группы 225-й Рижской и 214-й Керченской штурмовых авиадивизий. Командующий армией направил

основные силы истребительной авиации на прикрытие боевых порядков наступающих войск, а также на патрулирование в районах, где обрабатывали цели штурмовики и бомбардировщики.

Общее число вылетов за дни операции приблизилось к восьми тысячам. Главными объектами ударов авиации, в том числе ночных бомбардировщиков, была вражеская артиллерия и узлы сопротивления. Заставив замолчать почти 500 огневых точек противника (добрую половину из них орудий полевой артиллерии), летчики оказали большую помощь стрелковым дивизиям и танкистам. В общем итоге воздушная армия выполнила свою задачу. Ее боевые действия получили высокую оценку маршала А. М. Василевского.

Сколько было вылетов, похожих вот на эти:

21 декабря командир 214-й штурмовой авиадивизии генерал С. У. Рубанов, находясь на пункте наведения рядом с наблюдательным пунктом командира стрелкового полка, произнес "отлично" в адрес ведущего шестерки "илов" майора В. Н. Опалева за меткий удар штурмовиков по батареям противника в районе высоты 121,1. Такую же оценку заслужил от комдива капитан В. И. Догаев, который со своей четверкой сменил группы 622-го Севастопольского авиаполка.

На второй и на третий день приказы генерала Рубанова слышались в районе близ Зварде и Бирзниеки. Его команды относились к капитанам Б. А. Золотухину и Л. М. Рощину, чьи группы тоже уничтожали зенитные батареи противника. Такие задания приобрели теперь не менее важное значение, чем в свое время борьба истребителей за господство в воздухе.

25 декабря летчики 622-го Севастопольского авиаполка Опалев, Дубенко и Догаев снова проявили себя, штурмуя во главе групп полевую и зенитную артиллерию врага. Они дали возможность пехоте продвинуться вперед, непрерывно воздействуя на оборонительный рубеж противника.

В тот же день, писал офицер штаба 22-й армии майор Силин, четыре пары охотников 190-го Двинского авиаполка - ведущие майор Федор Палехин, старший лейтенант К. Рябов, капитан И. Воробьев, лейтенант А. Шаров - на бреющем полете по маршруту Ауце - Добеле действовали по батареям полевой артиллерии, по окопам и траншеям от Джуксте до Паст.

Штурмовали с малых высот, совершая по 6-8 заходов на цели.

Заслужила одобрение командования боевая работа 187-го отдельного корректировочно-разведывательного авиаполка, которая оказывала неоценимую помощь наземным войскам. Самолеты Ил-2 этого полка с прикрытием и без прикрытия

истребителей ежедневно вылетали на задания, барражируя над артиллерийскими позициями противника и передавая непосредственно на радиостанции артиллерийских подразделений команду "Открыть огонь!". Их слушал и контролировал на своем ВПУ главный артиллерийский начальник, в чьей воле было перенацелить самолет-корректировщик на те участки обороны противника, где срочно требовалось огневое воздействие артиллерии. Радиостанции на самолетах работали безукоризненно, и это было залогом успеха каждого вылета экипажа корректировщика.

О подобных успешных вылетах рассказывают документы других полков истребительных, бомбардировочных, разведывательных. В полную силу трудился летный состав 14-го истребительного авиационного Рижского корпуса. За десять дней декабря общий счет сбитых его летчиками фашистских самолетов увеличился на шестьдесят. "Фокке-вульфы" врезались в землю у озера Курземе и под Джуксте, Ауце, Зварде, Яунпилс.

Плодотворным оказалось базирование штурмовиков вместе с истребителями. Они еще дружнее жили и лучше воевали. Не менее крепкой была дружба истребителей с экипажами "петляковых" 188-й бомбардировочной дивизии. Как только назначался вылет девяток пикирующих бомбардировщиков, ведомых полковником Анатолием Пушкиным (а это бывало часто), обязательно шел с ними заместитель командира 293-го истребительного авиаполка Герой Советского Союза майор Николай Логвиненко. Пушкин и Логвиненко питали друг к другу большое доверие, привязанность. Между ними установилось полное взаимопонимание, без которого нельзя достигнуть эффективной боевой работы бомбардировщиков, их безопасности, обеспечиваемой истребителями.

В штабе воздушной армии создалось самое лучшее мнение о командирах двух спаянных боевых коллективов. И генерал Саковнин выказывал к ним свое особое расположение, не таясь говорил, что можно просто любоваться работой этих деятельных, энергичных, искусных летчиков - командиров Анатолия Ивановича Пушкина и Николая Павловича Логвиненко.

В политические отделы дивизий и армии приходили новые и новые донесения о людях, отличившихся в последнем месяце 1944 г.

Знакомая читателю Надежда Журкина сбила на 45-м вылете свой первый "фокке-вульф".

Ее боевые подруги - связистки прислали ей такое поздравление: "Нам посчастливилось узнать о твоей победе раньше читателей газеты. Телеграмму корреспондента с

описанием твоего подвига принимали и передавали мы. Поздравляем тебя, наша боевая подруга, с большим боевым успехом. Верим, что, доколачивая немцев, зажатых между Тукумсом и Либавой, ты умножишь счет своих побед. Сержант Т. Дятлова, красноармейцы З. Резванова и Г. Убайдулина".

Докладывали из штурмовых полков: "...Капитан Владимир Догаев получил задание разведать систему ПВО противника. Вскрыл ее, вызвав огонь на себя... Группа опытного ведущего старшего лейтенанта Михаила Корнилова помогла продвинуться пехоте, заставив замолчать батарею на переднем крае... Герой сегодняшних боев Федор Палехин со своими ведомыми сделал за один вылет восемь заходов на траншеи противника по целеуказаниям станции наведения... По возвращении из 125-го вылета чествовали бессменного ведущего 622-го полка Аркадия Гришина".

Докладывали из ночных бомбардировочных полков: "...Летчица Валентина Пискарева сделала 11 боевых вылетов. Командир эскадрильи 1-го Латышского авиационного полка старший лейтенант Ф. Спрогис слетал десять раз за ночь с максимальной бомбовой нагрузкой.

...Летчик 4-го полка младший лейтенант Молодов М. А., штурман парторг эскадрильи младший лейтенант Беглецов В. Д. вблизи от Салдуса попали в зону лучей шести прожекторов и огня двенадцати орудий малокалиберной зенитной артиллерии. Осколки снаряда повредили мотор и вызвали на самолете пожар. Его удалось потушить скольжением. После второго попадания снаряда машина потеряла управление, вошла в крутую спираль и упала на землю. Летчики с трудом выбрались из-под обломков и услышали голоса подбегающих вражеских солдат. Но над поляной, отвлекая внимание от горевшего По-2, стал кружить второй самолет полка. Экипажу удалось скрыться в лесу. Долго пробирались к линии фронта, часто отлеживались в снегу. И когда уже приблизились к своим, натолкнулись на огонь немецкого патруля. Раненого Беглецова Молодов взвалил на себя и ползком двинулся дальше.

Боевое охранение выручило обоих..."

На трех десятках полевых аэродромов, расположенных один возле другого, день начинался, едва забрезжит тусклый зимний рассвет. Ступая по-медвежьи в своих косматых унтах, спешат к "илам" штурмовики 225-й дивизии. Через считанные минуты отправит первую группу в район Карклес командир 825-го полка майор Степан Акимович Солопов, взлетят их соседи из 118-го гвардейского, напутствуемые подполковником Владимиром Николаевичем Верещинским.

Радио донесет до КП короткие доклады ведущих о полном порядке на маршруте.

На подходе к аэродрому, расположенному близ Бауска, возникнет журавлиный клин "пешек", и тотчас взлетят эскадрильи 171-го истребительного полка, ведомые Ивлевым и Вишняковым. Сигнал из 188-й дивизии был получен десятью минутами раньше, и Ла-5 ожидали на старте появления бомбардировщиков. Встреча состоится по намеченному плану взаимодействия. Группа пойдет в район Салдуса. Она, как всегда, выполнит задание, но с одним экипажем случится беда. Неподалеку от цели его собьют. Ведущий группы доложит об этом по команде, потом в штаб принесут записку, которая потрясет всех однополчан. "Дорогие друзья!

Слева, справа - всюду вокруг меня кипит бой. Я не знаю, где наши, где немцы. Всюду автоматная, винтовочная и пулеметная стрельба. Рвутся мины и артснаряды.

Я до конца выполнил свой долг бойца Красной Армии, воздушного воина и не свернул с пути. Когда надо мной разорвался первый снаряд зенитки, был отбит элерон. Второй снаряд зажег самолет. Мы боролись с огнем, пока он не охватил всю кабину. Тогда пришлось прыгать. Выпрыгнул и Федя. Юрку я не видел, хотя слышал, как штурман передал ему команду прыгать.

Я видел Федю над собой. Он упал где-то рядом. Может быть, он счастливее меня и расскажет вам обо всем. Я кончаю. Сижу в воронке, жду ночи и вижу, как над моей головой проходят эшелоны "петляковых" и "ильюшиных". Я знаю, что если на этом мое участие в бою закончилось, то вы за меня отомстите. Порукой этому - бесстрашный полет идущих надо мной самолетов через разрывы зениток. Николай"{82}.

Этот листок бумаги нашли в кармане гимнастерки летчика капитана Н. Потапова. Он лежал на краю воронки с окровавленной головой, пробитой вражеской пулей.

Обреченная курляндская группировка противника ожесточенно сопротивлялась. В ее ликвидации неизменно принимали участие и авиаторы.

Накануне Нового года заместитель командира 4-го истребительного авиаполка Герой Советского Союза Алексей Рязанов со своей группой несколько раз вылетал для прикрытия войск. Над окутанным огнем и дымом полем боя истребители то и дело слышали в своих шлемофонах голос ведущего: "Атакуем!" Пять воздушных боев провела группа против "фокке-вульфов". Противнику нанесли потери опытные мастера воздушного боя Александр Марков, Валерий Шман, Виктор Куницын. Они

применяли испытанный вертикальный маневр, неизменно оказываясь выше вражеских самолетов, и наверняка поражали их. Так же успешно действовали истребители и в январе 1945 г.

26 января на салдусском направлении противник сосредоточил крупные силы. При поддержке танков и самоходных орудий его пехота атаковала наши войска на узком участке фронта.

В это время резко повысилась активность вражеской авиации. Она пыталась противодействовать нашим штурмовикам и сковать истребителей, прикрывающих поле боя. В воздухе одновременно находились несколько десятков самолетов. Майор Рязанов был атакован "фокке-вульфами" и подбит одним из них, зашедшим в хвост истребителя. На выручку пошел подполковник А. Марков. Он уничтожил противника и, прикрывая Рязанова, сопровождал его до места вынужденной посадки.

Тем временем майор Илья Шмелев со своим ведомым устремился на помощь паре старшего лейтенанта Куницына, атаковав четверку "фокке-вульфов". Маневр Шмелева позволил лейтенанту сбить одного, второй ушей вниз...

Бой 13 "Яковлевых" против 30 "фокке-вульфов" длился почти час. За это время противник дважды наращивал свои и без того численно превосходящие силы, а все же не смог хозяйничать в воздухе и помешать работе штурмовиков. Он потерял 10 самолетов.

Два подбитых "яка" произвели посадку на своей территории.

Враг упорно сопротивлялся и даже делал попытки контратаковать. Тогда на КП штурмовых полков раздавались сигналы из штаба армии, и с аэродромов поднимались группы за группой "ильюшины". Часто они шли к Джуксте. Их вели капитаны Борис Золотухин, Иван Воробьев, Иван Гринько, старшие лейтенанты Михаил Корнилов, Константин Рябов.

В тот период была плохая погода, но для боевых вылетов использовались любые возможности. Небольшие группы "илов" 810-го и 825-го штурмовых авиаполков наносили удары по батареям противника и вели разведку в направлениях Салдус, Тукумс. Экипажи 1-го Латышского Режицкого полка часто появлялись в ночном небе. Особенно проявил себя экипаж лейтенанта Алберта Ансона. Он выполнил задание на поврежденном самолете. Лейтенанты Александр Кузьминов и Александр Сапожников обнаружили эшелоны под парами на станции близ Салдуса. После их бомбардировки в этот район вылетела вся эскадрилья.

Стеной зенитного огня был встречен у цели экипаж Виктор Крастынь Алексей Морозюк. Шесть заходов на цель - и задание

было выполнено. В то трудное время полк выручала четкая работа батальона аэродромного обслуживания подполковника Диянова.

Стартовали на разведку в тылы противника экипажи 99-го гвардейского авиаполка. В экипаже Пе-2 лейтенанта Василия Воропаева находилась Надежда Журкина, теперь уже опытный воздушный боец. Из районов Тукумс, Кандава, Сабиле, Талсы она передавала по радио: "На станции Талсы 4 эшелона. На аэродромах Крумулы 18 самолетов. Октэ - 12. По дороге Тукумс - Стенде следуют 200 грузовых машин..." После посадки самолета командир экипажа докладывал: "На маршруте дважды атакованы парой "фокке-вульфов". Журкина отбила все атаки".

* * *

Бои на Курляндском полуострове разгорелись с новой силой во второй половине февраля{83}.

Ставка Верховного Главнокомандования усилила воздушную армию, придав ей несколько крупных авиационных соединений: 5-й гвардейский бомбардировочный, 7-й штурмовой, 1-й гвардейский истребительный авиакорпуса, 305-го штурмовую и 336-ю истребительную авиадивизии.

Эту огромную силу использовать в достаточной степени не представлялось возможным из-за сложной метеорологической обстановки в Прибалтике. Большинство дней были нелетными, и это сказывалось на поддержке наступательных действий войск. В иной день могли летать на задания лишь отдельные самолеты. В первый день возобновившихся боев 6-й гвардейской и 51-й армий вместо запланированных 1600 самолето-вылетов было выполнено лишь около 300, преимущественно штурмовиками. 550 вылетов следовало сделать ночным бомбардировщикам, но не взлетел ни один По-2. Зато на второй день экипажи 284-й и 313-й авиадивизий вылетали на задания 1155 раз{84}.

16 февраля 1-я ударная армия перешла в наступление в районе юго-восточнее Джуксте с целью прорыва обороны противника и последующего выхода на рубеж река Абава. Для поддержки наступления выделялось 240 самолетов 14-го истребительного авиакорпуса, 214-й и 225-й штурмовых, 188-й бомбардировочной авиадивизий, 99-го разведывательного авиаполка.

Наступательные действия продолжались пять дней. Войска продвинулись к исходу 20 февраля почти на 10 километров в глубину обороны противника{85}.

Без паузы начали наступать в районе Приекуле 51-я и 6-я гвардейская армии. Авиация была перенацелена на поддержку частей этих армий, которые имели задачу фронтальными ударами прорвать оборону противника, перерезать магистраль

Салдус - Скрунда - Либава с последующим овладением портом и городом Либава. 20 февраля при ограниченной помощи штурмовиков наземные войска вели тяжелые бои и медленно продвигались вперед. В последующие дни возможности авиации увеличились. Командование воздушной армии усилило прикрытие своих войск, направляя к полю боя большее количество истребителей.

К исходу 27 февраля после отражения неоднократных контратак пехоты и танков противника наши части продвинулись вперед на 6-8 километров в глубину его обороны и до 15-18 километров по фронту. Вскоре вражеским войскам удалось закрепиться. Части воздушной армии произвели 4540 самолето-вылетов, немало из них - 305-я штурмовая и 4-я гвардейская истребительная дивизии, которые поддерживали действия подвижной группы фронта - 3-го механизированного корпуса. Весь месяц летали на задания экипажи 99-го разведывательного авиаполка.

Ранним утром 4 марта после артиллерийской подготовки 22-я армия совместно с 3-м механизированным корпусом нанесла удар юго-восточнее Салдуса. Авиация не смогла участвовать в подготовке - помешала погода. Лишь в середине дня, используя просветы в облаках, небольшими группами вылетали экипажи "ильюшиных" и "петляковых". В последующие дни марта было произведено 3716 вылетов (авиацией противника - 384). Продвижение войск на запад было незначительным. В связи с возросшим сопротивлением противника наступил период боев местного значения.

17 марта начали наступать на салдусском направлении части 42-й и 10-й гвардейской армий. Однако в этот день количество вылетов авиации достигло лишь 124. Большинство их сделали штурмовики. Потом метеорологическая обстановка стала более благоприятной и позволила увеличить число вылетов. Но, несмотря на поддержку авиации, наступление развивалось медленно.

В апреле снова двинулись вперед части 1-й ударной и 42-й армий. 10 дней продолжались их наступательные действия при поддержке авиации. Некоторые авиационные полки и дивизии пополнились молодым летным составом. Особенно большое пополнение получили 225-я и 305-я штурмовые авиадивизии.

Благодаря помощи авиаторов воздушной армии 1-я ударная армия прорвала оборону противника юго-западнее Румбу и продвинулась на 15 километров, расширив прорыв до 32-36 километров{86}.

Погода в апреле оставалась плохой. К низкой облачности

добавились дожди вперемешку со снегом. Только кратковременные улучшения метеоусловий позволяли использовать для поддержки 1-й ударной армии небольшие группы штурмовиков.

При первой возможности летчики вылетали на уничтожение автотранспорта на дорогах, эшелонов на перегонах и железнодорожных станциях, самолетов противника на аэродромах. Наряду с этим по приказу командующего ВВС значительные группы "петляковых" в сопровождении истребителей направлялись в район Кенигсберга для бомбардировки опорных пунктов и огневых позиций противника. Это были 127, 128 и 35-й полки 5-го бомбардировочного авиакорпуса.

По плану, разработанному штабом армии, на авиационные части возлагались такие задачи: ударами с воздуха нарушать управление войсками противника, уничтожать самолеты на стоянках, склады горючего, боеприпасов и продовольствия, плавучие средства в порту Либава, блокировать шоссейные и железные дороги, выводить из строя другие важные военные объекты. На выполнение перечисленных задач фактически летало 762 самолета.

Из ночи в ночь начиная с 8 апреля планировались вылеты большого количества По-2 284-й и 313-й авиадивизий. Экипажи знали, что за порядковыми номерами целей в Салдусе, Скрунде, Тукумсе, Талсы, Кандаве, Пелчи, Ванге скрывались склады, штабы вражеских дивизий и корпусов 18-й полевой армии, аэродромы.

Командующий воздушной армией проявлял непреклонность, требуя выполнять план, когда позволяли условия, и одновременно строго следил, чтобы полеты проводились без отступлений от требований наставлений. В плохую погоду группы штурмовиков и бомбардировщиков находились в часовой готовности к вылету. Они могли взлетать лишь с разрешения командующего.

Вот один документ, характеризующий боевую работу летчиков. "Войска фронта во взаимодействии с авиацией провели ряд наступательных операций с задачей: изматывать и уничтожать противника, находящегося в обороне, сковать его и не дать ему возможности выводить войска с Курляндского полуострова.

В результате на либавском, тукумском и салдусском направлениях противник был выбит из крупных опорных пунктов Джукste и Приекуле, сбит с первых линий оборонительных рубежей и отброшен в западном и северо-западном направлениях в общей сложности по фронту на 70 км и в глубину до 25-30 км.

Всего за два месяца (февраль - март) соединения воздушной армии произвели 14 038 самолето-вылетов...

На аэродромах Карклес, Сирава, Либава уничтожено и повреждено до 30 самолетов. В проведенных 168 групповых воздушных боях было сбито 143 истребителя противника.

Отдельные группы штурмовиков и бомбардировщиков показали образцы боевой работы и могут служить примером.

21 февраля в районе Приекуле авиация действовала в сложных метеоусловиях. Группа штурмовиков отбила контратаки танков противника и обеспечила возможность нашим войскам продвигаться вперед, за что Маршал Советского Союза Л. А. Говоров объявил благодарность ведущему и всему летному составу групп.

За период 4-6 марта отлично работали в районе целей группы штурмовиков, где ведущие Соколов, Суханов (225-я шад), Золотухин, Рябов (214-я шад), Вдовин, Морозов, Постнов, Сливко, Грицков (188-я бад), за что мною было приказано всех ведущих представить к правительственной награде.

Командующий воздушной армией Науменко. Начальник штаба воздушной армии Саковнин"{87}.

Делали все возможное для приближения дня победы истребители 14-го Рижского авиакорпуса.

Голос командира корпуса генерала Данилова постоянно звучал со станции наведения. Его хорошо слышали ведущие групп и летчики. 17 марта над станцией завязала бой с восьмеркой "фокке-вульфов" группа капитана Владимира Щербины, сопровождающая "илы". Она не допустила вражеских истребителей к штурмовикам. Неподалеку прошли три девятки Пе-2 188-й авиадивизии вместе с 20 Як-9, ведомыми майором Сергеем Сафроновым. Не обошлось без боя. Строй "петляковых" не был нарушен.

На аэродромах истребительных полков команды генерала Данилова поднимали в воздух дежурные группы, которые приводили к полю боя подполковник Александр Марков, майор Николай Логвиненко, старший лейтенант Владимир Дронов, капитан Виктор Нагорный, майор Николай Ябриков. Командир корпуса не забыл поздравить командира 293-го авиаполка подполковника Александра Кетова с двухсотым вылетом и пожелал ему успеха в пятидесятом воздушном бою.

Данилов наблюдал, как подполковник Марков со своей десяткой Як-9 отражал атаки "фокке-вульфов", которые норовили пробиться к "петляковым", радовался успеху летчиков Григория Парада, Владимира Дронова, Вадима Бузинова, Павла Вершинина, Ивана Шаройко, Валерия Шмана.

* * *

Еще раз войска фронта получили приказ "Вперед!".

Командующий воздушной армией решил всеми силами авиации наносить удары по противнику в полосе наступления 67-й и 1-й ударной армий на участке Тукумс, Салдус. "Наши войска к исходу 7 мая 1945 г. вклинились в оборону противника на глубину 8-10 километров и по фронту до 100 километров. К 16 часам 8 мая, продолжая развивать наступление, продвинулись вперед на глубину до 14-18 километров.

Днем 8 мая авиация массированными эшелонированными ударами групп по 12-27 Пе-2, штурмовиков и истребителей уничтожала войска противника на переднем крае и в глубине его обороны в районах Тукумс, Салдус, Паплака, железнодорожные эшелоны на станциях и перегонах на виндавском и либавском направлениях.

Плавучие средства в порту Либава. Летал 961 самолет (158 Пе-2, 393 Ил-2, 410 истребителей), которые произвели 2319 самолето-вылетов".

Так освещены события, происходившие 8 мая на фронте, генералом Саковниным.

Это были последние записи в штабных документах о боевой деятельности летчиков 15-й воздушной армии в Великой Отечественной войне.

8 мая в 19 час. 15 мин. командующий воздушной армией отдал приказ о прекращении боевых действий вверенных ему частей и соединений.

В этот день фронтовые аэродромы стали конечными пунктами маршрутов экипажей на войне. 197 983 часа находились летчики воздушной армии в боях, выполняя свои главные задачи: содействие сухопутным войскам в разгроме войск противника и уничтожение немецко-фашистской авиации.

Множество страниц вышло из-под пера офицеров штаба армии после окончания войны и составили один большой документ под названием "Общие итоги боевой деятельности 15-й воздушной армии на фронтах Великой Отечественной войны с августа 1942 по май 1945 года". В документе множество цифр, выкладок, примеров. Но есть несколько цифр, самых красноречивых. Вот они. Летный состав воздушной армии произвел за войну 170 593 самолето-вылета, участвовал в 1520 воздушных боях, в которых уничтожил 1824 самолета противника.

Примечания

{1} Архив МО СССР, ф. 286-й иад, оп. 6439, д. 7, л. 37.

{2} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 1, л. 29.

{3} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 9005, д. 15, л. 557.

{4} Архив МО СССР, ф. 32-го рап, оп. 143383, д. 1, лл. 1-9.

{5} Архив МО СССР, ф. 361, оп. 6079, д. 222, лл. 8, 11.

{6} Исторический формуляр ВА, стр. 21.

{7} История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 3. М., Воениздат, 1964, стр. 107-109.

{8} А. Г. Рытов. Рыцари пятого океана. М., Воениздат, 1968, стр. 213.

{9} К середине 1943 г. советская авиация по количеству самолетов на фронте превосходила немецко-фашистскую авиацию почти в 2,5 раза. См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, Т. 3, стр. 215.

{10} Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, т. 3 стр. 244.

{11} С. М. IIтеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, стр. 158.

{12} Архив МО СССР, ф. 290, оп. 9820, д. 7, л. 58.

{13} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 33, лл. 9-10.

{14} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 38, л. 12.

{15} Архив МО СССР, ф. 35, оп. 92865, д. 59, лл. 22-23.

{16} С. М. Штеменко. Генеральной штаб в годы войны, стр. 164-165.

{17} С. М. Штеменко. Генеральной штаб в годы войны. стр. 166.

{18} Там же, стр. 168,

{19} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 33, л. 38.

{20} Архив МО СССР, ф. 1-го гв. иак, оп. 517117, д. 1, лл. 11-12.

{21} 1-го гв. иак, оп. 517117, д. 1, л. 195.

{22} 366, оп. 6469, д. 33, лл. 47-51.

{23} 1-го гв. иак, од. 517117, д. 1, лл. 197-198,

{24} МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 33, лл. 44, 46.

{25} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 367, лл. 326-327.

{26} Архив МО СССР, ф. 420, оп. 11057, д. 371, л. 77.

{27} Архив МО СССР, ф. 1-го гв. иак, оп. 517117, д. 1, лл. 11-12.

{28} Архив МО СССР, ф. 1-го гв. иак, оп. 517117, д. 1, л. 14.

{29} Архив МО СССР, ф. 225-й шад, оп. 25002, д. 5, лл. 209, 211,

{30} Архив МО СССР, ф. 225-й шад, оп. 126712, д. 1, лл. 55-57.

{31} Архив МО СССР, ф. 225-й шад, оп. 126711, д. 1, л. 119.

{32} Архив МО СССР, ф. 63-й армии, оп. 11057, д. 56, лл. 74, 75,

{33} С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны, стр. 171.

{34} Там же, стр. 172,

{35} Архив МО СССР, ф. 225-й шад, оп. 25002, д. 5, л. 228.

{36} Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 50, лл. 66-67.

{37} Архив МО СССР, ф. 1-го гв. иак, оп. 517117, д. 1, л. 208.

{38} Белов - условная фамилия генерала Е. М. Белецкого, употреблявшаяся при переговорах по радио.

{39} Цит. по кн.: Крылатые сыны Родины. Изд. ВВКА, 1967, стр. 222.

{40} Архив МО СССР, ф. 284-й нбад, оп. 98123, д. 2, л. 112.

{41} САБ - светящиеся авиационные бомбы, спускающиеся на парашютах.

{42} Архив МО СССР, ф. ВА, оп. 6469, д. 22, лл. 37, 38.

{43} См. "Военно-исторический журнал", 1959, No 10, стр. 19, 20.

{44} "Военно-исторический журнал", 1959, No 10, стр. 22.

{45} Архив МО СССР, ф. ВА, оп. 6469, д. 22, л. 40,

{46} "Военно-исторический журнал", 1959, No 10, стр. 31-32.

{47} "Военно-исторический журнал", 1959, No 10, стр. 32-33.

{48} См История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, т 3, стр. 396, 398, 399

{49} Архив МО СССР, ф. 366, од. 6469, д. 22, лл. 50-51.

{50} В октябре 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования преобразовала управление Брянского фронта в управление 2-го Прибалтийского фронта и переместила его на новое оперативное направление.

{51} См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, т. 4, стр. 25, 27.

{52} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 56, л. 291

{53} Архив МО СССР, ф. 284-й нбад, оп. 256069, д. 2, л. 20.

{54} Архив МО СССР, ф. 313-й нбад, оп. 103762, д. 24, лл 18-19.

{55} С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны, стр. 262, 263.

{56} "На страже Родины", 15 февраля 1944 г.

{57} Архив МО СССР, ф. 366, д. 6469, оп. 103, лл. 86-87 и д. 67, лл. 5-7.

{58} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 3, л. 186.

{59} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 22, лл. 90, 91.

{60} Архив МО СССР, ф. 225-й шад, оп. 6469, д. 37, л. 43.

{61} Герой Советского Союза штурман 214-й авиадивизии майор Виктор Федорович Воронов похоронен в латвийском городе Зилупе после освобождения его советскими войсками.

Именем героя названа зилупская средняя школа.

{62} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 7-77, лл. 109, 110.

{63} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 366, лл. 4, 5, 6,

{64} Архив МО СССР, ф. 214-й шад, о. 157869, д. 18, л. 16.

{65} Из письма штурмана эскадрильи Героя Советского Союза Алексея Дмитриевича Зайцева.

{66} Л. М. С а н д а л о в. Трудные рубежи. М., Воениздат, 1961, стр. 40.

{67} Архив МО СССР, ф. 3-й ударной армии, оп. 4306, д. 457, лл. 42-44.

{68} Архив МО СССР, ф. ВА, оп. 6469, д. 22, лл. 90-109.

{69} Архив МО СССР, ф. 214-й шад, оп. 14042, д. 6, лл. 45, 56, 60.

{70} "На страже Родины", 20 августа 1944 г.

{71} 188-я бомбардировочная авиадивизия, вооруженная самолетами Пе-2, под командованием Героя Советского Союза полковника А. И. Пушкина в то время вошла в состав воздушной армии.

{72} Архив МО СССР, ф. ВА, оп. 6469, д. 22, лл. 128, 129, 130.

{73} Там же, лл. 133-136.

{74} См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, т. 4, стр. 344.

{75} Архив МО СССР, ф. ВА, оп. 6469, д. 22, лл. 156-171.

{76} Архив МО СССР, ф. 284-й нбад, оп. 98123, д. 2, лл. 38-39.

{77} "На страже Родины", 24 и 26 сентября 1944 г.

{78} Указом Президиума Верховного Совета СССР А. И. Поющеву бало присвоено звание Героя Советского Союза 18 августа 1945 г,

{79} Архив МО СССР, ф 365, д 67, оп. 6469, л 7

{80} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 1, лл. 163, 164, 165, 167.

{81} Д. М. Сандалов. Трудные рубежи, стр. 102, 105, 120, 132.

{82} "На страже Родины", 8 мая 1916 г,

{84} Архив МО СССР, ф. ВА, оп. 6469, д. 23, лл. 317, 318.

{85} Там же, лл. 295-307.

{86} Архив МО СССР, ф. ВА, оп. 6469, д. 23, лл. 365-369.

{87} Архив МО СССР, ф. 366, оп. 6469, д. 364, лл. 113, 114.